

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ



КЛИФФОРД
САЙМАК



МАГИСТРАЛЬ ВЕЧНОСТИ

ЛУЧШИЕ ПОЗДНИЕ РОМАНЫ В ОДНОМ ТОМЕ!

Золотая коллекция фантастики

Клиффорд Саймак

Магистраль вечности (сборник)

«ЭКСМО»

1972, 1977, 1982, 1986

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Саймак К. Д.

Магистраль вечности (сборник) / К. Д. Саймак — «Эксмо»,
1972, 1977, 1982, 1986 — (Золотая коллекция фантастики)

ISBN 978-5-699-94075-2

В данном томе собраны лучшие произведения позднего творчества Клиффорда Саймака. В романах «Выбор богов» и «Звездное наследие» писатель рисует печальную картину заката человеческой цивилизации и размышляет о поиске новых путей развития общества. В романах «Живи высочайшей милостью» и «Магистраль Вечности» тема упадка цивилизации переплетается с излюбленной темой Саймака – контактом с иным разумом. Но все произведения пронизывает общий лейтмотив веры в разум, способный противостоять страхам и невежественности.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-94075-2

© Саймак К. Д., 1972, 1977, 1982,
1986
© Эксмо, 1972, 1977, 1982, 1986

Содержание

Поздний Саймак: в осенней вселенной в поисках Бога	6
Выбор богов	12
Глава 1	12
Глава 2	15
Глава 3	18
Глава 4	27
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	38
Глава 8	41
Глава 9	43
Глава 10	45
Глава 11	52
Глава 12	53
Глава 13	55
Глава 14	60
Глава 15	62
Глава 16	64
Глава 17	68
Глава 18	69
Глава 19	71
Глава 20	72
Глава 21	77
Глава 22	78
Глава 23	80
Глава 24	82
Глава 25	84
Глава 26	87
Глава 27	88
Глава 28	90
Глава 29	93
Глава 30	95
Глава 31	97
Глава 32	100
Глава 33	101
Глава 34	103
Звездное наследие	106
Глава 1	106
Глава 2	107
Глава 3	110
Глава 4	115
Глава 5	121
Глава 6	123
Глава 7	127
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Клиффорд Саймак

Магистраль Вечности (сборник)

Clifford D. Simak

A CHOICE OF GODS © 1971 by Clifford D. Simak

A HERITAGE OF STARS © 1977 by Clifford D. Simak

SPECIAL DELIVERANCE © 1982 by Clifford D. Simak

HIGHWAY OF ETERNITY © 1986 by Clifford D. Simak

© А. Александрова, перевод на русский язык, 2017

© О. Битов, перевод на русский язык, 2017

© Е. Воронько, перевод на русский язык, 2017

© М. Гитт, А. Шаров, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Э», 2017

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Поздний Саймак: в осенней вселенной в поисках Бога

1

В 1971 году Клиффорд Дональд Саймак опубликовал рассказ «Земля осенняя» о безработном инженерере, у которого не осталось в этом мире никаких привязанностей. Возможно, поэтому герой выпадает из времени. Сначала он заглядывает в будущее – и видит там ядерную войну; потом приходит в деревню, где каждый день похож на вчерашний и завтрашний, где каждую ночь восходит полная луна, где царит вечная осень.

Когда Саймак писал этот рассказ, ему было 67 лет, и он, конечно, чувствовал старость. Собственно, «Земля осенняя», несмотря на молодого героя, – рассказ о старости, типичный для позднего Саймака: изощренная проза, сложная композиция, тонкий психологизм, и при этом – ноль объяснений. Нам не сообщается, отчего герой видит будущее, и кто такой Молочник, заботящийся о жителях деревни, и что это за деревня. Есть только намеки, размытые, как сам Молочник, «то ли человек, то ли призрак». Может, мир ждет катастрофа – и добрые инопланетяне спасают отчаявшихся, а Молочник – робот, призванный заботиться о людях? Или же герой мертв, а деревня – это преддверие потусторонней жизни, в котором души отдыхают, прежде чем двинуться дальше? Так или иначе, это рассказ о вечной осени, традиционно означающей старость – сумерки жизни, ожидание перехода в неизвестное, время, может быть, итогов, но уж точно не перемен.

Велико искушение сказать, что мир позднего Саймака, а точнее, миры – он часто писал о времени как о не имеющей начала и конца череде миров, «тянущейся в прошлое и в будущее, хотя нет ни прошлого, ни будущего», – это именно такая осенняя вселенная: безбурная, повторяющаяся, возвращающая читателя к прежним темам, образам, героям. Примерно так о Саймаке чаще всего и говорили: в пожилом возрасте он обыгрывал в книгах то, о чем писал в зрелости. Множественность реальностей, пастораль Среднего Запада, путешествия во времени, разумные роботы, больше похожие на людей, чем сами люди... Добавилась разве что тема религии, но, если хорошенько поискать, она обнаружится и в более ранних текстах. Ничего нового – а значит, и читать то, что Саймак писал в 1970-е и 1980-е, не столь уж обязательно.

Вряд ли можно ошибиться больше. Вероятно, критики – среди них Джон Клют, написавший статью о Саймаке в своей глобальной «Энциклопедии НФ», – отчасти и правы, но вопрос ведь в том, что именно доказывал и показывал Саймак через похожие темы и образы. Да, сегодня Саймак на Западе непопулярен, но так было не всегда. Пока фантаст был жив, он прекрасно чувствовал себя на литературном рынке, хотя конкурировал в основном с куда более молодыми людьми. Его рассказы, включая «Землю осеннюю», номинировали на главную премию англоязычной фантастики «Хьюго». В 1977 году по решению Ассоциации писателей-фантастов Америки Саймак стал третьим после Роберта Хайнлайна и Джека Уильямсона Грандмастером. В начале 1980-х 77-летний (!) фантаст кроме номинации на «Хьюго» своего романа «Проект “Ватикан”» получил главные премии («Хьюго», «Небьюла», «Локус», «Аналог») за рассказ «Грот танцующих оленей», написанный на банальную, казалось бы, тему бессмертия, развернутую под очень неожиданным углом.

Может, дело в том, что у всякого писателя есть свой литературный возраст, и у Саймака – единственного из фантастов первого ряда – это не молодость и не зрелость. «О стариках

я писал в молодости, – говорил он в 1980 году. – Странно, но когда я был молодым, во мне глубоко сидело почтение к старости. Мне не казалось, что старость – это что-то ужасное... Теперь мне 75 лет, и я вижу, что старость не так плоха! Это лучшее время жизни...»

2

Саймак вообще был писателем поздним: первый, незрелый роман «Космические инженеры» написал в 34 года, серьезные книги, включая замечательный «Город», стал издавать, когда ему было под пятьдесят. А главное, он всегда, что в молодости, что в старости, тяготел к описанию «земель осенних», к пасторальям и элегиям. Осенние интонации различимы уже в рассказах 1930-х и 1940-х, а начиная с «Города», «Кольца вокруг солнца», «Нет ничего проще времени» они начинают доминировать.

Поэтому, быть может, поздний Саймак – это лучший Саймак. Сам он, во всяком случае, думал именно так. Его считали фантастом золотого века (конец 1930-х – начало 1950-х), но он ту эпоху не любил и ощущал себя писателем современным. Как писатель Саймак и не думал замыкаться в прошлых достижениях: когда в середине 1970-х Гарри Гаррисон попросил его принять участие в антологии памяти лучшего редактора золотого века Джона Кэмпбелла и дописать главу к «Городу», он впервые за полтора десятка лет перечитал роман – и ужаснулся:

«Мне захотелось вернуться в прошлое и его переписать. Это книга сырая и незрелая, в ней нет искусности, нет мастерства, которое прибавляется с каждым новым романом. Я знаю, что если бы переписал «Город», книга стала бы куда лучше, искуснее, – но дух ее был бы утрачен безвозвратно... Писатели развиваются и меняются, это неизбежно. Смещаются взгляды, трансформируются идеи, разнообразятся и переоцениваются ценности... То, что было важно 20 лет назад, сегодня уже не важно. Сегодня важнее нечто совсем иное».

Что было важно для Саймака в эти поздние, осенние годы?

Его жизнь как была, так и осталась кошмаром биографа: в ней словно ничего не происходило, разве что в 1976 году Саймак завершил многолетнюю карьеру журналиста, уволился из газеты «Миннеаполис Сандэй Трибьюн» и стал фантастом-пенсией. Он всё так же жил в Миннеаполисе с семьей – супругой Агнес (урожденной Кухенберг; он называл ее Кэй) и двумя детьми. Рыбачил «ленивым способом – я лежу в лодке и жду, пока рыбы ко мне подплывут», коллекционировал марки, играл в шахматы, выращивал розы, много читал. Сочинять, как и раньше, он старался каждый день, хотя получалось не всегда: «Я сажусь за стол, и если ничего не придумывается в течение 15–20 минут, считаю, что день плохой, и встаю из-за стола».

В 1983 году эмфизема и лейкоemia заставили Саймака отказаться от сочинительства. Ухудшилось и здоровье жены: Кэй страдала от артрита, и Саймак постепенно взял на себя заботы по дому. В сентябре 1984 года у его жены случился удар, и семья вынуждена была поместить ее в дом призрения; в декабре 1985 года она умерла. Саймак всегда говорил, что если Кэй уйдет раньше него, причин жить не останется, – неслучайно в посвящении к роману «Снова и снова» сказано, что без жены он не написал бы ни строчки. Тем не менее в 1986 году Саймак выпустил еще один, самый последний свой роман – «Магистраль Вечности». Он умер 25 апреля 1988 года во сне.

В те дни он сочинял очередной фантастический рассказ, который так и не закончил.

3

Работоспособности фантаста завидовал сам Хайнлайн: с 1970-го по 1986 год Саймак выпустил 15 довольно разных романов. Сидеть на освоенных территориях ему было неинте-

ресно, он предпочитал дикий фронт. Уже в «Заповеднике гоблинов» (1968) Саймак совершил успешный набег на территорию фэнтези, жанра, который переживал тогда невероятный расцвет. Правда, «Заповедник» – «сайенс-фэнтези», все его сказочные герои (кроме Духа) оказываются пришельцами, как и в «Зачарованном паломничестве» (1975), и в «Братстве Талисмана» (1978). Но «научная» компонента в этих книгах убывает, а в последнем фэнтезийном романе, «В логове нечисти» (1982), и вовсе сходит на нет.

Все романы фэнтезийного триптиха формально – квесты; что важнее, это еще и альтернативная история, к которой Саймак ранее не обращался. Действие «Братства» происходит в реальности, которая разошлась с нашей в XI веке: крестовый поход папы Урбана II наткнулся на Разрушителей, вторгшихся в Македонию и разоривших Европу. «В логове нечисти» – вариация на тему Римской империи, не распавшейся до нашего времени. В каждом из этих миров есть своя версия христианства, более того, сюжет «Братства» вращается вокруг манускрипта, доказывающего существование Иисуса Христа: герою нужно доставить рукопись на арамейском в Оксенфорд (то есть Оксфорд), где живет человек, способный ее прочесть. И хотя содержание манускрипта остается для нас и для героев тайной, слова Бога оказываются действенными даже в таком виде: видимо, они – тоже своего рода магия, причем могущественнее магии прибывшего «со звезд» зла.

То, что христианство у Саймака появляется даже в фэнтези, неслучайно: тема веры пронизывает многие его романы, и поздние – в особенности. Здесь есть загадка. Известно, что фантаст отнюдь не был религиозен и точно не жаловал организованную религию. Говоря о «Мастодонии» (1978), герои которой делают бизнес на путешествиях во времени, Саймак заметил: «Самым большим туристическим аттракционом было бы распятие, в основном потому, что мы – народ движимый и заторможенный верой... Думаю, нам всем было бы намного лучше, если бы мы не цеплялись так за религию... Я бывал в маленьких городках, где ненависть между католиками и протестантами столь сильна, что протестант не купит ничего у торговца-католика и не обратится к католику-врачу, и наоборот».

С другой стороны, из-под пера Саймака вышел рассказ «Фото битвы при Марафоне» (1974), в котором есть всякие фантастические клише – банк знаний инопланетян, люди из будущего, трехмерные «фотографии» исторических событий – и который со всей очевидностью написан ради пары абзацев в финале. Среди прочего герой находит «фотографию» распятия, изображающую вполне заурядное событие, «обыденная смерть». Воинствующий атеист поглумился бы над религией, но Саймак пишет нечто совсем другое: «Из этого грустного и ничтожного события христианство может почерпнуть такую силу, какой никогда не даст ему вся символика воображаемой славы».

Саймак, надо признать, был сложной натурой. При всем своем антиклерикализме он еще в начале 1960-х писал в частном письме: «Я могу назвать себя христианином-неформалом. Временами я читаю Библию. Изредка хожу в церковь, но формально не связан ни с какой конфессией... Я верю – скорее как мистик – в высшую силу, куда менее формализованную, чем считает большая часть религий. Когда я смотрю на то, как четко и гладко функционирует организм космоса, не поверить в эту силу я не могу. При этом я несколько сомневаюсь в том, может ли эта сила быть личным Богом».

Сложно не согласиться с Робертом Эвальдом (автором одной из редких книг о фантасте, названной цитатой из «Города»: «Когда ярко пылает огонь в очагах и дует северный ветер») в том, что поздний Саймак – автор мистический. Может, слово «метафизический» подошло бы лучше: Саймака в старости волновали вопросы вселенского масштаба, неизбежно смыкающиеся с религией и верой. Что делает разумное существо разумным существом? Если это душа – что такое «душа»? И не теряют ли душу люди, увлекшиеся техническим прогрессом? По каким законам функционирует вселенная, равнодушна она к нам или наоборот? Есть ли в ней что-то, что помогает нам не сбиться с пути, – иными словами, Бог?

На все эти вопросы отвечает один из лучших, если не лучший роман Саймака – «Выбор богов» (1972). Сам фантаст говорил, что эта книга – его «окончательная декларация ценностей» и что он сочинил ее, опасаясь не успеть сказать то, что должен был сказать. Фантазия Саймака разгулялась при этом не меньше, чем в «Городе»: здесь есть исчезновение большей части человечества, многотысячелетние герои, силой мысли странствующие по космосу, обретающие сверхспособности индейцы, принявшие христианство роботы, разумные деревья, пришелец, прибывший на Землю, чтобы обрести душу, таинственный Проект... Всё это – части единого целого, которые в нужный час встанут на свои места, чтобы главная философская теория Саймака была изложена во всей красе.

В «Выборе богов» сконцентрированы все важные для автора истины. И признание того, что техника заводит человечество в тупик, мешая нам эволюционировать. И вера в то, что космосом управляет некий сотворивший его Принцип, «направляющая сила, мозговой центр, то, что делает вселенную единым целым и приводит ее в действие»; этот Принцип может казаться нам злым, холодным и равнодушным, но на деле он морален – и вмешивается, когда мы сбиваемся с верного эволюционного пути. И надежда на то, что нас спасет главное, что только есть в Принципе, этом странном саймаковском Боге, – движущая электроны и галактики любовь, возникающая из необъятного знания. И даже буддийская мысль о том, что обрести душу – значит избавиться от страданий. Как говорит Саймак устами героя, «душа – состояние ума». Позднее, в «Проекте “Ватикан”», такое же определение будет дано раю, и вряд ли это случайный повтор.

4

Мотивы «Выбора богов» Саймак углублял в других романах, попутно ставя грандиозный литературный эксперимент и доказывая те же истины в разных формах и жанрах: от фэнтези и аллегии до жесткой НФ и реализма, от линейных квестов вроде «Звездного наследия» (где тоже есть давняя катастрофа и отказ от технического прогресса) до полифонических романов а-ля «Проект “Ватикан”» (где роботы тоже ударились в подобие христианской религии и конструируют божество).

Любопытно, что мысли Саймака иногда дословно совпадали с тем, что по другую сторону железного занавеса писали братья Стругацкие. Вот цитата из «Выбора богов» о прогрессе: «Уничтожались цивилизации, стирались с лица земли культуры, погибали люди и надежды, игнорировалось всякое приличие. Все приносилось в жертву прогрессу. А что такое прогресс, подумал он. Как его определить? Мощь или нечто еще?» Сравните: «Прогресс может оказаться совершенно безразличным к понятиям доброты и честности... А можно понимать прогресс как превращение всех людей в добрых и честных» («Улитка на склоне»).

Стругацкие и Саймак – большая тема: впечатление такое, что они пребывали в общем идейном психополе. Скажем, разделение человечества в «Выборе богов» заставляет вспомнить роман братьев «Волны гасят ветер»: «Человечество будет разделено на две неравные части по неизвестному нам параметру, меньшая часть его форсированно и навсегда обгонит большую, и свершится это волею и искусством сверхцивилизации, решительно человечеству чуждой». Очевидны и параллели между «Пикником на обочине» и «Пришельцами» Саймака: там и там Землю посещают инопланетяне, разум которых столь отличен от нашего, что любые попытки истолковать их действия обречены на поражение.

«Пришельцы» – один из результатов литературного эксперимента Саймака: это роман психологический и, несмотря на фантдопущение, почти реалистический. Автора интересуют не пришельцы, а спектр реакций на контакт с непостижимым. Плюс параллель с завоеванием Америки. Инопланетяне несут нам такое же благо, какое нес белый человек индей-

ской цивилизации: «Надо думать, пришельцы не представляют себе, что они с нами делают, потому что ничего не знают о сложной экономической структуре, которую мы создали у себя...»

Или нет? Саймак не питал иллюзии насчет «экономической структуры» (и часто высказывался в своих книгах). «Быть может, это самое лучшее из всего, что когда-либо случилось с нами, – говорит героиня романа про делающих бесплатные машины и дома пришельцев. – Это может нас встряхнуть... Покажет нам, что наша экономическая система слишком чувствительна, слишком неустойчива, потому что основана на фундаменте, который с самого начала никуда не годился. Что есть и другие ценности, кроме бесперебойной работы машин... Мы бы перестали быть крысами. Ведь социально и экономически мы крысы, крысиная раса. Мы стали бы людьми и смогли бы работать ради общих целей».

Схожий пассаж есть в «Выборе богов»: «Что за болезнь несет его раса? Смертельную для всех, кто с ней соприкасается. Началось это, сказал себе Джейсон, когда первый человек вскопал землю, посадил в нее зернышко и должен был охранять ее. Началось с появления собственности: на землю, на природные ресурсы, на рабочую силу... Индейцы не имели ни единого фута собственной земли, к собственности они относились с презрением, ибо она означала бы, что они привязаны к тому, чем владеют. А роботы, подумал он, заложена ли в них идея собственности? Джейсон сильно в этом сомневался. Их общество должно быть еще более коммунистическим, чем у народа Красного Облака. Только его народ боготворил собственность, это-то и было его болезнью». Симпатии к коммунизму – не в советском, а в утопическом смысле слова – налицо; на Стругацких, изобразивших коммунистическую утопию в цикле о Полдне, Саймак был похож все-таки больше, чем может показаться. (Для позднего Саймака эти идеи были не новы: пожалуй, полнее всего он развил их в романе «Кольцо вокруг солнца».)

Еще любопытнее странное сходство между романом Саймака «Живи, высочайшей милостью...» и «Градом обреченным» Стругацких. «Живи...» стоит в творчестве фантаста особняком: эта книга не похожа ни на один его текст. Перед нами – весьма редкий зверь: замаскированная под НФ моральная аллегория.

Шесть героев разных мировоззрений и профессий – профессор, генерал, священник, инженер, поэтесса и робот – перенесены из своих параллельных миров на погибшую планету с загадочными артефактами. Ясно, что все шестеро – невольные участники эксперимента, поставленного неведом кем с непонятными целями. Сходство с «Градом обреченным» на этом не заканчивается: путешествие героев и философские беседы, которые они ведут в пути, тоже напоминают роман Стругацких. Один за другим персонажи поддаются искушениям – величием, раем, искусством – и пропадают. В одной из загадочных сцен героине являются «три больших лица, полностью закрывавшие собой небо» и смотрящие на нее с, как ей кажется, жалостью и безразличием (здесь уместно вспомнить о «холодности» Принципа из «Выбора богов» – и о том, что в христианстве Бог есть Троица).

Финал открывает суть эксперимента, но толком ничего не объясняет. В аллегории детали неважны. Важен вывод: голого разума нам недостаточно, людей делает людьми что-то еще. И еще важно, почему выживает именно главный герой. Ясного ответа нет, только намек: не потому ли, что он принял верное моральное решение, столкнувшись с Хаосом?

Итак, говорит нам автор, во вселенной есть основополагающий принцип, и он не связан ни с искусством, ни с техникой, ни с религией, ни с интеллектом, ни с выживанием. Этот принцип – морального свойства. Об этом думает и герой романа «Магистраль Вечности»: «Что, если законы вселенной все-таки основаны на элементарной этике?»

5

Вывод мистический – но от этого не кажущийся менее верным. Вот что говорил сам Саймак: «Когда вы имеете дело с жизнью... вы имеете дело с единым братством. Жизнь в масштабах Галактики бессмысленна. Как может нечто, осознающее себя и пытающееся установить свои правила игры, выжить там, где правят бал законы физики и химии? Да жизнь плевала на эти законы, и в этом состоит суть ее всеобщего братства, к которому равно причастны разумный паук, червь или человек... Имея дело с пришельцем, мы общаемся не с чужаком, не с незнакомцем, а с чем-то очень близким нам самим».

«Магистраль Вечности» – последнее доказательство теоремы о Боге, продвигающее нас к пониманию того, что именно нами движет и какое состояние ума наделяет нас душой. История о семье, которую разбросало по разным временным потокам, о галактическом братстве живых существ, о том, что агентом-воплощением Принципа может быть кто угодно. Но, видимо, даже не это в книге главное.

Пересказывать роман бессмысленно еще и потому, что в нем нет целостности. О «Магистрали» пишут, что это самая слабая вещь Саймака, и, действительно, она производит впечатление непродуманной. На какие-то вопросы ответы есть, на другие их нет (кто создал Магистраль?), герои и целые планеты возникают и исчезают без следа, без всякой мотивации...

Рискну сказать, что Саймак явно понимал, какую именно книгу пишет. Ключ к «Магистрали» скрыт в том же «Выборе богов»: «А что будет, спросили мы себя, если построить бесконечного робота, такого, который никогда не может быть полностью завершен?» Ответ прост: робот станет Богом. А что будет, если написать бесконечный роман, который никогда не будет завершен? Роман, развертывающийся в сознании читателя именно потому, что он не целостен? Не будет ли и такой роман отражением Принципа?

...Мы не знаем, удался эксперимент Саймака или нет. Если судить по тому, что через 30 лет после смерти Саймак забыт западным фэндомом, что из всех его романов переиздаются только «Пересадочная станция», «Город» и еще пара вещей, что его поздние книги мало кто помнит, – может, и не удался. Но не исключено, что золотой век Саймака еще впереди. XX век поставил перед нами вопросы, но скомпрометировал ответы, по крайней мере те, что широко известны. Ответы Саймака не столь очевидны, но вполне могут оказаться верными. Вдруг о них еще вспомнят?

И тогда Саймак улыбнется нам со страниц своих книг. Или из личного рая, той самой осенней страны, в которую попал герой «Проекта “Ватикан”», из «времени отдохновения, размышлений, залечивания старых ран и забывания о них и о превратностях судьбы, которые нанесли душе эти раны». А то и с самой Магистралью Вечности, которая невидима, но всегда рядом.

Николай Караев

Выбор богов

Глава 1

1 августа 2185 года. Итак, мы начинаем заново. В сущности, мы начали заново пятьдесят лет назад, но тогда мы этого не знали. Поначалу у нас была надежда, что люди остались где-то еще и что мы сможем продолжить жизнь с той самой точки, где остановились. Когда же мы опомнились от потрясения и стали яснее размышлять и разумнее строить планы, то вообразили, будто сможем опереться на имеющийся багаж. Через год нам следовало бы понять, а через пять лет – признать, что это у нас не получится. Сначала мы отказывались смотреть фактам в лицо, а когда все же пришлось, стали цепляться за какую-то бессмысленную веру. Возродить прежний образ жизни было невозможно: нас оставалось слишком мало, мы не имели специальных знаний, а старая техника, пришедшая со временем в негодность, не поддавалась восстановлению. Она была слишком сложна, и чтобы машины работали, требовался многочисленный, хорошо обученный персонал, а кроме специалистов – еще и энергия. Сейчас мы не более чем воронье, которое расклеывает труп прошлого; однажды от него останутся одни голые кости, и тогда мы окончательно окажемся предоставлены самим себе. Однако в течение многих лет мы воссоздавали – или, если угодно, заново открывали – древние знания и умения, необходимые для более простого образа жизни, и теперь эти элементарные навыки помогут нам не впасть в состояние первобытной дикости.

Никто не знает, что именно произошло; конечно же, это не мешает некоторым из нас строить теории, которые объясняют случившееся. Беда в том, что все наши теории сводятся всего-навсего к догадкам, которые во многом строятся на разнообразнейших ошибочных представлениях. У нас нет никаких данных, кроме двух очень простых фактов. Первый из них состоит в том, что пятьдесят лет назад большая часть человечества перенеслась прочь с Земли – либо ее кто-то отсюда перенес. Из восьми с лишним миллиардов людей (что, разумеется, было чрезмерно для нашей планеты) на сегодняшний день осталось едва ли несколько сотен. В доме, где я пишу эти строки, живут шестьдесят семь человек; так много их только потому, что в тот вечер, когда все случилось, мы праздновали совершеннолетие наших внуков-близнецов, Джона и Джейсона Уитни, и несколько молодых людей пришли в гости. Индейцев с озера Лич, возможно, не менее трехсот, хотя видим мы их нечасто: они вновь, подобно своим далеким предкам, кочуют по свету, вполне, как мне кажется, благополучно и себе на пользу. Временами доходят слухи о еще каких-нибудь уцелевших горстках людей (слухи обычно приносят забредшие издалека роботы), но в указанном месте никогда никого не оказывается, и нет даже следов пребывания людей. Это, конечно, ничего не доказывает. Разумно предположить, что на Земле, кроме нас, остались и другие люди, хоть и неизвестно, где. Мы их больше не разыскиваем, полагая, что они нам не нужны. За прошедшие годы мы смирились со своим положением, свыклись с однообразием сельской жизни.

Роботы по-прежнему здесь, но об их числе у нас нет ни малейшего представления. Все роботы, сколько их было, никуда не исчезли. Они не покидали Землю сами и не были с нее унесены. С течением лет какое-то количество их поселилось с нами; они делают всю физическую работу и занимаются домашними делами, которые необходимы для нашего беспечального существования, и стали неотъемлемой частью нашего сообщества. Некоторые порой уходят на время, иногда появляются новые роботы, и они либо остаются здесь навсегда, либо уходят опять. Наверное, со стороны может показаться, что роботы как раз и могли бы восстановить и заставить работать хотя бы малую часть старой техники. Вероятно, их можно было бы этому обучить, однако среди нас нет людей, обладающих нужными знани-

ями. К тому же мозг робота нетехнологичен. Роботов создавали для другого – чтобы они тешили людское тщеславие и гордыню, утоляли ту странную жажду, которая, похоже, изначально присуща человеческому «Я»: стремление иметь подле себя других людей (или их разумные копии), которые бы удовлетворяли наши желания и нужды, рабов, находящихся в подчинении, существ, над которыми мужчина, или женщина, или ребенок могли бы властвовать, создавая таким образом ложное чувство собственного превосходства. Роботы предназначались для того, чтобы служить кухарками, садовниками, дворецкими, горничными, лакеями (я никогда толком не мог понять, что же такое лакей) – в общем, быть слугами. Прислужники и неравные компаньоны, выполняющие любое распоряжение, рабы. Собственно говоря, чем бы они ни занимались, я полагаю, что они по-прежнему остаются рабами. Хотя вряд ли сами они считают это рабством; их ценности, пусть и дарованные человеком, не являются полностью человеческими. Роботы служат с чрезвычайной охотой; благодарные за эту возможность, они навязывают нам свою службу и, очевидно, рады тому, что нашли себе новых хозяев взамен старых.

Таково положение дел в отношении нас; в случае же с индейцами все совершенно иначе. Роботы рядом с индейцами чувствуют себя неловко, а те, в свою очередь, смотрят на них чуть ли не с отвращением. Роботы – составная часть культуры белого человека, и поскольку мы издавна имели дело с машинами, с готовностью принимаем и роботов. Индейцы же воспринимают их как нечистых, как нечто отвратительно грязное и чужое и не желают иметь с ними дела. Любого робота, забредшего в лагерь, индейцы немедленно изгоняют. Здесь у нас их всего несколько штук, хотя на Земле их наверняка много тысяч. Тех роботов, что живут сами по себе, мы стали называть дикими, но верно ли это? Часто из окна, или сидя во внутреннем дворике, или во время прогулки мы видим группы диких роботов, спешащих как будто по чрезвычайно важному делу. Куда и зачем они торопятся? Ходят разные слухи, но это лишь слухи, ничем не подтвержденные и не стоящие того, чтобы их пересказывать.

Я говорил, что существуют два факта, однако увлекся, рассказывая о первом. Второй факт таков: мы теперь живем намного дольше. Каким-то странным образом, недоступным нашему пониманию, процесс старения если не остановился, то как минимум сильно замедлился. За последние пятьдесят лет я словно бы ничуть не постарел, и остальные тоже. Если у меня и прибавилось несколько седых волосков, я их не вижу; если спустя пятьдесят лет походка моя и стала чуть медленнее, я этого не замечаю. Тогда мне было шестьдесят, и сейчас мне по-прежнему шесть десятков. Молодые достигают зрелости обычным порядком, но, достигнув ее, дальше уже не стареют. Нашим внукам-близнецам двадцать один год исполнился пятьдесят лет назад, однако им все так же двадцать один год. Если судить по внешнему виду, они одного возраста со своими сыновьями и старшими внуками, и порой это приводит в замешательство человека вроде меня, который всю свою жизнь прожил, считая года и ожидая наступления старости. Впрочем, даже если это меня смущает, жаловаться особо не на что, ведь попутно мы обрели невероятно крепкое здоровье. Поначалу нас беспокоило: если все люди вокруг исчезли, что мы станем делать, если кто-нибудь заболеет и потребуется врачебная помощь и больничный уход? Но, к счастью, этого нам не требуется. Кроме того, быть может, также к нашему счастью, количество хронологических лет, в течение которых женщина способна рожать детей, практически не изменилось. Очевидно, женские детородные органы истощают свой запас потенциальных яйцеклеток в течение примерно тридцати лет, как и прежде.

Нет никаких сомнений, что исчезновение человечества и замедление старения как-то связаны между собой. В сущности, мы можем быть только благодарны за эту долгую жизнь, а также, возможно, и за снятие социального напряжения, возникшего из-за перенаселения планеты. Однако наиболее вдумчивых из нас нередко тревожит мысль о скрытом от нас зна-

чении происшедшего. Во тьме ночи мы лежим без сна и размышляем, и хотя с годами потрясение прошло, мы порой боимся.

Вот почему этим августовским утром в конце двадцать второго столетия от Рождества Христова я начинаю подробно записывать свои воспоминания о том, что произошло. Я – старейший обитатель нашего дома, в возрасте ста десяти хронологических лет, и мне кажется правильным и должным, что именно моя рука напишет эти строки. Без записи подобного рода то, что случилось с населявшими Землю людьми, превратится со временем в миф...

Глава 2

У него все не шел из головы тот последний медведь, однако, как ни странно, он не мог вспомнить в точности, что произошло. Уже несколько дней он постоянно об этом думал, пытался вспомнить, обрести уверенность – и был все так же очень далек от ответа. Медведь, вдруг поднявшийся на дыбы из глубокого русла ручья, застал его врасплох, и бегством было не спастись. Стрела никак не могла поразить зверя насмерть, ведь человек даже не успел ее вложить как следует. Однако же, рванувшись вперед и рухнув почти у самых его ног, медведь умер. И в этот краткий предсмертный миг случилось нечто, но что именно, вспомнить не удавалось. Несомненно, он что-то сделал, однако не было никакой возможности узнать, что. Несколько раз ему казалось: вот-вот он припомнит, но каждый раз смутное воспоминание таяло, уплывая в глубины подсознания, словно лучше было вовсе этого не знать.

Он опустил узел с поклажей наземь и прислонил к нему лук. Обрамленная утесами, расписанная осенними красками обширная долина, где соединялись две огромные реки, выглядела так, как рассказывали охотники на буйволов, которых он встретил на высокогорной равнине с месяц назад. При мысли о них он улыбнулся – они были славные люди. Они просили его остаться, и ему самому хотелось того же. Там была девушка, которая смеялась негромким грудным смехом, и был юноша, дружески коснувшийся его рукой. Однако он не мог остаться с ними.

Солнце поднималось, и под его лучами клены у дальнего утеса запылали золотом и багрянцем. И там, на скалистом мысе, что возвышался над местом слияния рек, стоял огромный дом, о котором ему говорили; многочисленные печные трубы торчали над крышей, словно уставленные в небо короткие толстые пальцы.

Юноша поднял висевший на груди бинокль и поднес к глазам. От движения ремешка тихонько стукнулись друг о друга медвежьи когти на его ожерелье.

Джейсон Уитни закончил утреннюю прогулку и сказал себе, что это была его лучшая прогулка. Хотя та же самая мысль неизменно приходит ему в голову каждое утро, когда он по склону поднимается к дворику, а из кухни плывет аромат жареной ветчины и яичницы, которую готовит Тэтчер. Но сегодня утро и впрямь замечательное. Такое свежее, даже с прохладцей, пока ее не разогнало поднимающееся солнце; и листья, подумал он, листья просто великолепны.

Он стоял на краю обрыва и смотрел вниз на две реки, и синева водной глади (возможно, чтобы дополнить краски осеннего полотна) была темнее обычного. Он глядел на стаю уток, летевших через долину над самыми макушками деревьев; в одном из маленьких прудов, которыми был усеян заливной луг, по колено в воде стоял лось, он опускал голову в воду и обрывал лилии, а когда вновь ее поднимал, вода потоками скатывалась с мощных рогов. Джейсону даже чудился плеск этих водопадов, хотя он знал, что так далеко их не услышишь.

Две собаки, сопровождавшие его на прогулке, убежали вперед и теперь ждали во дворе; ждали не его, хотя ему было бы приятно так думать, а свои миски с едой. Во время прогулки Баусер, проживший на свете много лет, ступал подле Джейсона тяжело и степенно, а Ровер, глупый щенок, в ореховой роще загнал на дерево белку, а на осеннем поле поднял стаю куропаток из собранной в снопы кукурузы.

Открылась дверь во внутренний дворик, и вышла Марта с мисками для собак. Она поставила миски на камни, а собаки ждали вежливо и уважительно, помахивая хвостами и насторожив уши. Затем Марта вышла со двора и двинулась вниз по склону навстречу Джейсону. Поцеловала его привычным утренним поцелуем и взяла под руку.

– Пока ты гулял, – сказала она, – я разговаривала с Нэнси.

Он сдвинул брови, пытаясь сообразить.

– Нэнси?

– Ну да. Ты же знаешь. Старшая дочь Джеффри. Мы с ней так давно не говорили.

– Теперь вспомнил, – сказал он. – И где же Нэнси сейчас обитает?

– Где-то в районе Полярной звезды, – ответила Марта. – Они совсем недавно переехали. Живут на чудеснейшей планете...

Вечерняя Звезда сидела на корточках в вигваме и украшала амулет. Она очень старалась, чтобы он вышел красивым, и сегодня же собиралась отнести его дубу. День для этого хороший, сказала она себе, – ясный, тихий и теплый. Такие дни надо ценить, хранить их у самого сердца, ведь разноцветных, ярких дней осенью бывает немного. Скоро настанут дни сумрачные, когда холодный туман повиснет меж обнаженных деревьев, и задуют ледяные северные ветры, и принесут с собой снег. С улицы доносились звуки утренней жизни лагеря: стук топора по дереву, бречание котелков, дружеский оклик, беззлобный лай собаки. Чуть позже люди опять пойдут расчищать старые поля – придется выкорчевывать поросль, убирать камни, сгребать и сжигать сорняки, оставляя землю обнаженной, готовой к тому, что весной ее вспашут и засеют. Все будут заняты, и Вечерней Звезде будет нетрудно потихоньку ускользнуть из лагеря и вернуться прежде, чем ее отсутствие заметят.

Никто не должен знать, напомнила она себе, ни отец, ни мать, ни тем более Красное Облако, первый вождь племени и ее дальний-дальний прапрадед. Ибо не пристало женщине иметь духа-хранителя. Правда, сама она не видела в том ничего дурного. В тот день, семь лет назад, признаки ее хранителя проявились слишком явно, чтобы в них усомниться. Дерево говорило с ней, и она говорила с деревом, как если бы разговаривали отец и дочь. Я не искала, подумала она, этого родства. И в мыслях ничего подобного не было. Но если дерево с тобой говорит, что остается делать?

А сегодня заговорит ли оно? После столь долгого отсутствия вспомнит ли?..

Езекия сидел на мраморной скамье под старой ивой, закутав в грубую коричневую рясу свое металлическое тело, – это и есть гордыня и притворство, думал он, недостойные меня, ибо я не нуждаюсь ни в том, чтобы сидеть, ни в том, чтобы носить одежду. Желтый лист кружась опустился ему на колени: чистая, полупрозрачная желтизна на фоне коричневой рясы. Езекия хотел было его смахнуть, но сдержался. Кто я такой, подумал он, чтобы вмешиваться или противиться даже столь простой вещи, как падение листа?

Он поднял глаза, и взор его остановился на огромном каменном доме; он стоял примерно в миле от монастыря на возвышающейся над реками скалистой стене – могучее, большое строение; окна его поблескивали на утреннем солнце, а печные трубы напоминали руки, с мольбой воздетые к Господу.

Именно они, люди, живущие в доме, должны быть здесь вместо нас, подумал он и тут же вспомнил, что на протяжении многих веков там живут только двое, Джейсон Уитни и его милая жена Марта. Порой кто-нибудь из бывших жильцов возвращается со звезд, чтобы посмотреть на свой старый дом – или старое фамильное гнездо, если они родились далеко отсюда. И что им делать там, среди звезд? – спросил себя Езекия с оттенком горечи. Заботить их должны отнюдь не звезды и не тамошние развлечения; единственное, что поистине должно волновать каждого человека, – это состояние его бессмертной души.

В роще музыкальных деревьев за монастырскими стенами тихонько шелестели листья, но деревья пока молчали. Попозже, где-нибудь после обеда, деревья начнут настраиваться для ночного концерта. Это будет великолепно, подумал Езекия, несколько стыдясь своей мысли. Одно время он представлял себе, будто их музыка является пением какого-то боже-

ственного хора; впрочем, он понимал, что это лишь плод его воображения. На церковную музыку пение деревьев порой не походило вовсе.

Именно такие мысли, сказал он себе, а также сидение на скамье и ношение одежды не позволяют мне и моим товарищам должным образом выполнять задачу, которую мы на себя возложили. Однако обнаженный робот, подумал он, не может предстать перед Богом; он должен быть прикрыт человеческой одеждой, если желает заменить человека.

Старые сомнения и страхи хлынули потоком, и он сидел, согнувшись под их тяжестью. Казалось бы, они его мучили с самого начала (и других тоже), но их острота не притупилась. С течением времени они лишь обострялись, и, потратив столетия на изучение подробнейших комментариев и пространных писаний людских теологов, Езекия так и не нашел ответа. Быть может, с болью спрашивал он себя, его вопросы суть чудовищное кощунство? Могут ли существа, которые не обладают душой, служить Богу? Но, может быть, после стольких лет работы и веры они обрели-таки душу? Он искал внутри себя душу (причем не в первый раз искал), но не нашел. Будь она у меня, размышлял он, как ее узнать? Из каких составных частей складывается душа? Можно ли вообще ее обрести или надо с душой родиться – а если верно последнее, то какие генетические модели принимают в этом участие?

Не присваивает ли он со своими товарищами-роботами (товарищами-монахами?) человеческие права? Не стремятся ли они, в греховной гордыне, к чему-то, предназначенному лишь для людей? Входит ли – входило ли когда-нибудь – в их компетенцию поддержание человеческого и божественного установления, которое люди отвергли и до которого теперь даже Богу, возможно, нет дела?

Глава 3

После завтрака, в спокойной тишине библиотеки, Джейсон Уитни сел к столу и открыл переплетенную книгу записей, взяв ее с полки, где стоял длинный ряд точно таких же книг. Последнюю запись он сделал более месяца тому назад. Да и не было, подумал он, особой причины что-либо записывать. Жизнь течет мирно и размеренно, а достойная упоминания рябь на ее поверхности появляется редко. Возможно, стоило бы вернуть журнал обратно на полку и ничего не писать, но Джейсону почему-то казалось, что нужно время от времени все-таки заносить по несколько строк. За последний месяц не произошло значительных событий – никто не приехал их навестить, ничего примечательного не было слышно со звезд, никаких известий об индейцах, не заглянул ни один странствующий робот, а значит, не было и новостей; хотя роботы чаще приносили слухи, чем достоверные новости. Разумеется, имелись сплетни. Марта вела постоянные разговоры со всей родней, и когда они вдвоем сидели во дворике, готовясь к ночному концерту, она пересказывала ему услышанное за день. Однако по большей части это были всего лишь бабы сплетни и ничего, достойного записи.

Сквозь щель между тяжелыми шторами на высоких окнах пробился лучик утреннего солнца и осветил его седую голову и крепкие плечи. Джейсон был высок ростом, худ, но ощущение скрытой в нем силы искувало художу. Лицо его покрывала сеточка тонких морщинок. Густые усы топорщились, и под стать им были кустистые брови над глубоко посаженными суровыми глазами. Он неподвижно сидел в кресле, оглядывая библиотеку и заново удивляясь тому спокойному чувству удовлетворенности, которое неизменно здесь обретал; порой его довольство переходило в тихое счастье, словно эта уставленная книгами просторная комната несла на себе печать особого благословения. Здесь обитают, сказал он себе, мысли многих людей – всех великих мыслителей мира, – надежно хранимые в переплетах томов, что стоят на полках, отобранные и помещенные туда давным-давно его дедом, чтобы во дни грядущие самая суть человечества, наследие записанной мысли, находилась всегда под рукой. Он не раз испытывал чувство гордости от того, что персонажи древних писателей, словно призрачные их представители, поселились в его библиотеке, и поздним вечером, когда все вокруг затихало, он часто ловил себя на том, что беседует с ними, возникающими из праха прошлого в сумраке настоящего.

Полки с книгами огибали всю комнату, прерываясь только двумя дверьми, а на стороне, выходящей к реке, – тремя окнами. Над первым рядом книг по всем стенам проходила галерея с декоративной металлической решеткой, и на ней помещался второй ряд. Над одной из дверей висели часы, и на протяжении более чем пяти тысяч лет, с удивлением напомнил он себе, они шли, век за веком отсчитывая секунды. Часы показывали пятнадцать минут десятого; интересно, подумалось ему, насколько их показания отличны от времени, которое люди установили много лет назад? Этого никто не знает, да оно теперь и не имеет значения. Мир вполне может обойтись вообще безо всяких часов.

С улицы в комнату пробирались приглушенные звуки – скорбное мычание пасущейся вдалеке коровы, близкий собачий лай, запыленное кудахтанье курицы. Музыкальные деревья по-прежнему молчали: они начнут настраиваться ближе к вечеру. Интересно, подумал он, будут ли они сегодня опять исполнять новое сочинение. Он бы предпочел, чтобы это не была одна из экспериментальных пьес, которыми деревья с недавних пор увлеклись. Так много есть других композиций, старых и любимых. Похоже, сказал он себе, их музыка стала ухудшаться с той поры, как два самых старых дерева начали умирать. Ветки сохнут и обламываются, и с каждой весной листва редет и редет. Правда, в роще выросли молодые побеги. В том-то, возможно, и дело.

Джейсон обеспокоенно пригладил пальцем усы. В тысячный раз он пожалел, что понятия не имеет, как ухаживать за деревьями. Разумеется, он читал кое-какие книги, но нет никакой уверенности, что уход за музыкальными деревьями, как за земными, принесет желаемый результат.

Он обернулся, услышав тихие шаги робота Тэтчера.

– Что такое, Тэтчер?

– Пришел мистер Гораций Красное Облако, сэр.

– Но Гораций на севере. В стране дикого риса.

– Похоже, сэр, племя перекочевало. Они стоят лагерем ниже по реке, как раньше. Они собираются восстановить старые поля и следующей весной их засеять.

– Ты разговаривал с ним?

– Сэр, – сказал Тэтчер, – он мой старый знакомый; естественно, мы немного потолковали. Он принес мешок риса.

– Надеюсь, Тэтчер, ты его поблагодарил.

– Разумеется, поблагодарил, сэр.

– Тебе следовало привести его сюда.

– Он сказал, что не хочет мешать вам, сэр, если вы заняты.

– Я никогда по-настоящему не занят. Ты это прекрасно знаешь.

– Тогда, – сказал Тэтчер, – я попрошу его войти.

Джейсон поднялся, обошел стол и остановился в ожидании друга. Как давно это было, подумал он, – года четыре или пять назад... пять, никак не меньше. Он тогда пришел в лагерь прощаться и, после того как индейцы расселись по своим каноэ, долго стоял на каменистом берегу и смотрел, как длинная вереница лодок быстро поднимается вверх по реке, как вспыхивают на солнце мокрые лопасти весел.

Красное Облако был одного возраста с Джейсоном, но выглядел моложе. Походка его была упруга, как у юноши. В черных волосах ни намек на седину; ровно посередине волосы разделял пробор, и двумя тяжелыми косами они спадали на грудь. Лицо обветренное, но совсем без морщин, за исключением крошечной сеточки у глаз. Красное Облако был одет в рубашку и гетры из оленьей кожи, на ногах – мокасины. Рука, протянутая Джейсону, была крупная, загорелая, с короткими, толстыми пальцами.

– Много времени прошло, Гораций, – сказал Джейсон. – Я рад тебя видеть.

– Ты единственный, – ответил Красное Облако, – кто по-прежнему зовет меня Гораций.

– А что, мне называть тебя вождем? Или Облаком? Или, может, Красным?

Красное Облако усмехнулся:

– В твоих устах, Джейсон, «Гораций» звучит замечательно. Мы с тобой вместе были молоды. Ты, конечно, помнишь. И это имя напоминает те времена, когда мы вдвоем бродили по лесам. Мы сделали себе надрезы на запястьях и соединили их, чтобы наша кровь смешалась. По крайней мере, мы думали, что она смешается. Я сильно в том сомневаюсь, но это совершенно не важно. Важнее символ.

– Я помню, – сказал Джейсон. – И помню тот первый день, когда твое племя спустилось в лодках по реке и вы увидели, что у нас из трубы идет дым. Вы все, вся ваша братия, дружно ринулись вверх по склону узнать, что тут такое, и тогда впервые и вы, и живущие в этом доме люди узнали, что они не одни на свете, что остался кто-то еще.

– Мы разожгли на поляне большие костры, – продолжил Красное Облако, – забили пару быков и устроили празднество. Мы взялись за руки и плясали вокруг костров с криками и пением. Твой дед, светлая ему память, выкатил бочонок виски, и все изрядно напилось.

– Тогда-то мы с тобой впервые и встретились, – сказал Джейсон. – Два молодых побега, желавшие показать себя миру, – да только никого не было, чтобы на них посмотреть. Мы

сразу сдружились. Вместе охотились, ловили рыбу, бродили по холмам. И бежали за девушками.

– И, насколько мне помнится, некоторых поймали, – заметил Красное Облако.

– Их было нетрудно поймать, – ответил Джейсон.

Они постояли, молча глядя друг на дружку, затем Джейсон предложил:

– Присядем. Нам нужно о многом поговорить.

Красное Облако сел в кресло, Джейсон взял другое и развернул его, чтобы видеть лицо друга.

– Сколько времени прошло? – спросил он.

– Шесть лет.

– Вы только что прибыли?

– Неделю назад, – сказал Красное Облако. – Мы покинули северные земли, собрав урожай дикого риса. Мы не торопились. Останавливались, если находили хорошее место для лагеря, бездельничали, охотились. Несколько наших парней отогнали лошадей на запад от реки, и они останутся там, пока лед не окрепнет. Тогда мы перейдем на другой берег и будем охотиться на буйволов и дикий скот и заготавливать мясо на зиму. Вчера ночью явился гонец и сказал, что в прериях полно дичи.

Джейсон нахмурился:

– Говоришь, неделю назад. Что ж ты так долго ждал? Если самому было недосуг, послал бы за мной. Я бы пришел тебя повидать.

– Время бежит быстро. Было много дел. Мы пытаемся привести в порядок земли под посевы. Поля сильно заросли. У нас кончилась кукуруза, и мы по ней изголодались. Пытались выращивать ее там, на севере, но теплое время года оказалось слишком коротко. Посеяли поздно, ее побил морозом. Собрали несколько побуревших початков, вот и все.

– У нас есть кукуруза, – сказал Джейсон. – Большой запас. Смолота и готова. Я сегодня же вам пошлю. Что еще вам нужно – ветчина, яйца, мука? У нас хорошая пшеничная мука. Гораздо больше, чем нам требуется. Ткань, если вам надо. Шерсть была хорошая, ткацкий станок поработал на славу.

– Джейсон, я пришел к тебе не попрошайничать...

– Я знаю. Мы много лет обменивались то одним, то другим. Сколько мяса и рыбы, да ягод, да прочего вы отправляли нам в прошлом! Тэтчер говорит, ты принес риса...

– Ладно, – сказал Красное Облако. – Ты не станешь возражать против мяса буйвола, когда мы закончим охоту?

– Нисколько, – ответил Джейсон.

– А как насчет того, чтобы отправиться на охоту вместе с нами?

– С превеликим удовольствием.

– Хорошо! Все будет, как в былые времена. Остальные пусть работают, а мы с тобой станем сидеть у костра, беседовать и есть самые нежные куски.

– Вы живете хорошей жизнью, Гораций.

– Думаю, да. Было много путей, мы могли выбирать. Могли осесть на земле. Поселились бы где-нибудь в хорошем месте, заняли хорошие поля и засеяли их и собрали бы себе домашний скот. Мы могли стать земледельцами – однако не стали, а вернулись к прежнему образу жизни. Все мы в глубине души о нем мечтали. Нас тянуло обратно. Мы слышали зов. Наши предки испокон веку так жили. А мы всего несколько сотен лет жили той жизнью, которую установил белый человек, и это были далеко не лучшие годы. Мы так и не приспособились, не смогли. С облегчением все это бросили и вернулись к цветам, деревьям, облакам, к временам года с любой погодой, к бегущей воде, к обитателям лесов и прерий; мы воссоединились с ними и слились. Да, мы кое-чему научились у белых людей, нельзя этого отрицать, – и были бы глупцами, если б не научились. И воспользовались тем, что

переняли у белого человека, чтобы сделать прежний образ жизни еще лучше. Иногда я задумываюсь, правильный ли выбор мы сделали, и вижу осенний лист – один только лист, – или слышу журчание бегущего в лесу ручейка, или чувствую запах леса, и понимаю, что не ошиблись. Мы вернулись к земле, соединились с холмами и потоками, и так оно и должно быть. Именно для такой жизни мы созданы. Мы возвратились не к старой племенной идее, а к образу жизни. Сначала были сугубо лесным племенем, но сейчас уже не только. Возможно, мы просто индейцы. У племен, живущих на западных равнинах, мы переняли вигвам из кожи и одежду, а также умение обращаться с лошадьми. Однако по-прежнему делаем каноэ из бересты, собираем дикий рис и кленовый сахар. Это хорошая жизнь. Мы с тобой, дружище, ощутили жизнь – я в своем вигваме, ты в этом каменном доме. Ты ни разу не отправлялся к звездам и, возможно, будешь счастлив, если никогда там и не побываешь. Наверное, другим там нравится.

– Да, кое-что по душе, – ответил Джейсон. – Там много интересного и, возможно, полезного. Но мы мало чем воспользовались. Мы наблюдали, даже изучали, в некоторых случаях поняли, что происходит. Однако мы больше не технологическая раса. Мы утратили технологии, рабочие руки и знания. Машины износились, и никто не мог их заставить ожить, не было энергии, на которой им работать. Ты знаешь: мы не печалимся об этой утрате. Мы превратились в зорких наблюдателей и получаем удовольствие от наблюдений. Наша цель – знание, а не использование. Мы не нуждаемся в получении пользы; мы теперь выше этого. Ресурсы лежат невостребованные; нам даже стыдно попробовать их применить. И не только ресурсы; также идеи и...

– Ты многое помнишь, Джейсон? – перебил вдруг Красное Облако. – Из далекого прошлого? Не про наше племя, а все остальное?

– Я отлично все помню, – ответил Джейсон. – И ты тоже должен. Мы оба были молоды, когда это случилось.

Красное Облако помотал головой:

– Мои воспоминания смутны. Так много всего наслоено. Я едва помню иную жизнь, не ту, которой мы живем сейчас.

– Моя память заключена в журнале, во многих журналах. – Джейсон указал на полку позади стола. – Все записано. Записывать начал мой дед лет пятьдесят спустя после всего, что произошло. Он хотел, чтобы мы не забыли, чтобы это не стало мифом. Дед описал все, что помнил, и затем вел регулярные записи. Когда он умер, я продолжил работу. Все записано с того самого дня...

– А когда ты умрешь, – спросил Красное Облако, – кто будет этим заниматься?

– Не знаю, – ответил Джейсон.

– Джейсон, я часто думал кое о чем, но никогда не спрашивал. Можно спросить сейчас?

– Конечно. Все, что хочешь.

– Почему ты ни разу не отправлялся к звездам?

– Возможно, потому, что не могу.

– Но ты никогда и не пытался. Никогда по-настоящему не хотел.

– Да, люди покидали Землю один за другим, – сказал Джейсон, – пока не остались только мы с Мартой. Нам казалось: кто-то должен остаться, быть чем-то вроде якоря для остальных. Поддерживать в очаге огонь, встречать тех, кто захочет вернуться.

– Конечно, они возвращаются, и вы их встречаете.

– Некоторые нас навещают, – сказал Джейсон. – Не все. Мой брат Джон покинул нас одним из первых. Он не возвращался ни разу, и мы о нем ничего не слыхали. Я часто задаюсь вопросом, где он. Если он еще жив.

– Ты говоришь об ответственности, о необходимости остаться. Однако, Джейсон, дело не только в этом.

– Конечно, хотя раньше это было очень важно, важнее, чем сейчас. Джон и я были старшими. Моя сестра Дженис моложе нас. Мы по-прежнему иногда с ней видимся, и Марта часто с ней разговаривает. Если бы Джон остался, возможно, отправились бы мы с Мартой. Способность покидать свой дом, похоже, врожденная. Я допускаю, что человек обладал ею задолго до того, как начал использовать. Чтобы она развилась, необходимо было время, и его дала нам удлинившаяся жизнь. Возможно, она развилась бы и раньше, не будь мы столь озабочены и столь сбиты с толку нашей технологией. Быть может, где-то мы свернули не туда, восприняли неверные ценности и позволили, чтобы наша забота о развитии технологии подменила нашу скрытую цель. Наши способности не могли пробиться в сознание сквозь толстые пласты машин, смет, калькуляций и тому подобного. Но когда мы говорим о новых способностях, имеем в виду не только путешествие к звездам. Твой народ к звездам не летает. Возможно, вы в них не нуждаетесь; зато вы стали частью окружающей природы, слившись с ней в единое целое.

– Но если в тебе сохранилось желание путешествовать, почему ты сидишь дома? Ты мог бы позволить себе недолгое отсутствие. Роботы поддерживали бы огонь в очаге, встречали бы тех, кто захочет вернуться.

Джейсон отрицательно качнул головой:

– Теперь уже слишком поздно. С годами я все больше влюбляюсь в этот дом и эти земли. Я чувствую себя их частью. Без них – и без Земли – я пропаду. Просто не смогу жить без них. Но у меня дурные манеры, – прервал себя Джейсон. – Мне следовало давно спросить, как поживает миссис Облако.

– Счастлива. Блаженствует, распоряжаясь в новом лагере.

– А твои сыновья и праправнуки?

– Из правнуков с нами остались немногие, – ответил Красное Облако. – Сыновья и внуки живут в других племенах. Порой мы получаем от них весточки. А Бегущего Лося, моего прапраправнука, с год назад задрал гризли. Нам сообщил гонец. Все прочие благополучно здравствуют.

– Я скорблю, – сказал Джейсон. – Бегущим Лосем можно было гордиться.

Красное Облако благодарно склонил голову.

– Миссис Джейсон, как я понимаю, находится в добром здравии.

Джейсон кивнул:

– Она проводит много времени в беседах с остальными. Ей это прекрасно удастся, гораздо лучше, чем мне. Телепатия как будто ее вторая натура, и каждый вечер у нее ворох новостей. Нас теперь много. Понятия не имею, сколько именно; Марта скажет вернее. Она все помнит, всех родственников, кто на ком женился, кто... и так далее. Нас несколько тысяч, не меньше.

– Ты как-то давно говорил, что в космосе были обнаружены разумные существа, не похожие на нас. За то время, что нас не было...

– Ты прав, – сказал Джейсон. – Все они на нас не похожи. С некоторыми мы вступили в контакт. Одни дружелюбны, другие не очень, третьи к нам равнодушны. Большинство настолько нам чужды, что мурашки бегут по телу. А есть инопланетные путешественники, которые, бывает, посещают Землю.

– И это все? Никакого взаимодействия...

– Нет, не все, – ответил Джейсон. – Появилось нечто весьма и весьма тревожное. Буквально дуновение, хотя оно встревожило нас чрезвычайно. Словно прилетевший с ветром дурной запах. Откуда-то из центра...

– Из центра чего, Джейсон?

– Центра Галактики. Из ядра. Какой-то разум. Мы смутно его почуяли, и этого достаточно...

– Враждебный?

– Нет, не враждебный. Холодный. Рассудочный, слишком рассудочный. Хладный и равнодушный. Аналитический. Черт, я не могу тебе объяснить. Это вообще объяснить невозможно. Как если бы земляной червь смог почуять человеческий разум. Но разница между ним и нами больше, чем между человеком и земляным червем.

– Вас это напугало?

– Напугало? Пожалуй. Расстроило. Встревожило. Одно утешение – нас, возможно, не замечают.

– Тогда зачем волноваться?

– Мы не слишком волнуемся. Дело в другом. Просто ощущаешь себя нечистым, зная, что в нашей галактике рядом с тобой существует такое. Как если бы наткнулся на яму, полную концентрированного зла.

– Однако это не зло.

– Видимо, нет. Я не знаю, что это. И никто не знает. Мы всего лишь уловили запах...

– Ты сам его обнаружил?

– Нет. Другие. Двое из тех, со звезд.

– Скорее всего, беспокоиться незачем, просто надо держаться от него подальше. Однако интересно – не имеет ли оно отношения к исчезновению людей? Хотя непохоже. Ты, Джейсон, так и не знаешь, почему люди покинули Землю?

– Понятия не имею, – честно признал Джейсон.

– Ты говорил об инопланетянах, которые объявляются у нас...

– Да, – сказал Джейсон, – их немного, то есть о немногих мы знаем. В прошлом веке было два или три. Но раньше их вроде бы не было вовсе. Они стали появляться только после исчезновения людей. Хотя, возможно, они бывали на Земле и прежде, но их никто не видел, а если и видели, то не признавали за инопланетян. Может быть, их не видели, потому что не хотели. Мы бы чувствовали себя неуютно в присутствии чего-то, совершенно не познаваемого, и потому широким жестом перечеркнули всех.

– Возможно, так оно и было, – согласился Красное Облако. – Или прежде их было гораздо меньше. Наша беспокойная планета была переполнена разумом, который порой наводил ужас. Быть может, он был подобен тому разуму в центре галактики, о котором ты говоришь. Инопланетный путешественник не стал бы останавливаться здесь, искать покоя и отдыха. В те дни покой тут был неведом.

– Ты прав, – сказал Джейсон. – Теперь мы это знаем, но не тогда. Мы двигались вперед, мы развивались...

– Я полагаю, ты разговаривал с кем-нибудь из путешественников.

– С двумя или тремя. Однажды я преодолел пятьсот миль, чтобы поговорить с одним из них, но он исчез прежде, чем я туда добрался. Известие о нем принес робот. Я не столь искусен в галактической телепатии, но могу беседовать с инопланетянами, во всяком случае, с некоторыми. Многие из них не воспринимают звуковые волны в качестве средства связи, а человек, со своей стороны, не воспринимает сигналы или психические волны, которые используют они. А иной раз говорить просто не о чем, никаких общих тем.

– Я пришел поговорить об инопланетных путешественниках, – сказал Красное Облако. – Я бы пришел в любом случае, в первый же день, если бы смог. Но я хотел тебе рассказать об одном из них. Его нашел Маленький Волк в Ущелье Кошачьей Берлоги и прибежал ко мне. Я отправился взглянуть.

Вот оно что, подумал Джейсон. Эта осторожная, вежливая беседа вокруг той единственной вещи, ради которой Красное Облако явился сюда. Разговор по старинке, не спеша, соблюдая племенной этикет, сохраняя достоинство.

– Ты пытался с ним поговорить?

– Нет, – ответил Гораций Красное Облако. – Я умею разговаривать с цветами и реками, и они отвечают мне, но инопланетянин... я не знаю, с чего начать.

– Хорошо, – сказал Джейсон, – я схожу и посмотрю, что у него на уме. Если смогу с ним общаться. Ты знаешь, каким образом он прибыл?

– Видимо, телепортировался. Там никаких признаков корабля.

– Обычно они так и делают, – произнес Джейсон. – Как и мы. Машина – громоздкая и обременительная штука. В скитании среди звезд нет ничего нового, хотя поначалу мы считали иначе. Мы воображали, будто сделали удивительное открытие, когда стали развивать и использовать парапсихологические способности. У нас, технологической расы, на многое не хватало времени, а заговори кто-нибудь о такой телепортации, над ним бы попросту посмеялись.

– Никто из нас не путешествовал среди звезд, – сказал Красное Облако. – Я не уверен, что у нас вообще есть эта способность. Мы так заняты миром, в котором живем, и его тайнами. Но теперь...

– Я думаю, вы обладаете определенными свойствами, – сказал Джейсон, – и используете их для благих целей. Вы знаете окружающий мир и связаны с ним естественно и неразрывно. Для этого, несомненно, требуется некий психический инстинкт. Пусть это не столь романтично, как скитание от звезды до звезды, зато требует большего понимания.

– Благодарю тебя за доброту, – ответил Красное Облако. – Возможно, в твоих словах есть доля правды. У меня есть красивая и очень глупенькая далекая-далекая праправнучка, которой исполнилось девятнадцать лет. Может, ты ее помнишь – Вечерняя Звезда.

– Ну конечно помню, – обрадованно сказал Джейсон. – Когда ты покидал лагерь или был очень занят, она меня развлекала. Мы ходили на прогулки, и она показывала мне птиц, и цветы, и другие лесные чудеса и всю дорогу очаровательно щебетала.

– Она по-прежнему очаровательно щебечет, однако меня это беспокоит. Сдается мне, она обладает какими-то способностями вроде тех, что имеет ваш клан...

– Ты имеешь в виду путешествие к звездам?

Красное Облако поморщился:

– Я не уверен. Нет, вряд ли. Что-то иное. Я в ней ощущаю некую странность. Она обладает такой жаждой знаний, какой я никогда не встречал в своем народе. Не желание познать свой мир, хотя это тоже есть, но стремление за его пределы. Узнать все, что когда-либо происходило, все, о чем люди размышляли. Она прочла все книги, что у нас есть, а их у нас совсем мало...

Джейсон обвел рукой комнату.

– Вот книги, – сказал он. – Если она захочет прийти и прочесть... В подвалах есть еще, от пола до потолка. Может брать какие угодно, но мне бы не хотелось, чтобы она уносила их из дома. Потерянную книгу не заменишь.

– Я пришел к тебе с этой просьбой, – сказал Красное Облако. – К тому и вел разговор. Спасибо за предложение.

– Отрадно, что нашелся человек, который хочет их прочесть. Уверяю тебя, для меня это честь.

– Полагаю, – проговорил Красное Облако, – нам тоже следовало позаботиться о книгах, но теперь уже поздно. Насколько я понимаю, большинство книг погибли от времени. Их погубили грызуны и сырость. А наши люди не решаются отправляться на поиски. Мы не любим древние города. Они такие старые и замшелые и полны призраков – призраков прошлого, о котором мы по сю пору не желаем вспоминать. У нас есть несколько книг, и мы их бережно храним. И отдаем долг чести прошлому, обучая читать наших детей. Однако для большинства это неприятная обязанность. Но не для Вечерней Звезды; она стремится читать.

– Не захочет ли Вечерняя Звезда, – спросил Джейсон, – прийти сюда и пожить с нами? Присутствие молодой девушки оживило бы дом, а я готов помогать ей советом в выборе книг.

– Я передам ей, – сказал Красное Облако. – Она будет очень рада. Ты, конечно, знаешь, она называет тебя дядя Джейсон.

– Нет, я не знал, – ответил Джейсон. – Я польщен.

Двое мужчин помолчали в тишине библиотеки. Часы на стене громко отсчитывали секунды.

Красное Облако пошевелился:

– Джейсон, ты следил за временем. За тем, сколько прошло лет. У тебя даже есть часы. Мы не имеем часов и не ведем счет. Не обременяли себя понапрасну. Мы встречали каждый день и проживали его сполна. Мы живем не днями, а временами года. А времена года мы не считали.

– Где-то, – сказал Джейсон, – я мог потерять день или два или день-другой добавить – точно не скажу. Но счет мы ведем. Прошло пять тысяч лет. Физически я в том возрасте моего деда, когда он стал вести записи. После этого он прожил почти три тысячи лет. Если я последую его примеру, я проживу полных восемь тысяч. Это кажется невозможным, и даже не совсем прилично человеку жить на свете восемь тысяч лет.

– Однажды, – сказал Красное Облако, – мы, может быть, узнаем, куда исчезли люди и почему мы так долго живем.

– Возможно, хотя я не надеюсь. Я вот о чем подумал, Гораций...

– Да?

– Я мог бы собрать партию роботов и послать их, чтобы они расчистили для вас поля. Они слоняются тут без дела. Я, правда, знаю, как вы относитесь к роботам...

– Нет. Большое спасибо. Мы примем кукурузу, и муку, и все остальное, но на помощь роботов не согласимся.

– Что, в сущности, вы имеете против них? Вы им не доверяете? Они не будут вам докучать. Они просто расчистят поля и уйдут.

– Рядом с ними мы чувствуем себя неловко, – сказал Красное Облако. – Они не вписываются в наш уклад. Напоминают, что с нами случилось, когда пришли белые люди. Мы полностью порвали с прошлым, сохранив лишь несколько вещей. Простые металлические инструменты, плуг, хозяйственную предусмотрительность – мы больше не живем, сегодня пируя, а завтра голодая, как бывало до появления белого человека. Мы вернулись к прежней жизни в лесах и в прериях. Мы стали жить, полагаясь только на самих себя; так должно быть и впредь.

– Кажется, я понимаю.

– Я не уверен, что мы и в прошлом доверяли роботам, – продолжал Красное Облако. – Не до конца. Те, что работают на ваших полях, они, может, и ничего. Однако дикие... Я говорил тебе, что теперь их много выше по течению реки, на месте какого-то старого города...

– Да, я помню. Миннеаполис. Вы их видели много-много лет назад. Они что-то строили.

– Они и сейчас трудятся, – сказал Красное Облако. – Мы это видели издалека, когда спускались по реке. Они там кишмя кишат и что-то строят и строят. Огромное здание, хотя на здание оно не похоже. Роботы не стали бы возводить жилой дом, верно?

– Вряд ли. Во всяком случае, для себя. Непогода им не страшна – они сделаны из сверхпрочного сплава. Он не ржавеет, не изнашивается, выдерживает практически все. Непогоду, холод, жару, дождь... им все это нипочем.

– Мы там не задерживались, – продолжал Красное Облако. – И держались подальше. Смотрели в бинокль, однако увидели не много. Чувствовали себя неудобно; я бы сказал, испу-

гались. И быстренько убрались подобра-поздорову. Вряд ли там что-то на самом деле нам угрожало, но рисковать мы не стали.

Глава 4

Вечерняя Звезда шла сквозь осеннее утро и разговаривала с друзьями, которых встречала на пути. Будь осторожен, кролик, когда щиплешь клевер: рыжая лисица вырыла себе нору прямо за холмом. А ты что стрекочешь, пушистый хвостик, и топаешь на меня лапкой? Мимо проходит твой друг. Ты обобрала все орехи с тех больших деревьев возле ущелья, прежде чем я успела до них добраться. Радуйся, потому что ты счастливейшая из белок: у тебя есть глубокое дупло в старом дубе, и там будет уютно и тепло, когда придет зима, и у тебя повсюду припрятана еда. Цыпка моя, тебе сейчас не время. Почему ты уже здесь, на чертополохе? Тебе еще рано. Ты бы должна прилететь, когда в воздухе закружатся снежные хлопья. Ты опередила своих собратьев; тебе будет без них одиноко. Или ты, как и я, радуешься последним золотым дням?

Девушка шла сквозь утреннее солнце, а вокруг золотилось и пламенело разноцветное великолепие редколесья. Она видела металлически блестящий золотарник, небесно-голубые астры. Она ступала по траве, когда-то сочной и зеленой, а теперь побуревшей и скользкой. Она опустилась на колени и провела рукой по зелено-алым пятнам лишайника на древнем сером валуне, и сердце у нее пело, ибо она была частью всего этого – да, даже частью лишайника, даже частью валуна.

Она взобралась на вершину гряды, и теперь внизу лежал густой лес, покрывавший холмы по берегам реки. Здесь начиналось ущелье, и она двинулась вниз. В одном месте из земли бил родничок, и девушка шла по ущелью, а рядом, прячась в камнях, бежал и пел ручеек. Ей вспомнился тот, другой день.

Тогда было лето, холмы покрывала зеленая пена листвы, и на деревьях пели птицы. Она крепко прижала к груди амулет и опять услышала слова, что сказало ей дерево. Это, конечно, очень дурно, женщина не должна заключать соглашение с деревом. И ладно бы с березой, или топодем, или каким-нибудь иным деревом, поменьше, более женственным. Но с ней говорил старый белый дуб – дерево охотника. Дуб стоял впереди, старый, в наростах, сучковатый, могучий; несмотря на всю свою толщину и мощь, он казался припавшим к земле, словно приготовился к бою. Листья его побурели и начали сохнуть, но еще не опали. Дуб кутался в свой воинственный плащ, хотя деревья вокруг уже стояли совсем обнаженные.

Девушка спустилась к нему по склону и отыскала в могучем стволе дупло, древесина вокруг которого гнила и отслаивалась. Привстав на цыпочки, она увидела в тайнике амулет, положенный туда много лет назад, – маленькая куколка из стержня кукурузного початка, одетая в шерстяные лоскутки. Амулет потемнел от воды, которая просачивалась в дупло, однако сохранил свою форму.

Вечерняя Звезда положила в дупло новое приношение, аккуратно поместив его рядом с первым.

– Дедушка Дуб, – сказала она, почтительно опустив глаза, – я уходила, но не забывала о тебе. И долгой ночью, и ярким днем я тебя помнила. Сейчас я вернулась сказать, что могу снова уйти, хотя теперь это будет иначе. Но я никогда не покину этот мир насовсем, потому что слишком сильно его люблю. И я всегда буду тянуться к тебе, и ты будешь знать, когда я протяну к тебе руки. А я буду знать, что на этой земле есть тот, кому я могу довериться и на кого могу положиться. Я тебе искренне благодарна, Дедушка Дуб, за силу, что ты мне даешь, и за твое понимание.

Она смолкла и подождала ответа, но его не последовало. Дерево не заговорило с ней, как в тот, первый, раз.

– Я не ведаю, куда пойду, – продолжала она, – и отправлюсь ли вообще, но я пришла тебе об этом сказать. Чтобы разделить с тобой чувство, которое не могу разделить ни с кем другим.

Она опять помолчала в ожидании ответа. И не дождалась слов, но ей показалось, что могучий дуб встрепенулся, словно пробуждаясь ото сна, и будто огромные руки простерлись над ее головой и нечто – благословение? – снизошло на нее с ветвей дерева.

Она медленно, шаг за шагом, попятилась, не поднимая глаз, затем повернулась и бросилась бежать прочь, вверх по склону, и душа ее наполнилась тем чувством неведомого, что изошло от старого дуба.

Девушка споткнулась о корень, петлей торчавший из земли, упала руками на огромный ствол поваленного дерева, приподнялась и уселась на него, огляделась. Старого дуба отсюда уже было не видеть – его заслоняли другие деревья.

Вокруг тихо, ничто не шелохнется в подлеске, и птиц не видно. Весной и летом их было здесь множество, но сейчас они либо улетели на юг, либо где-то собирались в стаи перед отлетом. Внизу, на реке, стаи уток ссорились и шумели на заводях, а заросли тростника кишели черными дроздами, которые то и дело свистящей тучей взмывали в небо. Но отсюда птицы улетели, и в лесу стояла торжественная тишина с легким привкусом одиночества.

Что Вечерняя Звезда сказала дереву? То ли сказала, что хотела? Да и знает ли она сама все, что нужно ей знать? Иногда ей казалось, что она собирается в какое-то другое место, – так ли это? В ней жило чувство смутного беспокойства, ожидания, покалывающее ощущение, что вот-вот произойдет нечто чрезвычайно важное, неизвестное, даже пугающее. Нынешний, знакомый, привычный ее мир был полон друзей – и друзьями были не только люди: маленькие пташки в лесах и кустарниках, застенчивые цветы, прячущиеся в укромных лесных уголках, стройные деревья, тянущиеся к небу, а еще ветер, и солнце, и дождь.

Она тихонько похлопала ладонью гниющий ствол, словно и он был ее другом, и заметила, что вереск и другие растения прильнули к нему, оберегая и защищая, пряча от чужих глаз в час унижения и беды.

Девушка поднялась и медленно двинулась дальше, вверх по склону. Она оставила амулет, а дерево в ответ не заговорило. Но что-то сделало с нею, и все было хорошо.

Она достигла гребня холма, начала спускаться, направляясь к лагерю, и вдруг почувствовала, что рядом есть кто-то еще. Девушка быстро обернулась – он стоял тут, в одной набедренной повязке, и его бронзовый крепкий торс блестел под лучами солнца, а рядом лежали вещи, и к ним был прислонен лук. На груди его висел бинокль, наполовину скрывавший ожерелье из медвежьих когтей.

– Я вторгся на твою землю? – проговорил он вежливо.

– Земля ничья, – ответила девушка.

Ожерелье ее зачаровало, она не сводила с него глаз.

Он дотронулся до ожерелья.

– Тщеславие.

– Ты убил огромного белого медведя, – проговорила она. – И не одного.

– Один коготь – один медведь, – сказал он. – По когтю от каждого.

У нее захватило дух.

– У тебя сильный амулет.

Он провел рукой по луку.

– У меня лук. Верные стрелы с кремневым наконечником. Кремень лучше всего, лучше него только чистая сталь, а где теперь найдешь хорошую сталь?

– Ты пришел с запада, – сказала она, зная, что огромные белые медведи водятся только там. Год назад один из них задрал ее родственника, Бегущего Лося.

Он кивнул.

– Далеко с запада. Оттуда, где большая вода. С океана.
– Ты долго шел?
– Не знаю. Я был в пути много лун.
– Ты считаешь лунами. Ты принадлежишь к моему народу?
– Нет, не думаю. У меня белая кожа, потемнела она от солнца. Я встречался с твоими сородичами, они охотились на буйволов. Это были первые люди, не считая моего народа. Других я не видел. Я не знал, что есть еще люди. Прежде я встречал только роботов.

Она сделала презрительный жест.

– Мы не знаем с роботами.

– Я так и понял.

– Куда ты направляешься? Дальше на восток прерия кончается. Там только лес, а за ним еще один океан. Я видела карты.

Он указал на дом, стоящий на вершине огромного мыса:

– Может быть, туда. Люди в прериях говорили мне о большом доме из камня, где живут люди. Я видел много домов из камня, но в них никто не жил. А здесь живут?

– Двое.

– И только?

– Остальные, – сказала она, – отправились к звездам.

– Об этом они тоже говорили, – сказал он, – и я удивлялся. Не мог поверить. Кто же захочет отправиться к звездам?

– Люди находят другие миры и живут там.

– Звезды – всего лишь яркие огоньки, что светятся в небе.

– Это другие солнца, – сказала она. – Ты не читал книг?

Он покачал головой:

– Однажды я видел... Мне сказали, что это книга. Сказали, что, если знать способ, она может говорить. Но человек, который мне ее показывал, забыл эту хитрость.

– Ты не умеешь читать?

– Чтение и есть та хитрость? При помощи которой книга заговорит?

– Да, – сказала она. – Там есть маленькие значки. Читаешь, и все.

– У тебя есть книга? – спросил он.

– Большой ящик книг. Я их все прочла. Но там, – указала она на дом, – есть комнаты, полные книг. Мой прапрадед сегодня спросит, можно ли мне их прочесть.

– Странно, – сказал он. – Ты читаешь книги. Я убиваю медведей. Книга мне не нравится. Мне сказали, что книга может говорить, но при помощи древнего колдовства, и поэтому лучше оставить ее в покое.

– Это неверно, – сказала она. – Ты странный человек.

– Я пришел издалека, – ответил он, словно это все объясняло. – Через высокие горы, через бурные реки, через такие места, где один песок и слишком много солнца.

– Зачем ты так далеко шел?

– Что-то внутри мне шептало: «Иди и ищи». Оно не сказала, что именно. Просто идти и искать. Я чувствую, как меня что-то гонит. Когда люди в прериях рассказали об этом огромном доме из камня, я подумал: может быть, именно это я и ищу.

– Ты идешь туда?

– Да, конечно, – сказал он.

– И если ты ищешь этот самый дом, ты там и останешься?

– Возможно. Не знаю. То, что гонит меня вперед, подскажет. Чуть раньше я думал, что отыскал то, что мне нужно найти. Но огромный дуб изменился. Ты так сделала.

Она вспыхнула от гнева.

– Ты подглядывал за мной.

– Я не хотел подглядывать, – сказал он. – Я поднимался по склону и увидел тебя возле дерева. Я спрятался, чтобы ты меня не заметила. Я подумал: ты не захочешь, чтобы кто-нибудь знал. Поэтому тихо ушел, чтобы ты не узнала.

– Однако ты мне рассказываешь.

– Да, рассказываю. Дуб изменился. Это было удивительно.

– Как ты узнал, что дуб изменился?

Он наморщил лоб.

– Не знаю. Как и тот медведь. Которого моя стрела не убила, а он упал мертвый. Я этого не понимаю. Мне странно.

– Скажи, как изменился дуб?

Он покачал головой:

– Я только почувствовал, что он стал другой.

– Не надо было подглядывать.

– Мне стыдно. Я не буду об этом рассказывать.

– Спасибо, – сказала она и повернулась, чтобы идти дальше.

– Можно мне пройти с тобой немного?

– Я иду в эту сторону, – ответила она. – Ты идешь к дому.

– До свидания, – сказал он.

Девушка направилась вниз по склону. Когда она оглянулась, пришелец так и стоял на прежнем месте. Ожерелье из медвежьих когтей блестело на солнце.

Глава 5

Инопланетянин походил на клубок червей. Он съежился между валунов, у маленькой березовой рощицы, прилепившейся к краю ущелья; деревья клонились вниз и нависали над высохшим руслом ручья. Падающий сквозь листву солнечный свет пятнами ложился на словно свитое из толстых нитей тело инопланетянина; оно преломляло лучи, и казалось, будто он лежит в россыпи осколков радуги.

Джейсон Уитни прислонился к стволу молодого ясеня на поросшем мхом берегу. Вокруг стоял слабый тонкий запах опавших осенних листьев.

Он омерзителен, подумал Джейсон, и тут же постарался прогнать эту мысль. Инопланетяне бывали не так уж плохи, но этот хуже всех. Если бы он, по крайней мере, не двигался, думал Джейсон, можно было бы как-то освоиться и привыкнуть к нему. Но клубок червей безостановочно шевелился, отчего делался еще отвратительнее.

Джейсон мысленно потянулся к нему, намереваясь осторожно дотронуться, затем, испугавшись, отпрянул и понадежнее упрятал сознание внутрь себя. Надо успокоиться, прежде чем пытаться разговаривать с этим существом. На своем веку он перевидал столько инопланетян, что должен был бы сохранять невозмутимость, однако этот упорно выводил его из равновесия.

Джейсон сидел неподвижно, слушая глухую тишину, вдыхая аромат палой листвы, не позволяя себе думать ни о чем определенном. Именно так это и делается – подбираешься к нему тайком, притворяясь, будто вовсе не замечаешь.

Но инопланетянин не стал ждать. Он выбросил мысленный щуп и коснулся Джейсона твердо, спокойно и тепло, что так не соответствовало его внешнему облику.

– Приветствую тебя, – сказал он. – Надеюсь, что, обращаясь к тебе, я не преступаю никаких законов и не нарушаю границ чужих владений. Я знаю, кто ты. Я видел таких, как ты. Ты человеческое существо.

– Да, – ответил Джейсон, – я человек. Добро пожаловать. Ты не преступаешь никаких законов, ибо у нас их очень мало. И не нарушаешь границ чужих владений.

– Ты один из путешественников, – сказал клубок червей. – Сейчас ты отдыхаешь на своей планете, но, бывает, отправляешься очень далеко.

– Не я, – возразил Джейсон. – Путешествуют другие. Я не покидаю своего дома.

– Значит, я достиг цели. Это планета путешественника, с которым я общался очень давно. До сих пор я не был полностью в этом уверен.

– Это планета Земля, – сообщил Джейсон.

– Да, такое название, – обрадовался чужак. – Я никак не мог вспомнить. Тот, другой, описал мне свою планету, и я искал ее повсюду, лишь в общих чертах представляя себе, где она должна находиться.

– Ты хочешь сказать, что искал нашу Землю? Ты не просто остановился тут отдохнуть?

– Я явился сюда искать душу.

– Явился искать что?

– Душу, – повторил чужак. – Тот другой, с которым я общался, сказал, что у людей были души и, возможно, они есть и сейчас. Хотя он не был уверен в этом и вообще проявил глубокое невежество. Я заинтересовался его рассказом о душах, однако он не сумел объяснить, что же это такое. Я сказал себе, втайне конечно, что такую замечательную вещь стоит поискать. И поэтому пустился на розыски.

– Возможно, тебе интересно будет узнать, – сказал Джейсон, – что многие люди тоже искали свои души.

Какое странное стечение обстоятельств, подумалось ему. Кто из наших мог разговаривать с этим существом о душе? Маловероятная тема для беседы, да и мало ли к чему приведет такой разговор. Скорее всего, человек говорил не всерьез. Хотя этот клубок червей, похоже, принял его слова настолько близко к сердцу, что отправился на поиски.

– Я чувствую в твоём ответе какую-то странность, – сказал инопланетянин. – Можешь ли ты сказать, что у тебя есть душа?

– Нет, не могу, – ответил Джейсон.

– Если бы она у тебя была, ты бы, конечно, знал.

– Необязательно.

– Ты говоришь, – сказал чужак, – совсем как тот, с которым мы просидели полдня на вершине холма на моей прекрасной планете. Мы беседовали о многом, но больше всего о душах. Он тоже не знал, есть ли у него душа, и не мог сказать с уверенностью, есть ли она у других людей или имелась в прошлом. И он не мог объяснить мне, что это такое, душа, и можно ли ее обрести. Похоже, он полагал, что знает преимущества обладания душой, однако говорил об этом как-то очень туманно. Его объяснение во многих отношениях совершенно неудовлетворительно, однако, как мне показалось, в нем есть зерно истины. Если я отыщу его родную планету, подумал я, кто-нибудь расскажет мне все, что я хочу знать.

– Мне жаль, – сказал Джейсон. – Очень жаль, что ты проделал столь долгий путь и зря потратил столько времени.

– Ты ничего не можешь мне рассказать? Здесь нет никого другого?

– Может быть, и есть, – ответил Джейсон и быстро добавил: – Я не уверен.

Он ляпнул лишнее. Нельзя знакомить Езекию с этим существом. Езекия и без того тронутый, а тут и подавно сойдет с ума.

– Но должны же быть другие.

– Нас только двое.

– Ты ошибаешься, – сообщил инопланетянин. – Сюда приходили двое. Не с тобой. Они стояли и смотрели на меня, а потом ушли. Мне не удалось установить с ними связь.

– Они не могли тебя слышать, – сказал Джейсон. – И не могли ответить. Их мозг так устроен. Но они рассказали мне о тебе. Они знали, что я сумею с тобой поговорить.

– Значит, есть еще только один, с кем я могу говорить.

– Да. Остальные люди находятся далеко отсюда, среди звезд. С одним из них ты и общался.

– С этим вторым?

– Вряд ли, – сказал Джейсон. – Она никогда не говорила ни с кем, кроме своих. Она с ними здорово общается, как бы далеко они ни были.

– Значит, ты единственный. И ты ничего не можешь мне сказать.

– Послушай, эта идея стара. Никогда не существовало доказательств. Была одна лишь вера. Человек говорил себе: у меня есть душа. Он в это верил, потому что так ему говорили другие. Говорили властно. Без рассуждений и объяснений. Твердили это так часто, и он сам себе повторял, и в результате не задавался вопросом, есть ли у него душа на самом деле. Но никогда не было никаких свидетельств. Никаких доказательств.

– Но, досточтимый сэр, – взмолился инопланетянин, – ты скажешь мне, что же такое душа?

– Многие полагают, – ответил Джейсон, – что она есть. Это часть тебя. Невидимая и неосязаемая. Не часть твоего тела. Даже не часть твоего сознания. После твоей смерти она продолжает жить и живет вечно. Или предполагается, что она живет вечно, и условия, в которых она оказывается после твоей смерти, зависят от того, каким ты был.

– Кто судит о том, каким ты был?

– Божество, – сказал Джейсон.

– А это божество?..

– Не знаю, – сказал Джейсон. – Я просто не знаю.

– Ты откровенен со мной. Я сердечно тебе благодарен за откровенность. Ты говоришь приблизительно то же, что и тот, другой, с которым я беседовал.

– Может быть, найдется еще один, – решил вдруг Джейсон. – Если я разыщу его, я с ним поговорю.

– Но ты сказал...

– Я знаю, что сказал. Это не человек. Это другое существо – возможно, более осведомленное, чем я. Но ты не сможешь с ним говорить сам. Придется предоставить это мне.

– Я тебе доверяю, – сообщил клубок червей.

– Пока же позволь пригласить тебя в гости, – продолжал Джейсон. – У меня есть жилище, и в нем найдется место для тебя. Мы будем тебе рады.

– При виде меня ты испытываешь замешательство, – сказал инопланетянин.

– Не стану лгать, – ответил Джейсон. – Но я говорю себе: возможно, его тоже смущает мой вид.

Лгать не было смысла. Чужак без слов понимает, какие чувства испытывает Джейсон.

– Вовсе нет, – возразил тот. – Я ко всему отношусь терпимо. Однако, вероятно, нам лучше быть порознь. Я буду ждать тебя здесь.

– Тебе что-нибудь нужно? – спросил Джейсон.

– Нет, спасибо. Мне хорошо. Я ни в чем не нуждаюсь.

Джейсон встал на ноги, готовый уйти.

– У тебя чудесная планета, – сказал инопланетянин. – Такое тихое, спокойное место. И исполнено странной красоты.

– Да, мы тоже так считаем. Чудесная планета.

Джейсон вскарабкался по узкой тропке, сбегавшей в ущелье. Солнце уже прошло зенит и клонилось к западу. Вдалеке громоздились темные грозовые тучи, готовые поглотить солнце. С появлением туч тишина как будто стала еще более глубокой. Слышно было, как тихо ложатся на землю осенние листья. Где-то вдалеке цокала белка. Сегодня – отличный день, подумал он, совершенно великолепный, и даже если хлынет дождь, день все равно останется превосходным. Жаль, что его испортила свалившаяся на Джейсона проблема.

Чтобы сдержать данное инопланетянину слово, придется встретиться с Езекией, хотя неизвестно, что выйдет из разговора с этим самозванным роботом-аббатом. Впрочем, может быть, называть его самозванцем несправедливо. Кто нынче возьмется утверждать, что роботы не вправе взять на себя эту задачу: поддерживать искру древней человеческой веры?

И насчет самой веры... Почему люди от нее отвернулись? В тот день, когда человечество улетело с Земли, вера еще существовала. Ее следы заметны в ранних записях, которые делал его дед в первой из своих книг. Возможно, она сохранилась в несколько ином виде среди индейцев, хотя никогда не проявляется в их общении с Джейсоном. Некоторые, а может, и все молодые люди устанавливают тайные связи с предметами окружающего мира. Сомнительно, однако, что это можно назвать верой. Вслух о ней не распространялись, и потому, естественно, Джейсон располагал лишь самыми скудными сведениями.

На Земле остались не те люди, подумал он. Если бы неведомая сила, что унесла куда-то человечество, сделала иной выбор, древняя вера могла бы сейчас процветать. Но в его семье и среди людей, которые находились в большом доме на мысе в ту роковую ночь, вера уже была подорвана, оставаясь не более чем цивилизованной условностью, которой они безразлично подчинялись. Возможно, когда-то она была исполнена смысла. Вера пережила период пышного расцвета, затем – увядания и упадка, и наконец осталась лишь тень былого могущества. Вера стала жертвой неправильного поведения человека, жертвой его всепоглощающей идеи собственности и прибыли. Люди охотнее строили величественные и роскошные

здания, чем заботились о вере в сердце и в мыслях своих. И вот теперь ее поддерживают существа, которые сами даже не люди, а машины, и сходство с человеком им придали только развитие техники да человеческая гордыня.

Джейсон добрался до вершины гряды; лес остался внизу, и в открывшейся перспективе он увидел грозные тучи на западе. Они громоздились все выше и уже закрыли солнце. Джейсон прибавил шаг. Сегодня утром он раскрыл свою летописную книгу, она так и осталась лежать у него на столе, но он не записал ни строчки. Утром еще нечего было записывать, однако теперь появилось множество новостей: приход Горация Красное Облако, инопланетянин в ущелье и его странная просьба, желание Вечерней Звезды читать книги и то, что Джейсон пригласил ее пожить с ним и Мартой. Он успеет кое-что записать до обеда, а после вечернего концерта снова сядет к столу и завершит свой отчет о событиях дня.

Музыкальные деревья настраивались; один молодой побег заметно фальшивил. За домом робот-кузнец громко стучал по металлу – скорее всего, трудился над плугом. Тэтчер говорил, что все плужные лемеха снесены в дом, чтобы подготовить их к приходу весны и новому севу.

Открылась дверь внутреннего дворика, вышла Марта и заторопилась по дорожке ему навстречу. Какая она красивая, подумал он, красивее, чем в тот давний день, когда они поженились. Они хорошо жили вместе. Его захлестнула волна благодарности за все чудесно прожитые годы, за эту прекрасную жизнь.

– Джейсон! – крикнула Марта, поспешая навстречу. – Джейсон, у нас Джон! Твой брат Джон вернулся!

Глава 6

Из записи в журнале от 2 сентября 2185 года:

...Я часто размышляю о том, как же случилось, что мы остались здесь. Если людей куда-то перенесли, то вследствие какой причуды судьбы вызвавшая их исчезновение сила не тронула тех, кто находился в нашем доме? Монахов из монастыря, что стоит в миле от нас, забрали. Работников с сельскохозяйственной станции, которая сама по себе являлась довольно крупным поселком, забрали. Большое поселение в пяти милях выше по реке, где жили рыбаки, было опустошено. Остались мы одни.

Порой я думаю, не сыграло ли здесь роль общественное и финансовое положение, которое моя семья занимала в течение последнего столетия. Почему-то даже эта сверхъестественная сила не коснулась нас, как не затронули (мало того, даже принесли определенную пользу) нищета, нужда и всякого рода ограничения, что были вызваны перенаселением Земли. Видимо, это социальная аксиома – в то время как большинство терпит все большую нужду и лишения, меньшинство обретает роскошь и комфорт, питаясь за счет нищеты. Возможно, даже не желая того – но живут.

Конечно, только обращенное в прошлое сознание вины заставляет меня так думать, и я знаю, что не прав. Многие семьи помимо нашей так же жирели на чужой нищете, но были наказаны. Если «наказаны» – верное слово. Мы не знаем, что означало это исчезновение. Оно могло означать смерть, а могло означать перемещение в другое место или во множество других мест, и тогда это переселение являлось благом. Ибо в то время большинство людей покинули бы Землю без сожаления. Вся поверхность суши, часть водного пространства и вся получаемая энергия использовались лишь для того, чтобы поддерживать простое существование огромных масс, населявших планету. Простое существование – не пустая фраза, ибо людям едва хватало еды, чтобы прокормиться, места – чтобы жить, одежды – чтобы прикрыть наготу.

То, что моей семье, равно как и другим подобным семьям, было позволено сохранить за собой относительно большое жизненное пространство, которым они располагали задолго до того, как связанные с перенаселением проблемы достигли критической остроты, – только один из примеров несправедливости. То, что племя индейцев с озера Лич, тоже оставленное на Земле, жило на довольно обширной и малонаселенной территории, объясняется иначе. Земли, куда столетия назад их вытеснил белый человек, по большей части были бросовыми, хотя с течением лет неумолимая сила экономической необходимости отнимала у них кусок за куском, и в недалеком будущем индейцы оказались бы загнаны в безымянное всепланетное гетто. Впрочем, по правде говоря, они жили в гетто с самого начала.

В момент, близкий к исчезновению человечества, построить этот дом и приобрести окружающие его земли было бы решительно невозможно. Во-первых, не нашлось бы такого свободного участка, а если бы и нашелся, то даже самые богатые семьи не смогли бы его купить. Далее, некому и не из чего было бы строить. Мировое хозяйство было напряжено до предела, пытаясь содержать восемь миллиардов людей.

Мой прадед построил этот дом полтора века назад. Да и тогда он смог приобрести участок лишь потому, что монастырь по соседству переживал тяжелые времена и был вынужден продать часть своих земель, чтобы уплатить по неотложным обязательствам. При строительстве дома мой прадед пренебрег всеми современными направлениями в архитектуре и предпочел основательность и простоту огромных сельских домов, как их строили столетия назад. Он часто повторял, что дом будет стоять вечно, и хотя это было преувеличением, несомненно, наш дом будет стоять, когда многие другие рассыплются в прах.

В нашем нынешнем положении большое счастье, что у нас есть такой дом – прочный и большой. Даже сейчас шестьдесят семь человек живут в нем, не испытывая особых неудобств. Хотя с ростом населения, видимо, придется подыскивать и другое жилье. Можно рассчитывать на монастырские постройки (четыре робота, которые их нынче занимают, вполне могут обойтись и меньшим пространством), а также, с оговорками, на бывший рыбацкий поселок выше по течению реки. Простояв пустыми все эти пятьдесят лет, многоквартирные дома в нем требуют ремонта, однако наши роботы, я полагаю, справятся с этой задачей.

Мы не бедствуем, ибо попросту отвели себе необходимое количество земли из той, что в прошлом обрабатывали рабочие сельскохозяйственной станции. Роботы вполне справляются с полевыми работами, а поскольку старые трактора и комбайны уже пришли в полную негодность, мы вернулись к обработке земли лошадьми и к простому плугу, косилке и жатке. Наши роботы сделали их, раставив по частям более сложные орудия.

Мы теперь живем, как мне нравится это называть, манориальным хозяйством, производя в своем поместье все необходимое. Мы держим большие стада овец, с которых получаем мясо и шерсть, молочное стадо, коров мясной породы, свиней, дающих нам мясо, ветчину и грудинку, домашнюю птицу и пчел; мы выращиваем сахарный тростник, пшеницу, большое количество овощей и фруктов. Мы ведем простое существование, спокойное и чрезвычайно приятное. Поначалу мы жалели о прошлой жизни – по крайней мере, кое-кто из молодых о ней тосковал, – но теперь, я полагаю, мы все убеждены, что нынешняя наша жизнь чрезвычайно хороша.

Лишь об одном я глубоко сожалею. Моего сына Джонатана и его милой жены Мэри, родителей троих наших внуков, нет с нами. Им обоим, я знаю, наша теперешняя жизнь доставила бы истинное наслаждение. Ребенком Джонатан не уставал бродить по поместью. Он любил цветы и деревья, тех немногих птиц и зверьков, что обитали в нашем маленьком лесу, любил то свободное и спокойное чувство, которое дает даже небольшое открытое пространство. Теперь мир (или известная мне его часть, а может, и весь он целиком) возвращается в дикое состояние. На месте прежних полей растут деревья. Трава пробралась туда, где ее от века не бывало. Цветы выбираются из укромных уголков, живая природа возрождается и набирает силу. В речных долинах, густо поросших лесом, во множестве водятся белки и еноты, и порой можно встретить оленей, вероятно пришедших с севера. Я знаю пяток перепелиных выводков, а на днях наткнулся на стаю куропаток. Перелетные птицы опять каждую весну и осень огромными клиньями летят по небу. Когда тяжелая человеческая рука перестала давить Землю, маленькие, робкие, незаметные существа стали вступать в свои древние права. С определенными оговорками нынешнюю ситуацию можно уподобить вымиранию динозавров в конце Мелового периода. Но динозавры вымерли все, а здесь горстка людей продолжает жить. Однако, возможно, мое сравнение несколько преждевременно. Трицератопы, как полагают, были последними из живших на Земле динозавров, и не исключено, что небольшие их стада встречались еще полмиллиона лет. В таком свете факт существования нескольких сотен людей, жалких остатков когда-то могущественной расы, не имеет большого значения. Возможно, мы трицератопы человеческого рода.

Когда вымерли динозавры и другие гигантские рептилии, млекопитающие, которые существовали уже миллионы лет, хлынули в образовавшуюся пустоту и начали размножаться. Является ли нынешняя ситуация результатом уничтожения определенной части млекопитающих с целью предоставить другим позвоночным еще один шанс, отвести от них гибель от руки человека? Или же это побочный эффект? Было ли человечество унесено с Земли с целью дать дорогу дальнейшему эволюционному развитию? И если так, где же и что представляет собой это новое эволюционирующее существо?

Когда думаешь об этом, удивляешься странному процессу исчезновения. Изменение климатических условий, сдвиги в земной коре, эпидемии, смещение экономических параметров, факторы, ограничивающие количество производимых продуктов питания, – все это понятно с физической, биологической и геологической точек зрения. Исчезновение же, или почти полное исчезновение, человеческого рода – загадка. Медленное, постепенное угасание – это одно, а мгновенное исчезновение – нечто совсем иное. Это требует вмешательства некоего стороннего разума и естественными причинами не объяснимо.

Если исчезновение – результат действия чужого разума, мы вынуждены задаться вопросом: где он находится, что собой представляет и, что еще важнее, какую он мог преследовать цель?

Не наблюдает ли за всем происходящим в галактике могучий центральный разум, пресекающий преступления, которые нельзя допустить? Не было ли исчезновение человеческого рода карой, приведенным в исполнение смертным приговором за то, что мы сделали с планетой Земля и с остальными существами, которые делили ее с нами? Или же это просто устранение, очищение – действие, предпринятое с целью защитить ценную планету от окончательной гибели? Или даже более того, с целью дать ей возможность восполнить истощенные природные ресурсы? В течение последующего миллиарда лет могли бы вновь образоваться залежи каменного угля и месторождения нефти, восстановилось бы плодородие почв, появились бы новые рудные месторождения...

Бессмысленно и бесполезно, как мне думается, размышлять об этих вещах и задавать вопросы. Но человек, добившийся кратковременного владычества над планетой благодаря тому, что задавал вопросы, не откажется от размышлений.

Глава 7

В течение нескольких часов после полудня в небе росла гряда темных туч, и, глядя, как она разрастается, Езекия сказал себе, что в небе словно висит лестница, по которой облака лезут вверх, делаясь все более грозными и впечатляющими. Он осудил себя за эти мысли – в небе нет никакой лестницы, на то воля Бога, чтобы тучи громоздились все выше. Он не понимал и стыдился своих взлетов фантазии, этого романтизма, который ему следовало обуздать давным-давно, но который в последние несколько лет (или так ему казалось) прорывался все чаще. Или же в последние годы Езекия стал обращать на это больше внимания, неприятно пораженный тем, что никак не может избавиться от нелепых представлений, столь далеких от серьезных размышлений, которым должен себя посвящать.

Его братья сидели в кабинете, склонясь над книгами. Они просиживали так годами, сопоставляя и сводя к элементарным истинам все написанное человеком, все, о чем он думал, рассуждал и размышлял – в сфере духа и религии. Из четверых лишь он, Езекия, не связал себя с написанным или печатным словом – так они решили много веков назад, когда задумали начать поиски истины. Трое изучали все когда-либо написанное – переписывая, перераспределяя, переоценивая, словно обо всем этом думал и все написал один человек, один-единственный, не многие, а один, который понял. Трое выполняли эту работу, а четвертый сопоставлял результаты их анализа и оценки, пытаясь разгадать смысл, ускользнувший от человека. Это была замечательная идея, вновь сказал себе Езекия; в те давние времена она казалась убедительной, она и сейчас выглядит разумной, однако путь оказался длинней и сложнее, чем они полагали, и они по-прежнему далеки от истины. С годами работа, которой они занимались, углубила и укрепила их веру, однако вера не вела к истине. Возможно ли, спрашивал себя Езекия, что вера и истина попросту не существуют вместе, что они – взаимоисключающие качества? От этой мысли его пробрала дрожь. Если так, то они потратили столетия ради ничтожной цели, в погоне за блуждающим огоньком. Должна ли вера непременно означать готовность и способность верить при отсутствии каких-либо доказательств? Если отыщутся доказательства, умрет ли вера? Что, собственно, им нужно – истина или вера? Может быть, подумал он, человек уже пытался делать то, что они пытаются сделать сейчас, и понял, что не существует истины, но есть вера, и, будучи не в состоянии принять веру без доказательств, отказался и от нее? В книгах об этом не говорилось, но, имея в своем распоряжении тысячи книг, братья знали, что это не все книги на свете. Не лежит ли где-нибудь, превращаясь в прах – или уже превратившись, – книга, которая открыла бы им, что именно человек уже сделал или пытался сделать, но не сумел.

Езекия с полудня расхаживал по саду; обычное занятие, он часто здесь ходил. Ходьба помогала думать, к тому же он любил сад – за красоту, за то, как распускается, меняет цвет и опадает листва, за цветы весной и летом, за чудо жизни и смерти, за пение птиц и их полет, за окутанные дымкой холмы по берегам реки и порой за звучание оркестра музыкальных деревьев, хотя Езекия не сказал бы, что безусловно их одобряет. Однако едва он достиг двери в здании капитула, как разразилась гроза. Мощные потоки воды обрушились на сад, захотали по крышам, наполнили сточные канавы, превратили дорожки в полноводные ручьи.

Он отворил дверь и нырнул внутрь, но задержался в передней, оставив дверь приоткрытой и глядя в сад, где ливень хлестал траву и цветы. Старая ива у скамьи гнула под ветром и тянула ветви, словно пытаясь оторваться от корней.

Где-то что-то стучало; Езекия не сразу понял, в чем дело. Ветер распахнул металлическую калитку во внешней стене, и она билась о камень, из которого была сложена стена. Если калитку не запереть, ее разобьет.

Езекия шагнул за порог, прикрыв за собой дверь. Он шагнул по превратившейся в ручей дорожке, и его тоже хлестали ветер и дождь, и вода потоками скатывалась по телу. Дорожка повернула за угол здания, и ветер ударил Езекию в лицо – словно огромная рука уперлась в его металлическую грудь. Коричневая ряса, хлопая на ветру, развеивалась за спиной.

Калитку рвало на петлях, она оглушительно стучала о каменную стену, металл содрогался при каждом ударе. А рядом, частью на дорожке, частью в траве, кто-то лежал. Даже сквозь плотную завесу дождя Езекия разглядел, что это человек.

Человек лежал лицом вниз, и, перевернув его, Езекия увидел неровный порез, начинавшийся у виска и пересекавший щеку, – лиловая полоска рассеченной плоти, чистая, без крови, поскольку кровь смывало дождем.

Езекия обхватил человека, поднял его с земли и двинулся по дорожке, сопротивляясь напору ветра.

Он снова добрался до двери, из которой недавно вышел. Ногой захлопнул дверь, пересек комнату и положил человека на скамью у стены. Тот был жив – грудь его поднималась и опускалась. Он был молод или казался молодым, обнаженный, если не считать набедренной повязки, ожерелья из медвежьих когтей и бинокля на шее. Чужестранец, подумал Езекия: человек ниоткуда и милостью Божией искавший здесь убежища от грозы. Вырвавшаяся из рук под порывом ветра калитка сбила его с ног.

За все время, что роботы обитали в монастыре, впервые к ним пришел человек, ища приюта и помощи. И это, сказал себе Езекия, правильно, ибо многие века монастыри давали приют нуждающимся. Он ощутил дрожь в теле, дрожь волнения и преданности. Это ответственность, которую они должны на себя принять, долг и обязанность, которые должны выполнить. Нужны одеяла, горячая пища, огонь в камине, кровать – а здесь нет ни одеял, ни горячей пищи, ни огня. Их нет уже многие годы, роботы в них не нуждаются.

– Никодемус! – крикнул Езекия. – Никодемус!

Его голос гулко отдался от стен, словно волшебным образом проснулось древнее эхо, молчавшее в течение долгих-долгих лет.

Послышался топот бегущих ног, распахнулась дверь, и вбежали трое роботов.

– У нас гость, – сказал Езекия. – Он ранен, и мы должны о нем позаботиться. Один из вас пусть бежит к дому и найдет Тэтчера. Скажет ему, что нам нужны одеяла, еда и что-нибудь, чтобы развести огонь. Другой пусть разломает какую-нибудь мебель и сложит в камин. Все дрова снаружи намокли. Но постарайтесь выбрать что похуже. Например, старые табуретки, ломаный стол или стул.

Он слышал, как они вышли, как хлопнула входная дверь, когда Никодемус бросился сквозь грозу к дому.

Езекия присел на корточки у скамьи, не спуская с человека глаз. Тот дышал ровно, и лицо покидала бледность, видимая даже сквозь загар. Из пореза сочилась кровь, текла по лицу. Езекия подобрал полу своей мокрой рясы и осторожно отер кровь.

Он ощущал в себе глубокое, прочно поселившееся чувство умиротворения, завершенности, сострадания и преданности человеку, лежащему на скамье. Может быть, подумал он, это и есть истинное назначение людей – или роботов, – обитающих в стенах этого дома? Не тщетные поиски истины, но оказание помощи в трудную минуту людям – своим братьям? Впрочем, Езекия сознавал, что рассуждает неправильно. На скамье лежал не его брат, он не мог быть его братом; робот – не брат человеку. Но если, продолжал размышлять Езекия, робот заменил человека, занял его место, если он придерживается человеческих обычаев и пытается продолжать дело, которое человек забросил, разве не может он называться братом человека?

И ужаснулся.

Как мог он помыслить, будто робот может быть братом человеку?

«Гордыня!» – мысленно вскричал он. Гордыня станет его гибелью – его проклятием; и он опять ужаснулся: разве робот достоин хотя бы проклятия?

Он ничтожество, ничтожество и еще раз ничтожество. И однако же подражает человеку. Он носит рясу, он сидит, не нуждаясь ни в одежде, ни в том, чтобы сидеть; он бежал от грозы, хотя ему незачем бежать от сырости и дождя. Он читает книги, которые написал человек, и ищет понимания, которое человек не сумел найти. Он поклоняется Богу – и это, сказал себе Езекия, быть может, и есть самое страшное кощунство.

Он сидел на полу возле скамьи, и его переполняли страдание и ужас.

Глава 8

Он не узнал бы брата при случайной встрече, сказал себе Джейсон. Стан был тот же, и прежней была гордая, внушительная осанка, но лицо скрывала блеклая, с проседью, борода. И было еще кое-что – холодное выражение глаз, напряженность в лице. С возрастом Джон не стал мягче; годы его закалили и сделали жестче, а еще придали печаль, которой раньше не было.

– Джон, – проговорил Джейсон, запнувшись на пороге. – Джон, мы так часто думали... – И смолк.

– Ничего, Джейсон, – сказал его брат. – Марта меня тоже не узнала. Я изменился.

– Я бы узнала, – отозвалась Марта. – Чуть позже, но признала бы. Это из-за бороды.

Джейсон быстро пересек комнату, схватил протянутую руку, другой рукой обнял брата за плечи, привлек к себе и крепко прижал.

– Рад тебя видеть, – сказал он. – Как хорошо, что ты вернулся. Уж очень долго тебя не было.

Они отстранились и мгновение постояли, молча глядя друг на друга, и каждый старался разглядеть в другом того человека, которого видел в последнюю встречу. Наконец Джон произнес:

– Ты хорошо выглядишь, Джейсон. Я знал, что так и будет. Ты всегда умел о себе позаботиться. И еще о тебе заботится Марта. Мне говорили, что вы остались дома.

– Кто-то должен был остаться, – ответил Джейсон. – Здесь хорошо жить, мы тут были счастливы.

– Я о тебе часто спрашивала, – сообщила Марта. – Я всегда у всех спрашивала, но никто ничего не знал.

– Я был очень далеко. У центра Галактики. Там что-то есть... Я подобрался к самому ее центру. Мне говорили, что там – или, вернее, что там может быть. Хотя сказать толком никто не мог. Мне нужно было туда добраться и посмотреть. Кому-то же надо было отправиться.

– Давай сядем, – сказал Джейсон. – Тебе нужно многое нам рассказать, так расположимся поудобней. Тэтчер что-нибудь принесет, и мы поговорим. Джон, ты голоден?

Брат покачал головой, отказываясь.

– Может, чего-нибудь выпьешь? Из старых запасов ничего не осталось, но наши роботы делают неплохую брагу. Если ее правильно выдерживать и хранить, пить вполне можно. Мы пробовали делать вино, но безуспешно. Почва не та, и тепла не хватает. Скверное получается.

– Потом, – сказал Джон. – Сначала я вам расскажу. Потом можно будет и выпить.

– Ты нашел то зло, – проговорил Джейсон. – Несомненно. Мы знаем, что там есть некое зло. Несколько лет назад до нас дошли слухи. Никто не знал, что это и зло ли это на самом деле. Единственное, что нам было известно, – у него дурной запах.

– Это не зло, – сказал Джон. – Это хуже, чем зло. Глубочайшее безразличие. Безразличие разума. Разум, утративший то, что мы называем человечностью. Или никогда ее не имевший. Но это не все. Я нашел людей.

– Людей! – вскричал Джейсон. – Не может быть! Никто понятия не имел...

– Разумеется, никто не знал. Но я их нашел. Они живут на трех планетах, близко друг от друга, и дела у них идут очень здорово, пожалуй, даже слишком хорошо. Они не изменились. Эти люди такие же, какими были мы пять тысяч лет назад. Они прошли до логического конца тот путь, по которому пять тысяч лет назад шли мы, и теперь возвращаются сюда. Они на пути к Земле.

В окна неожиданно ударили потоки воды, которые швырнул налетевший ветер. Ветер завыл и загулял где-то наверху среди карнизов.

– Гроза началась, – сказала Марта. – Какая сильная.

Глава 9

Она сидела и слушала голоса книг – или, скорее, голоса людей, что написали все эти книги. Станные, серьезные, далекие, звучащие из глубин времени; как будто далеко-далеко что-то невнятно объясняли мудрецы – говорили без слов, но речи их были полны значения и смысла. В жизни бы не поверила, сказала себе девушка, что так может быть. Деревья изъяснялись словами, цветы несли смысл, и маленький лесной народец тоже часто с ней разговаривал, и в журчании реки и бегущих ручьев улавливались музыка и очарование, превосходящее всякое понимание. Но это потому, что они живые, – правильно, даже реку и ручей можно считать живыми существами. Возможно ли, чтобы книги тоже были живые?

Столько книг, целая комната, от пола до потолка ряды книг, а в подвалах их во много раз больше, сказал маленький забавный робот Тэтчер. Однако самое удивительное, что она думает о роботе как о забавном существе – почти как если бы он был человеком. Он ей сказал: «Здесь вы сможете проследить и нанести на карту путь, который проделал человек из самой темной ночи к свету». Изрек это с гордостью, словно сам был человеком и самолично, в тревоге и с надеждой, прошагал этот путь от начала до конца.

Голоса книг все звучали в сумраке комнаты, под стук дождя – неумолчное приветливое бормотание, призрачные разговоры писателей, чьи произведения стояли рядами вдоль стен кабинета. Игра ли это воображения, спросила она себя, или другие тоже их слышат? Например, дядя Джейсон, когда сидит здесь? Она знала, что ей не хватит духу об этом спросить. Может, она одна их различает, как различила голос старого Дедушки Дуба в тот далекий летний день, когда ее племя отправилось в страну дикого риса? Или как сегодня она ощутила, что дерево словно подняло огромные руки и на нее снизошло благословение?

Она сидела перед раскрытой книгой за маленьким столиком в углу комнаты (не за тем большим столом, где дядя Джейсон писал свои хроники), слушая, как гуляет в карнизах ветер, глядя, как хлещет дождь за окнами, на которых Тэтчер раздвинул шторы. И незаметно перенеслась в какое-то другое место. А может, ей только так показалось? Ей увиделось множество людей – или их бесчисленные тени – и множество других столов, и далекие-далекие времена и места, хотя казались они ближе, чем им полагалось быть, словно бы завесы времени и пространства сделались тонкими и готовы были растаять. И она сидела, наблюдая великое чудо: время и пространство почти исчезли, не разделяя людей и события, а напротив, соединяя их, словно все когда-либо случившееся произошло одновременно и в одном и том же месте, а прошлое придвинулось вплотную к будущему в пределах одной крошечной точки, которую можно было назвать настоящим. Напуганная происходящим, девушка тем не менее за одно страшное и величественное мгновение успела разглядеть все причины и следствия, все направления и цели, всю муку и счастье, которые побудили людей написать те миллиарды слов, что хранились в библиотеке. Увидела это все, не понимая, не будучи в состоянии понять, осознав лишь, что нечто, побудившее людей создать все произнесенные, начертанные, пылающие слова, являлось не столько результатом работы многих умов, сколько результатом воздействия образа существования на умы всего человечества.

Наваждение (если это было лишь наваждением) почти сразу рассеялось. В дверь вошел Тэтчер с подносом и, тихими шагами подойдя к девушке, поставил поднос на стол.

– С некоторым опозданием, – извинился он. – Из монастыря прибежал Никодемус и попросил горячего супа, одеял и много чего еще, что нужно для раненого паломника.

На подносе был стакан молока, баночка варенья из дикого крыжовника, ломтики хлеба с маслом и кусок медового пирога.

– Не слишком большое разнообразие, – продолжал Тэтчер. – Не столь изысканно, как вправе ожидать гость в этом доме, но, занимаясь нуждами монастыря, я не успел должным образом все приготовить.

– Мне этого хватит, конечно, – сказала Вечерняя Звезда. – Я не ожидала подобной заботы. Ты был занят, и не стоило себя утруждать.

– Мисс, – проговорил Тэтчер, – в течение столетий на мне лежала приятная обязанность вести здесь домашнее хозяйство в соответствии с определенными нормами, которые за это время ни разу не менялись. Я лишь сожалею, что старинный порядок был нарушен в первый же день вашего пребывания здесь.

– Ничего страшного, – ответила она. – Ты говорил о паломнике. Паломники часто приходят в монастырь? Я никогда о них не слыхала.

– Он – первый, – сказал Тэтчер. – И я не уверен, что он паломник, хотя именно так его назвал Никодемус. Скорее всего, просто странник, хотя само по себе и это примечательно, поскольку прежде никогда не было странников – людей. Молодой человек, почти обнаженный, как говорит Никодемус, с ожерельем из медвежьих когтей на шее.

Девушка застыла, вспомнив мужчину, которого встретила утром на вершине утеса.

– Он серьезно ранен? – спросила она.

– Вряд ли, – ответил Тэтчер. – Он хотел укрыться в монастыре от грозы. Открыл калитку, ее рванул ветер, и она его ударила. Ничего особенного с ним не случилось.

– Это хороший человек, – сказала Вечерняя Звезда, – и очень простой. Он даже не умеет читать. Считает, что звезды – всего лишь крошечные огоньки, светящиеся в небе. Но ему дано чувствовать дерево...

Она умолкла, смутившись. О дереве рассказывать нельзя. Нужно научиться следить за тем, что говоришь.

– Мисс, вы его знаете?

– Нет. По-настоящему не знаю. Сегодня утром я с ним чуть-чуть говорила. Он сказал, что направляется сюда. Он что-то искал и рассчитывал, что может найти это здесь.

– Все люди что-нибудь ищут, – произнес Тэтчер. – Мы, роботы, совершенно иные. Мы довольствуемся тем, что служим.

Глава 10

– Сначала, – рассказывал Джон Уитни, – я просто путешествовал. Это казалось чудесным всем нам, но мне, наверное, – больше всех. То, что человек может свободно передвигаться во Вселенной, что он может направиться, куда пожелает, казалось волшебством и было выше всякого понимания. А то, что можно странствовать без каких-либо механизмов и инструментов, посредством силы, заключенной в нас самих и дотоле никому не известной, было просто невероятно. И я использовал эту силу, снова и снова доказывая себе самому, что могу это делать, что это постоянная, исчезающая способность, которой можно пользоваться по своему желанию, и что она наша по праву принадлежности к человеческому роду, а не дана откуда-то извне, и ее нельзя отнять в мгновение ока. Вы никогда не пробовали, Джейсон, ни ты, ни Марта?

Джейсон покачал головой:

– Мы нашли кое-что иное. Возможно, не столь волнующее, но дающее глубокое удовлетворение. Любовь к Земле и чувство целостности, неразрывности, ощущение непрерывности земной жизни, житейской определенности.

– Пожалуй, я могу это понять, – сказал Джон. – У меня этого никогда не было, и, подозреваю, именно его отсутствие гнало меня все дальше и дальше, даже когда удовольствие от путешествия от звезды к звезде несколько потускнело. Хотя новые места по-прежнему меня волнуют – ибо нет двух одинаковых мест. Что меня изумляло и продолжает изумлять – так это огромное разнообразие, которое существует на свете, даже на планетах, геология и история которых очень похожи.

– Но почему, Джон, ты так долго ждал? Не давал знать о себе. Ты говорил, что встречался с другими и они тебе сообщили, что мы по-прежнему на Земле.

– Я хотел, – признался Джон. – Я множество раз думал о том, чтобы вернуться домой и повидать вас. Но я бы прибыл с пустыми руками, ведь за годы странствий я не обрел ничего. Речь не о вещах или ценностях – мы теперь знаем, что это не в счет. Но я ничего не узнал, ничего нового не понял. Привез бы пару рассказов о том, где был и что видел, только и всего. Блудный сын...

– Но тебя всегда ждал радушный прием. Мы тебя ждали, пытались о тебе разузнать.

– Я одного не понимаю, – сказала Марта. – Почему о тебе не было известий? Ты говоришь, что встречался с другими, и никто о тебе не слышал, никогда, ничего. Ты просто бесследно исчез.

– Я был очень далеко, Марта. Гораздо дальше, чем большинство остальных. Я бежал со всех ног. Не спрашивайте почему; я сам себя спрашивал и не нашел ответа. Вразумительного ответа. Те же, с кем я встречался – всего двое или трое, да и то совершенно случайно, – мчались так же, как и я. Как стайка ребятишек, попавшая в незнакомое чудесное место, где так много интересного, что страшно что-нибудь упустить. И они бегут во весь дух, и говорят себе, что посмотрят все, а потом вернутся туда, где лучше всего. Возможно, они знают, что никогда не вернутся, поскольку им кажется, что самое лучшее место всегда впереди; и они одержимы мыслью, что, остановившись, его не найдут. Я признавал, что делаю, и понимал, что это глупо, и утешался только тем, что я не один такой.

– Однако, – сказал Джейсон, – ты нашел людей. Потому что забрался так далеко.

– Верно, – согласился Джон, – но на них я наткнулся случайно. Никого не разыскивал. Я ощутил Принцип, который искал.

– Принцип?

– Даже не знаю, Джейсон, как вам рассказать, – в языке, наверное, нет нужных слов. Я просто не в состоянии точно объяснить... Возможно, никому не дано знать, что это такое.

Помнишь, ты сказал, что ближе к центру Галактики находится зло. Это зло и есть Принцип. Люди, которых я там встречал, тоже его ощущали и, видимо, кое-что рассказали другим. Однако слово «зло» неверно; на самом деле это не зло. Если его ощутить, почуять, почувствовать издалека... Принцип имеет запах зла, нечеловеческий, безразличный. По нашим понятиям, он слеп и не наделен разумом. У него нет ни цели, ни единого мыслительного процесса, который мог бы быть приравнен к деятельности человеческого мозга. В сравнении с ним паук является нашим кровным братом, и разум его на одном уровне с нашим. Принцип знает все, что только можно знать. И знание его выражается в столь нечеловеческих терминах, что мы не смогли бы даже приблизительно понять самый простейший из них. Он находится там, зная все, и знание его столь леденяще верно, что ты бросаешься прочь. Он не ошибается ни на йоту. Я назвал его нечеловеческим, и, возможно, именно способность быть всегда совершенно правым, абсолютно точным делает его таковым. Ибо, как бы ни гордились мы своим разумом и пониманием, никто из нас не может искренне и со всей уверенностью сказать, что прав всегда и во всем.

– Но ты говорил, что нашел людей и что они возвращаются на Землю, – сказала Марта. – Расскажи о них. И когда они вернутся...

– Дорогая, – мягко перебил Джейсон, – я думаю, прежде чем перейти к людям, у Джона есть еще много о чем рассказать.

Джон поднялся из кресла, подошел к залитому дождем окну и выглянул наружу, затем вернулся и остановился перед Джейсоном и Мартой, сидевшими на кушетке.

– Джейсон прав, – сказал он. – Я так долго ждал возможности кому-нибудь рассказать, с кем-нибудь поделиться. Возможно, я не прав. Я так долго об этом размышлял, что, может, и сам запутался. Я бы хотел, чтоб вы оба меня выслушали. – Джон снова уселся. – Попробую изложить все предельно объективно. Вы понимаете, что я никогда не видел эту штуку, этот Принцип. Возможно, я даже рядом с ним не был. Однако находился достаточно близко и потому знаю, что он существует, и я ощутил, что это за штука. Конечно, я его не понял, даже не пытался понять, для этого я слишком мал и слаб. Это-то меня больше всего и мучило – сознание своей малости и слабости, причем не только своей, а всего человечества. Это как будто уравнивает человека с микробом, даже с чем-то меньшим, чем микроб. Ты понимаешь, что тебя, отдельно взятого человека, он не в состоянии заметить, хоть есть свидетельства, по крайней мере, мне так кажется, что он способен заметить и действительно заметил человечество.

Я подобрался к нему как можно ближе, насколько мог выдержать. Я его боялся. Не знаю... Все припоминается как-то смутно. Возможно, я оказался к нему слишком близко. Но мне надо было разобраться, понимаете? И теперь я уверен: он там, и он наблюдает, и он – знает. Он может действовать, хотя я склонен думать, что торопиться он бы не стал.

– Как действовать? – спросил Джейсон.

– Не знаю, – ответил Джон. – Пойми: все это только впечатление, мысленное восприятие. Глазами я ничего не видел, ушами не слышал. Именно поэтому его так трудно описать. Как описать реакции человеческого мозга? Как передать эмоциональное воздействие этих реакций?

– До нас доходили слухи. – Джейсон обратился к Марте. – Кто-то говорил... Ты не помнишь, кто это был? Он был так же далеко, как Джон, или почти так же...

– Так далеко не стоило забираться, – заметил Джон. – Можно ощутить с гораздо большего расстояния. Я-то намеренно старался подобраться поближе.

– Не помню, кто это был, – ответила Марта. – Рассказывали двое или трое. Не сомневаюсь, это сведения из вторых рук. Слух, передаваемый от одного к другому, потом к третьему, четвертому... О том, что в центре Галактики находится некое зло и кто-то на него натолкнулся. Но его никто не исследовал. Наверное, боялись.

– Что верно, то верно, – отозвался Джон. – Я очень боялся.

– Ты называешь его Принципом, – сказал Джейсон. – Чудное название. Почему Принцип?

– Так мне подумалось, когда я был с ним рядом, – ответил Джон. – Он со мной не общался. Возможно, он меня даже не замечал, не знал, что я есть на свете. Крошечный микроб...

– Но – Принцип? Это же предмет, существо, организм? Странно так называть живое существо.

– Я не уверен, Джейсон, что это существо или организм. Это просто нечто. Например, сгусток разума. А какую форму может принять сгусток разума? На что он похож? Можно ли его увидеть? Это облако, или поток газа, или триллионы крошечных пылинок, танцующих в свете солнц, что находятся в центре Галактики? Почему я назвал его Принципом? Не могу сказать. Тут нет логики. Просто я чувствовал, что это. Основной принцип Вселенной, ее направляющая сила, ее мозговой центр, то, что делает Вселенную единым целым и приводит ее в действие, – сила, заставляющая электроны вращаться вокруг ядра, а галактики – вокруг их центров, сила, удерживающая все и вся на своих местах.

– Ты мог бы точно указать, где он? – спросил Джейсон.

Джон покачал головой:

– Это невозможно. Ощущение Принципа было везде. Оно исходило отовсюду. Смыкалось вокруг. Окутывало и поглощало. Не было никакого определенного направления. И там столько солнц и планет – битком набито. Солнца друг от друга на расстоянии меньше одного светового года. В большинстве своем старые, и большая часть планет мертва. На некоторых из них видны следы существования каких-то великих цивилизаций, но все они погибли...

– Может быть, это одна из тех цивилизаций...

– Может быть, – согласился Джон. – Я поначалу так и думал: одной из этих древних цивилизаций удалось выжить. И разум ее превратился в Принцип. Но для проявления и развития Принципа нужно больше времени, чем весь период существования Галактики. Я не знаю, как это объяснить. Только силой этого разума или тем, насколько он нам чужд. В космосе повсюду встречаются формы разумной жизни, отличные от нас, и эти отличия делают их чуждыми нам. Но Принцип нам чужд в гораздо большей степени. И это наводит на мысль, что зародился он вне Галактики и во время, предшествующее ее появлению. Зародился во времени и месте, столь разнящемся с нашей Галактикой, что постичь его невозможно. Я полагаю, ты знаком с теорией стационарной Вселенной?

– Да, конечно, – сказал Джейсон. – Согласно ей, Вселенная не имеет ни начала, ни конца и находится в состоянии непрерывного созидания: постоянно образуется новая материя, появляются новые галактики, а старые погибают. Однако специалисты по космологии еще до исчезновения людей установили, что эта теория несостоятельна.

– Я знаю, – сказал Джон. – И все же была некая надежда... Кое-кто упрямо за нее цеплялся из философских соображений. Эта концепция была красива, величественна и внушала благоговение: предположим, что Вселенная гораздо больше, чем кажется, что мы видим лишь малую ее часть, крошечный прыщик на коже этой большой Вселенной, и этот крошечный прыщик находится в стадии, которая заставляет нас думать не о стационарной Вселенной, а о развивающейся.

– И ты считаешь, что такие мыслители были правы?

– Возможно. Стационарное состояние дало бы Принципу время, необходимое для его появления. До этого Вселенная, возможно, находилась в состоянии хаоса. Принцип мог быть той созидательной силой, которая все расставила по своим местам.

– Ты в это веришь?

– Да, верю. У меня было время подумать, я собрал все воедино. Теперь я в этом убежден. Хотя у меня нет ни малейших доказательств. Ни крупинки информации. Но эта мысль укрепилась в моем сознании, и я не могу от нее избавиться. Я говорю себе, что ее внедрил Принцип, внушил ее мне. Только так я могу это объяснить. Но Принцип, вне всякого сомнения, понятия обо мне не имел.

– Ты говоришь, что находился близко к нему.

– Настолько близко, насколько хватило храбрости. Мне все время было страшно. Пока не добрался до точки, откуда бежал.

– Где-то по дороге ты наткнулся на людей. Ты бы ни за что их не встретил, если б не гонялся за штукой, которую зовешь Принципом.

– Джейсон, – вмешалась Марта, – по-моему, на тебя все это не произвело впечатления. Что с тобой? Вернулся твой брат...

– Прошу прощения, – ответил Джейсон. – Пожалуй, я еще толком всего не осознал. Возможно, в глубине души я до ужаса боюсь этот самый Принцип и, называя его «штукой», отталкиваю от себя, не желая признать.

– То же было и со мной, – сказал Джон Марте. – Поначалу. Но я это преодолел. И верно, я бы никогда не нашел людей, если бы не искал Принцип. Это слепая случайность, что я на них наткнулся. Я уже двинулся обратно и прыгал с планеты на планету; а вы наверняка знаете, что выбирать планеты надо с предельной осторожностью. Ты можешь выбрать те, что на первый взгляд кажутся лучше; для этого есть много ориентиров. Однако у планеты могут обнаружиться особенности, которых ты не знал, поэтому всегда надо иметь в запасе планету-другую, чтобы переместиться в другое место. У меня были такие запасные варианты. Я угодил на планету если и не смертельную, то по крайней мере чрезвычайно неудобную. Я быстро перескочил на другую и тут-то нашел людей. Это планета, расположенная очень близко к Принципу, и я удивлялся, как они могут жить так близко и совершенно не обращать на него внимания – или делать вид, что не обращают. Может, они к нему привыкли, хотя к такому нелегко привыкнуть. Спустя какое-то время я понял, что они его просто-напросто не замечают. У них не развились парапсихологические способности, как у нас. Они понятия не имели, что там такое.

Мне повезло. Я материализовался в открытом поле... «материализовался», конечно, не то слово, но у нас нет более подходящего. Нелепо, когда человек может что-то делать и не может это правильно назвать. Джейсон, ты случайно не знаешь, разобрался ли кто-нибудь, что же, в сущности, происходит, когда мы путешествуем среди звезд?

– Не знаю, – ответил Джейсон. – Думаю, нет. Может, Марте известно. Она постоянно разговаривает с остальными и знает все новости.

– Некоторые пытались разобраться, – сказала Марта, – но ничего не добились. Это было давно. Не думаю, чтобы кто-то долго упорствовал. Сейчас они просто принимают все как должное, никого больше не заботит, как и почему это происходит.

– Может, оно и к лучшему, – сказал Джон. – Как бы то ни было, я мог промахнуться. Прибыл бы в густонаселенное место, кто-нибудь бы увидел, что я появился ниоткуда. Или же, через столько веков увидев людей, я их признал бы за бывших землян и с ликованием поспешил бы к ним в объятия. Хотя я их совсем не искал. Вот уж о чем думать не думал.

Однако я появился в чистом поле и в некотором отдалении от людей. Я решил, что это люди, фермеры, которые работали с большими самоходными сельскохозяйственными орудиями. Я понял, что если это и люди, то не нашего клана, ведь мы уже тысячи лет не имеем дела с самоходными машинами. Мне пришло в голову, что эти люди в свое время были унесены с Земли, и от этой мысли я ощутил слабость в коленях и восторг в душе. Хотя я сказал себе, что это никак не могут быть люди и я, очевидно, обнаружил всего лишь расу

гуманоидов. Но это тоже было маловероятно. Во всей Галактике никто не нашел другой расы людей. Или уже нашли? Я так долго отсутствовал...

– Нет, не нашли, – подтвердила Марта. – Обнаружили множество других существ, но не гуманоидов.

– И у них были машины. Хотя мы уже встречались с технологическими расами, но их техника сложна и фантастична. Мы даже не в состоянии понять принцип ее действия или назначение. Казалось абсурдным, что я натолкнулся еще на одну гуманоидную расу, имеющую машинную технологию. Единственный, стало быть, вывод: передо мной люди. Поняв это, я стал несколько осмотрительнее. Пусть мы одной крови, но между нами пять тысяч лет, а за пять тысяч лет, напомнил я себе, мы могли стать абсолютно чужими друг другу. А вступать в контакт с чужаками надо очень осторожно.

Не стану рассказывать вам обо всем, что случилось. Может быть, позднее. Я склонен думать, что справился со своей задачей неплохо. Впрочем, пожалуй, мне просто повезло. Фермеры меня приняли за странствующего ученого с какой-то из трех планет, где обитает человечество, – за ученого, который слегка не в своем уме и занят такими вещами, на которые ни один нормальный человек и внимания-то обращать не станет. Я это понял и стал им подыгрывать; все пошло гладко. Мои промахи казались им всего лишь чудачеством. К счастью, они изъяснялись на английском, хотя их английский сильно отличался от языка, на котором говорим мы. Пользуясь их ошибкой и скрываясь за образом ученого чудака, я побывал во многих местах и сумел разобраться, что к чему, понять их общество, их замыслы относительно будущего.

– И все это оказалось не слишком симпатичным, – сказал Джейсон.

Джон взглянул на брата с изумлением:

– Откуда ты знаешь?

– Ты говорил, что у них по-прежнему машинная технология. Наверное, в этом суть. Когда все утряслось, они продолжали двигаться по тому же пути, что прежде на Земле.

– Ты прав, – сказал Джон. – Им, очевидно, потребовалось немного времени, чтобы, как ты говоришь, все утряслось. После того как они в мгновение ока очутились на другой планете, точнее, на других планетах в неведомой части космоса, они сориентировались, организовались и снова пошли по прежнему пути. Разумеется, пришлось начать с нуля, однако им помогли технические знания и доселе нетронутые запасы природных ресурсов. Более того, у них такая же продолжительность жизни, что и наша. Многие из них погибли в первые годы, но большинство выжили, и среди них специалисты, обладающие знаниями, которые позволили создавать новые технологии. Представь себе, что квалифицированный, опытный инженер или эрудированный, одаренный воображением ученый живут несколько веков. Гениальные умы творят столетиями, инженеры строят и проектируют. Создатель теории сохраняет молодость, необходимую для работы. Но есть во всем этом один очень крупный недостаток. Присутствие людей с таким огромным опытом отрицательно сказалось бы на молодых, порождая консерватизм, невосприимчивость к новым идеям. У людей хватило здравого смысла это осознать и снабдить свою социальную структуру элементами компенсации.

– Ты узнал что-либо о сроках? Как быстро они продвигались вперед?

– Разумеется, ничего определенного. Но примерно сто лет на то, чтобы утвердиться как жизнеспособное общество, и лет триста, чтобы восстановить технологическую структуру, существовавшую здесь, на Земле. Они все строили с нуля, но им было легче: не приходилось бороться со старением. Не прошло и тысячи лет, как люди, живущие на трех разных планетах, на расстоянии менее одного светового года друг от друга, об этом узнали. И очень быстро они создали космические корабли; человечество опять воссоединилось. Физические контакты и торговля дали новый толчок развитию техники, поскольку, существуя эту тысячу лет отдельно друг от друга, они развивались в области технологии по-разному. К тому же

теперь они владели ресурсами сразу трех планет, а не одной, и это было явное преимущество. В результате произошло слияние трех отдельных культур в нечто вроде единой сверхкультуры, имеющей общие корни.

– У них не развились парапсихологические способности? Никаких признаков?

Джон отрицательно покачал головой:

– Они так же глухи, как и прежде. Чтобы эти способности развились, нужно не только время. Очевидно, необходим иной взгляд на вещи, нужно снять гнет технологического развития. Это бремя, которое легло не только на весь род людской, но и на каждого отдельного человека.

– А их технология?

– Нам с тобой она показалась бы отвратительной. Не зная ничего иного, они видят в ней единственную цель и, по всей вероятности, считают ее расчудесной. Ну, если не чудесной, то удовлетворительной. Для них технология означает свободу – свободу возвыситься над окружающей средой и подчинить ее своим целям. Мы бы в ней задохнулись.

– Но они должны думать о прошлом, – проговорила Марта. – Их перемещение с Земли произошло относительно недавно. Должны быть записи. Все эти годы они наверняка размышляли над тем, что с ними произошло и где осталась Земля.

– Записи сохранились, – сказал Джон. – В них правда перемешана с домыслами, потому что они обратились к бумаге лишь спустя много лет. К тому времени воспоминания о происшедшем затуманились и никто уже не мог с точностью сказать, что именно случилось. Хотя они не переставали задаваться вопросами, выдвинули великолепные теории, но так и не пришли к окончательному выводу. А у тебя, Джейсон, есть записи, которые начал наш дед. Ты их по-прежнему ведешь?

– От случая к случаю, – ответил Джейсон. – Бывает, что писать особенно не о чем.

– Наши записи, – продолжал Джон, – сделаны с ясным намерением, спокойно и не торопясь. Мы не пережили никакого перемещения; нас оставили здесь. Но его пережили другие. Трудно представить, как это было. Что значит очутиться на планете, которая похожа на Землю, но при этом совершенно иная. Оказаться там без пищи, без вещей, без крова. Стать первооткрывателями в мгновение ока, при самых неблагоприятных обстоятельствах. Люди были испуганы, растеряны и, что хуже всего, совершенно сбиты с толку. Человеку чрезвычайно важно понимать, что с ним происходит, а они не могли найти никакого объяснения. Словно это было некое колдовство, очень злобное, жестокое. Удивительно, что они выжили. И они по сей день не знают, почему и как это случилось. Но мне кажется, я знаю причину.

– Ты имеешь в виду Принцип?

– Возможно, это всего лишь моя фантазия, – сказал Джон. – Может, я пришел к этой мысли только потому, что не видел других объяснений. Если бы люди имели парапсихологические способности и знали о существовании Принципа, они бы сделали тот же вывод. Из чего вовсе не следует, что мы действительно правы. Я уже говорил: вряд ли Принцип знал обо мне. Я не уверен, что он способен заметить отдельного человека. Так человек, при всей тонкости восприятия, не замечает существования микроба. Однако Принцип скорее обратил бы внимание на большое число людей, на какие угодно существа, но именно в большом количестве, заинтересовавшись, например, социальной структурой этой массы или направлением их интеллектуального развития. Я полагаю, чтобы привлечь его внимание, ситуация должна быть уникальна. Например, пять тысяч лет назад человечество, в полном расцвете технологического развития и со своим материалистическим мировоззрением, должно было казаться поразительным. Допустим, какое-то время Принцип нас изучал, недоумевая и, может быть, несколько опасаясь, что в будущем мы нарушим установленный порядок Вселенной. Этого он не хотел. Поэтому, думаю я, он сделал с нами именно то, что сделали бы люди, обнаружив новый штамм вируса. Вирус поместили бы в пробирки и подвергли

анализу, пытаюсь определить, как он поведет себя в различных условиях. Принцип отправил человечество на три планеты и стал наблюдать, сохранится ли чистота штамма. Культуры трех планет, разумеется, отличались друг от друга, но при всех различиях они были технологическими и материалистичными и впоследствии без труда объединились в одну сверхкультуру.

– Почему-то, – заметил Джейсон, – когда ты говоришь о людях, у меня появляется чувство, будто ты описываешь не человечество, а какую-то чудовищную расу инопланетян.

– Я боюсь, – сказал Джон. – И пожалуй, не какого-то отдельного аспекта их культуры – некоторые из них очень даже приятны, – но скрытого в ней чувства высокомерия. Не силы и могущества, хотя они тоже присутствуют, а именно неприкрытого высокомерия вида, который все почитает своей собственностью.

– И все же, – сказала Марта, – это люди. Мы так долго думали о них, беспокоились, мучились вопросом, что с ними случилось. Мы должны быть счастливы, что нашли их, рады, что у них хорошо идут дела.

– Должны, – согласился Джейсон, – но я почему-то не могу. Джон сказал, они возвращаются на Землю. Нельзя этого допустить. Что они сделают с Землей, с нами?

– Возможно, нам придется ее покинуть, – ответила Марта.

– Мы не можем этого сделать, – сказал Джейсон. – Земля – часть нас самих. И не только нас с тобой, но и других тоже. Земля – наш якорь; она удерживает нас вместе – всех нас, даже тех, кто никогда на ней не был.

– Зачем им понадобилось искать Землю? – спросила Марта. – Как они, затерянные среди звезд, сумели ее найти?

– Не знаю, – ответил Джон. – Но они умны. Чересчур умны. Их астрономия, их науки превосходят все, о чем земляне когда-либо осмеливались мечтать. Каким-то образом им удалось нащупать среди звезд и определить солнце своих предков. И у них есть корабли. Они уже добрались до других близлежащих солнц, исследуя их и пользуясь ими.

– Дорога сюда неблизкая, – сказал Джейсон. – Мы успеем что-нибудь предпринять.

Джон покачал головой:

– Скорость их кораблей во много раз превышает скорость света. Разведывательный корабль уже год в пути. Он может прибыть не сегодня-завтра.

Глава 11

Из записи в журнале от 19 апреля 6135 года:

...Сегодня мы посадили деревья, которые принес Роберт. С исключительной бережностью мы посадили их на холме, что находится на полпути между домом и монастырем. Трудились, конечно, роботы, но мы тоже присутствовали и руководили – чего, впрочем, совершенно не требовалось. Там были Марта, я и Роберт, потом прибыли Эндрю и Маргарет с детьми. Словом, получился хороший праздник.

Хотелось бы знать, приживутся ли деревья. Не в первый раз мы пытаемся сажать инопланетные растения на Земле. Джастин, например, принес откуда-то с Полярной звезды горсть хлебных зерен, а еще у нас были клубни, которые собрала Силия. То и другое пришлось бы кстати, добавив разнообразия нашей пище, однако у нас ничего не вышло. Зерна протянули несколько лет, с каждым разом давая все меньший урожай, пока наконец, высадив то небольшое, что имели, мы не увидели даже всходов. Вероятно, нашей почве чего-то недостает, возможно, отсутствуют минералы, бактерии либо микроскопические животные формы жизни, которые необходимы инопланетным растениям.

Мы, разумеется, будем заботиться о деревьях и внимательно за ними наблюдать. Если они приживутся, это будет замечательно. Роберт называет их музыкальными деревьями и говорит, что на его родной планете они растут огромными рощами и в вечерние часы дают концерты. Но для кого они стараются? На их планете нет разумной формы жизни, способной оценить хорошую музыку. Возможно, они играют для себя или для соседей, и вечерами одна роща слушает другую, оценивая ее по достоинству.

Вероятно, могут быть и иные причины, которых Роберт не понял, довольствуясь тем, что просто сидел и слушал музыку. Мне тоже их не понять. Наш опыт и история слишком малы, чтобы объяснить иные формы жизни, обитающие в нашей Галактике.

Роберт принес на Землю с полдюжины деревьев, маленькие побеги высотой фута в три. Выкопал он их чрезвычайно осторожно, корни обернул собственной одеждой и на Земле объявился совершенно голым. Моя одежда ему великовата, однако, всегда готовый посмеяться, в том числе и над собой, он ничего не имеет против. Роботы сейчас готовят ему гардероб, и он покинет Землю, экипированный лучше, чем прежде.

Вряд ли деревья примутся, но очень хочется надеяться. Я так давно не слышал никакой музыки – трудно даже вспомнить, что это такое. У нас с Мартой совершенно нет музыкальных способностей. Лишь двое из наших обладали музыкальным слухом, но они давно-давно покинули Землю. Много лет назад, захваченный грандиозной идеей, я прочитал кое-какие книги, постиг основы игры на музыкальных инструментах и засадил роботов за их изготовление. Результат оказался далеко не блестящим, а играли они еще хуже. По всей видимости, роботы – по крайней мере наши – имеют не больше музыкальных способностей, чем я. В дни моей молодости музыка записывалась с помощью электронной аппаратуры, но после Исчезновения воспроизвести ее оказалось невозможным. По правде говоря, мой дед, тщательно собрав книги и произведения искусства, не взял в коллекцию ни единой записи. Хотя мне помнится, что в одном из подвалов хранится значительное собрание партитур – старик, видимо, надеялся, что в будущем найдутся музыкально одаренные люди, которым они пригодятся...

Глава 12

Он знал, что такое музыка, и был ею очарован; порой она чудилась ему в шелесте листвы на ветру или в серебряном звоне бегущей по камням воды. Но никогда в жизни не доводилось ему слушать музыку, подобную этой.

Он помнил, как старый Джоуз садился по вечерам у порога своей хижины, прилаживал под подбородком скрипку и водил смычком по струнам, порождая радость или печаль, а порой просто чарующую мелодию.

– Нынче я играю неважно, – говаривал он. – Пальцы мои уже не так ловко танцуют по струнам, и рука, держащая смычок, отяжелела. Она должна бабочкой порхать над струнами – вот как.

Однако мальчику, сидящему на еще теплом от солнца песке, эта музыка казалась чудесной. На высоком холме позади хижины койот поднимал к небу морду и под пение скрипки заводил собственную песнь, повествуя о пустынности холмов, и моря, и пляжа, словно, кроме него, старика со скрипкой да сидящего на корточках паренька, вокруг не осталось ничего живого, одни пни да древние холмы, виднеющиеся в сумерках.

Еще были охотники на буйволов со своими барабанами, трещотками и свистками из оленьей кости, и он вместе с другими плясал в сильнейшем возбуждении, которое, как он чувствовал, уходило корнями в далекое прошлое.

Но здесь звучала не скрипка, не свисток из оленьей кости, не барабан; эта музыка наполняла собою весь мир и гремела под небесами, она захватывала человека и уносила с собой, затопляла его, заставляла забыть о собственном теле, влиться всем существом в узор, который она создавала.

Какая-то часть его сознания оставалась свободной и с изумлением тянулась навстречу звучащему волшебству, снова и снова повторяя: музыку создают деревья. Маленькая группка деревьев на холме – они кажутся призрачными в вечернем свете, когда все вокруг так чисто и свежо после дождя; они белые, как березы, но выше обычных берез. Деревья, у которых есть барабан, и скрипка, и свисток из оленьей кости, и еще много-много чего, и они объединяют все это в звуках, пока не заговорит само небо.

Он заметил, что кто-то прошел через сад и остановился рядом, но юноша даже не повернул головы, усердно вслушиваясь: на холме, где стояли деревья, что-то было неладно. Невзирая на всю красоту и мощь, в музыке было нечто неправильное, и, если бы удалось это исправить, она стала бы совершенной.

Езекия протянул руку и осторожно поправил повязку на щеке юноши.

– Теперь вы хорошо себя чувствуете? – спросил он. – Вам лучше?

– Замечательно, – ответил тот, – но что-то не так.

– Все как положено, – сказал Езекия. – Редко бывало лучше. И это одна из старых композиций, не экспериментальная...

– В ней есть какой-то недуг.

– Некоторые деревья уже состарились и умирают, – сказал Езекия. – Может быть, они играют не так, как в былые дни, но все равно хорошо. И там есть молодые побеги, которые еще не приобрели сноровки.

– Почему им никто не поможет?

– Им невозможно помочь. Никто не знает – как. Все на свете старится и умирает, вы – от старости, я – от ржавчины. Это не земные деревья. Их много веков назад принес один из тех, кто скитается среди звезд.

Вот опять, подумал молодой человек, я слышу о путешествии к звездам. Охотники на буйволов рассказывали о людях, которые отправляются к звездам, и сегодня утром об этом

упомянула девушка, с которой он говорил. Девушка-то должна знать – ведь она может беседовать с деревьями. Интересно, подумал он, говорила ли она когда-нибудь с призрачными деревьями на холме?

Она может говорить с деревьями, а он может убивать медведей, и неожиданно в памяти всплыл миг, когда в балке поднялся на дыбы тот последний медведь. Но теперь, по какой-то странной причине, это был совсем не медведь, а деревья на холме, и появилось то же чувство: будто он выходит из собственного тела и с чем-то соприкасается. Но с чем? С медведем? С деревьями?

Затем все исчезло, он опять вернулся в свое тело, и все стало правильно и хорошо. Музыка наполняла собою мир и гремела под небесами.

Езекия сказал:

– Вы ошибаетесь насчет деревьев. Нет у них никакого недуга. Мне кажется, именно сейчас они играют как никогда.

Глава 13

Ночью Джексон пробудился и заснуть снова уже не смог. Он знал, что не тело его пренебрегает сном; это его ум, переполненный думами и дурными предчувствиями, отказывался отдыхать.

В конце концов он встал и начал одеваться.

– Что такое, Джейсон? – спросила Марта со своей кровати.

– Не спится, – ответил он. – Пойду пройдуся.

– Надень плащ. Ветер ночью холодный. И не беспокойся. Все образуется и будет хорошо.

Спускаясь по лестнице, он подумал, что Марта не права и знает, что не права. Ничего не образуется. Стоит людям вернуться на Землю – и жизнь непременно изменится, и уже никогда не будет такой, как прежде.

Когда он вышел во внутренний дворик, из-за угла кухни показался старый Баусер. Не было ни молодого пса, который обычно сопровождал Джейсона во время прогулок, ни остальных собак. Либо они спали, либо отправились охотиться на енота, а может быть, учуяли мышей в кукурузных снопах. Ночь была тиха, прохладна и исполнена холодного и одновременно печального чувства. Над темной массой поросшего лесом утеса на другом берегу Миссисипи висел тонкий месяц. В воздухе стоял слабый запах опавшей листвы.

Джейсон пошел по тропинке, ведущей к оконечности мыса и слиянию рек. Старый пес увязался за ним. Месяц светил совсем тускло, хотя, сказал себе Джейсон, свет им не нужен. Он столько раз ходил этой тропинкой, что нашел бы ее даже в полной темноте.

Земля спокойна, подумал он, не только здесь, но повсюду. Спокойна и отдыхает после тех бурных столетий, когда человек вырубал деревья, вырывал из ее недр минералы, распахивал прерии, строил дома на ее широких просторах и вылавливал рыбу в ее водах. Неужели после краткого отдыха все начнется сначала? Направляющийся сюда корабль послан, чтобы отыскать старушку Землю, удостовериться, что астрономы не ошиблись в своих расчетах, осмотреть и доставить назад сообщение. А потом, думал Джейсон, что будет потом? Не предъявят ли люди права на свою собственность? Хотя он очень сомневался, что человек в самом деле был когда-либо истинным хозяином Земли. Правильнее было сказать, что люди захватили ее, отняв у других существ, которые имели на нее столько же прав, но не обладали разумом, умением или достаточной силой, чтобы эти права отстаивать. Человек был бесцеремонным, высокомерным захватчиком, а не владельцем, хозяином. Он одержал победу силой разума, которая может быть не менее отвратительна, чем сила мускулов, и при этом создавал собственные правила, ставил свои цели, устанавливал свои собственные ценности и полностью игнорировал все прочее, что было живого на Земле.

Из дубовой рощи поднялась неслышная тень и проплыла вниз, в глубокую лощину, где ее поглотили тьма и безмолвие, частью которых она была. Сова, сказал себе Джейсон. Совы здесь водились во множестве, но днем они прятались. Что-то прошелестело в листьях. Баусер поднял ухо и принюхался, но то ли был слишком мудр, то ли слишком стар и тяжел на подъем, чтобы броситься вдогонку. Ласка, скорее всего, а может быть, норка; хотя для норки, пожалуй, далековато от воды.

Человек узнает своих соседей, подумал Джейсон, когда перестает на них охотиться. В былые времена он вместе с другими ходил на охоту, дичи тогда было много. Они называли это спортом или развлечением – мягкое обозначение той жажды крови, которую человек принес с доисторических времен, когда охота была средством для поддержания жизни. Человек – родной брат других хищников и, подумалось Джейсону, самый большой хищник из всех. Теперь таким, как он, не было нужды охотиться на своих братьев – обитателей лесов и болот.

Мясом их обеспечивали стада коров и овец, хотя, полагал Джейсон, употребляя в пищу даже такое мясо, человек не перестает быть хищником. Если бы кому-то взбрело в голову поохотиться, ему пришлось бы вернуться к луку со стрелами и копью. Ружья по-прежнему лежали в своих чехлах, и роботы их тщательно чистили, однако запас пороха давно иссяк, а чтобы возобновить его, потребовалось бы прочесть немало книг и затратить много усилий.

Тропинка поднялась на холм, к небольшому полю, где в снопах стояла кукуруза и на земле еще лежали тыквы. Через день-два роботы уберут тыкву, а кукуруза, вероятно, так и останется в снопах, пока не закончатся другие осенние работы. Ее можно будет свезти в хранилище позже или лущить прямо в поле уже после того, как выпадет снег.

Снопы в тусклом лунном свете походили на индейские вигвамы. Отнесли ли роботы в лагерь Горация Красное Облако пшеничную и кукурузную муку, ветчину и все, что Джейсон распорядился туда доставить? Скорее всего, да. Роботы чрезвычайно аккуратны во всем, и он в который раз уже задал себе вопрос, что же они находят в том, чтобы заботиться о нем и о Марте, работать по дому и на ферме. И, коли на то пошло, что вообще важно для роботов? Езекия и прочие, что живут в монастыре, роботы, которые строят нечто непонятное выше по течению реки... Этот вопрос, как он понимал, восходит к древним соображениям выгоды, которые в свое время безраздельно владели человечеством. Не стоит ничего делать, если от этого нет материальной отдачи. Старая привычка, старый образ мыслей, и Джейсон слегка его устыдился.

Если люди опять завладеют Землей, снова утвердятся соображения выгоды и основывающиеся на ней философские концепции. Земля, если не считать пользы, извлеченной из пяти тысяч лет свободы от человеческой чумы, окажется не в лучшем положении, чем прежде. Наверняка люди, которые сюда явятся, пожелают завладеть ею вновь. Они, конечно, поймут, что основные ресурсы Земли исчерпаны, но могут отбросить даже это соображение. Может быть (Джон ничего об этом не говорил), многие из них испытывают страстное желание вернуться на планету своих предков. Пять тысяч лет – достаточный срок, чтобы они стали считать планеты, на которых сейчас живут, своим домом, но кто их знает? В лучшем случае на Землю хлынут потоки туристов и паломников, жаждущих поклониться родине человечества.

Джейсон миновал кукурузное поле и пошел вдоль узкого гребня туда, где утес нависал над местом слияния рек. В лунном свете две реки казались дорогами из сияющего серебра, проложенными сквозь темные леса долины. Он уселся на большой камень, на котором сидел всегда, закутался в свой плотный тяжелый плащ. Сидя в тишине, в полном одиночестве, он подивился тому, что одиночество его не гнетет. Ибо здесь мой дом, сказал он себе, а в стенах собственного дома никто не может быть одинок.

Потому-то он и ждал прибытия людей с ужасом. Они вторгнутся в его дом, на землю, которую он сделал своей; своей настолько же, насколько все остальные животные считают своей территорию, где обитают. Не на основании человеческого права, не в силу какого-либо чувства собственности, но просто по праву жизни.

Этого нельзя допустить, сказал он себе. Нельзя позволить им вернуться и снова изгадить Землю. Нельзя, чтобы они опять отравили ее своими машинами. Он должен найти способ, как их остановить, – но он знал, что такого способа нет. Один-единственный и очень старый человек не может противостоять человечеству; может, и права не имеет. У них всего три планеты, и Земля станет четвертой, а у тех, кто не попал в унесшую остальных сеть, в распоряжении целая Галактика, даже, может быть, вся Вселенная.

Сам он Галактику не освоил: ни он, ни Марта. Здесь их дом, не эти несколько акров, но вся Земля. А индейцы с озера Лич? Что будет с ними? С ними и с их образом жизни? Еще одна резервация? Новая тюрьма?

У него за спиной из-под чьей-то ноги покатился вниз по склону камень. Джейсон вскочил.

– Кто там? – громко спросил он.

Это мог быть медведь, мог быть олень.

– Езекия, сэр, – раздался голос. – Я увидел, что вы вышли из дому, и пошел следом.

– Ну, иди сюда, – сказал Джейсон. – Зачем ты пошел за мной?

– Чтобы выразить благодарность, – ответил робот. – Свою самую сердечную благодарность.

Шумно ступая, он появился из темноты.

– Садись, – сказал Джейсон. – Вон на тот камень. На нем удобно.

– Я не нуждаюсь в удобстве. Мне не обязательно сидеть.

– И однако ты сидишь. Я часто вижу, как ты сидишь на скамье под ивой.

– Это всего лишь притворство, – сказал Езекия. – Подражание тем, кто стоит выше меня, и совершенно недостойное поведение. Я этого стыжусь.

– Стыдись дальше, если хочешь, – проговорил Джейсон, – но, пожалуйста, доставь мне удовольствие. Я предпочитаю сидеть и буду чувствовать себя неудобно, если ты останешься на ногах.

– Если вы настаиваете, – сказал Езекия.

– Настаиваю, – ответил Джейсон. – И что же это за доброе дело, за которое ты хочешь меня поблагодарить?

– Это касается паломника.

– Да, я знаю. Тэтчер мне о нем говорил.

– Я совершенно уверен, – продолжал робот, – что он не паломник. Паломником его назвал Никодемус. Однако он не в меру замечтался. Так легко, сэр, замечтаться, когда чего-то очень хочешь.

– Могу понять, – сказал Джейсон.

– Было бы чудесно, если бы он оказался паломником. Это значило бы, что разнеслась молва о деле, которому мы себя посвятили. Вы понимаете, не робот-паломник, а паломник-человек.

Джейсон промолчал. Поднявшийся ветер шевелил рясу, в которую был одет робот; Езекия подобрал ее концы, плотнее в нее завернулся.

– Гордыня, – повторил он. – Вот с чем нужно бороться. С тем, что сидишь, когда нет нужды сидеть. Что носишь одежду, когда в ней не нуждаешься. А размышляя, расхаживаешь по саду, когда с тем же успехом можно думать, стоя на месте.

Джейсон плотно сжал губы, хотя с языка так и рвались вопросы: что там с этим паломником? кто он? откуда? что он делал все эти годы? Хотя еще несколько мгновений назад он и думать не думал о пришельце в монастыре, занятый тревожными мыслями о возвращении людей на Землю.

– Я вот что хочу сказать, – продолжал Езекия. – Я знаю, как долго люди, живущие в доме, пытались отыскать других людей. Доходили слухи, и, слух за слухом, вас постигало разочарование. Теперь человек в самом деле появился, и вы имеете полное право поспешить за ним. Но вы этого не сделали. Вы не пришли. Вы оставили его нам. Подарили нам наш звездный час.

– Мы посчитали, что это ваш шанс, – ответил Джейсон. – Мы все обсудили и решили пока остаться в стороне. Мы можем поговорить с этим человеком позже. Маловероятно, чтобы он убежал; он, должно быть, пришел издалека.

– Наш звездный час, и час безотрадный, ибо теперь мы знаем, что обманулись. Порой я спрашиваю себя, не является ли вся наша жизнь заблуждением.

– Я не стану вместе с тобой кататься по земле, изображая мученика, – сказал Джейсон. – Я знаю, вы тут годами терзались мыслями, не поразит ли вас гром за вашу самонадеянность. Ну, гром вас не поразил...

– Вы хотите сказать, что одобряете. Что вы, человек...

– Нет, – сказал Джейсон. – Не одобряю и не осуждаю.

– Но когда-то...

– Да, знаю. Когда-то давно человек из палок и глины делал идолов и им поклонялся.

Когда-то давно он считал Богом солнце. Сколько раз человек должен ошибиться, прежде чем познает истину?

– Я понимаю вашу мысль, – сказал Езекия. – Вы думаете, мы сможем познать истину?

– Вам неинтересно ее познать?

– Мы ищем ее из всех сил. Таково наше предназначение, не так ли?

– Не знаю, – проговорил Джейсон. – Самому хотелось бы знать.

До чего же нелепо, подумал он, сидеть здесь, на вершине утеса, на ветру, в глухую полночь, и обсуждать возможность постижения истины – любой истины – с фанатичным роботом. Он мог бы рассказать Езекии о Принципе, который обнаружил Джон. Мог бы рассказать про инопланетянина, явившегося искать душу. И что из этого?

– Я рассказываю вам о своих тревогах, – сказал Езекия. – Но у вас есть собственные. Вы гуляете ночью, размышляя о своих заботах.

Джейсон буркнул в ответ нечто неопределенное. Он мог бы заподозрить это раньше. Роботам порой становится известно о происходящем чуть ли не раньше тебя самого. Они, при желании, умеют ходить тихо-тихо и слушают, а услышанная новость передается от одного к другому со скоростью света. Тэтчер наверняка слышал разговоры за обедом и потом, когда они сидели во дворике и наслаждались концертом, а вечер был такой замечательный и чистый после прошедшего дождя (и помнится, во время концерта произошло нечто весьма странное). Но не только Тэтчер. Роботы всегда рядом. Подслушивают и подсматривают, а затем до бесконечности обсуждают это между собой. Конечно, ничего плохого в этом нет, людям нечего скрывать. Однако то, как их интересует каждая подробность человеческой жизни, порой приводит в смущение.

– Я разделяю вашу великую тревогу, – сказал Езекия.

– То есть? – удивился Джейсон.

– Я понимаю, что вы должны чувствовать, – отвечал робот. – Возможно, не все, кто находится среди звезд. Но вы и мисс Марта, вы двое, конечно...

– Не только мы, – сказал Джейсон. – А индейские племена? Уклад жизни их предков уже был однажды нарушен. Это должно повториться? Они создали себе новую жизнь. Отказаться от нее теперь? А как насчет твоего народа? Вы стали бы счастливее, будь здесь больше людей? Иногда я думаю, что да.

– Некоторые из нас, возможно, – сказал Езекия. – Наше дело – служить, а здесь мало тех, кому мы можем служить. Вот если бы племена...

– Но ты же знаешь, они не хотят иметь с вами дело.

– Я собирался сказать, – продолжал Езекия, – что среди нас есть такие, кто, может быть, неблагосклонно отнесется к возвращению людей. Мне мало о них известно, они заняты каким-то проектом...

– Ты имеешь в виду строительство вверх по течению реки?

Робот кивнул.

– Вы могли бы с ними поговорить. Может, они чем-то помогут.

– Думаешь, они станут нам помогать? Захотят?

– Ходят слухи, – сказал Езекия, – о грандиозных новых идеях, о какой-то чрезвычайно интересной работе. Я ничего в этом не понимаю.

Джейсон, сгорбившись, сидел на своем камне. Его пробрала дрожь, и он плотнее завернулся в плащ. Ночь неожиданно стала как будто темнее и показалась исполненной одиночества и даже слегка пугающей.

– Спасибо, – проговорил он. – Я об этом подумаю.

Утром он отправится на берег реки и поговорит с Горацием Красное Облако. Быть может, Гораций подскажет, что делать.

Глава 14

Из записи в журнале от 18 сентября 2185 года:

...Вскоре после того, как мы начали совершать дальние поездки, собирая библиотеку и хоть какие-то произведения искусства, ко мне явились четыре робота. Я их не узнал. Собственно говоря, роботов вообще трудно отличить друг от друга. Может, они уже несколько лет работали на ферме, а может, только что пришли. Сейчас, когда я об этом пишу, я сам удивляюсь, почему не расспросил их подробнее. Возможно, оттого, что я был так изумлен – и в некотором смысле расстроен – их просьбой.

Они сказали, что их зовут Езекия, Никодемус, Ионафан и Авен-Езер и что, если я не возражаю, они хотели бы поселиться в монастыре, который расположен от нас неподалеку, и посвятить себя изучению христианства. Похоже, они решили, что человек изучил религию совершенно недостаточно, а они, как беспристрастные ученые, могут исследовать сей предмет гораздо глубже. Я не заметил в них особого религиозного пыла, хотя опасаясь, что если они будут продолжать (а они этим занимаются уже почти тридцать лет), то в конце концов впадут в религиозный фанатизм. Даже сейчас я не уверен (пожалуй, сейчас даже менее уверен, чем тогда), что был прав, удовлетворив их просьбу. Быть может, было неправильно или неразумно допускать роботов к столь деликатному предмету. Я полагаю, фанатики занимают свою нишу в любом обществе, но мысль о фанатичных роботах (фанатичных в любой области, а религия прямо-таки плодит фанатиков) не слишком меня прельщает. Мало ли, к чему это приведет. Раз большая часть человечества исчезла, а все роботы остались, они со временем могут попытаться заполнить образовавшуюся пустоту. Они были созданы, чтобы служить нам, и по самой своей природе не могут пребывать в бездействии. Невольно задаешься вопросом: не замыслили ли они, по причине отсутствия людей, служения самим себе? Каковы их побуждения и цели? Несомненно, не человеческие, что, я бы сказал, чрезвычайно отратно. Однако лишь с простительным опасением можно рассматривать создание новой философии и новых ценностей существами, которые были созданы чуть более века назад и не прошли периода эволюции, как человек и все остальные обитатели Земли (не будем, впрочем, забывать, что человек, при всей своей длительной истории, развивался, возможно, слишком быстро). Быть может, им потребуется-таки время на некую эволюцию, чтобы создать логическую опорную базу. Но, боюсь, период этот окажется коротким, и, как следствие, велика вероятность серьезных ошибок. Эволюция предоставляет время для того, чтобы опробовать и отбросить негодное, и потому естественным образом выпрямляются неверные изгибы. У роботов же многие из этих изгибов будут перенесены в окончательно сформировавшееся мышление.

Но я отвлекся. Возвращаясь к тем четверым, что явились ко мне. Для их занятий, сказали они, им нужны религиозные сочинения, и поинтересовались, нельзя ли сопровождать нас, когда мы выезжаем собирать книги; они, дескать, готовы нам помогать, а мы будем предоставлять книги для их изысканий. В их помощи мы не нуждались, благо у нас достаточно своих роботов. До сих пор не понимаю, почему, но я согласился. Возможно, их планы показались мне в тот момент комичными. Я тогда даже посмеялся, хотя теперь мне совсем не до смеха.

Создание библиотеки оказалось гораздо более трудной задачей, чем я ожидал. Казалось бы, проще простого сесть и написать список, имея в виду, что нам нужны Шекспир, Пруст, Платон, Аристотель, Вергилий, Гиббон, Локк, Еврипид, Аристофан, Толстой, Паскаль, Чосер, Монтень, Хемингуэй, Вульф, Стейнбек, Фолкнер и прочие писатели, которые вошли бы в любой перечень; что нам требуются учебники по математике, физике, химии, астрономии, биологии, философии, психологии и по многим другим отраслям науки и искус-

ства, за исключением, может быть, медицины, которая, похоже, больше нам не нужна (хотя знать это наверняка невозможно). Но как быть уверенным, что ты не пропустил чего-то такого, о чем в будущем не то чтобы пожалеют – кто об этом будет знать? – но чего просто не окажется под рукой, когда в том возникнет нужда? И с другой стороны, не выяснится ли со временем, что отобранные нами книги не стоят даже места, которое занимают?

У нас еще есть возможность обрести то, что мы проглядели. Однако с течением лет сделать это будет все сложнее. Мы уже встретились с большими трудностями. Грузовики требовали постоянного ремонта, и большинство дорог сильно пострадали от дождей и холодов. Машины, разумеется, давно не на ходу. Дороги, я полагаю, разрушились еще больше, хотя, может быть, по ним еще можно проехать в повозке. Настанет пора, когда в поисках книг людям придется отправляться пешком или на лошадях по бездорожью.

Но к тому времени книги, вероятно, не сохранятся. Даже в самых лучших условиях покинутых городов до них доберутся сырость, грызуны и черви или само время нанесет им тяжелый удар.

В конце концов мы отыскивали и перевезли сюда все занесенные в список книги. С предметами искусства нам было гораздо сложнее, главным образом потому, что они занимают больше места, чем книги. Приходилось отбирать их мучительно и с величайшим тщанием. Сколько картин Рембрандта, к примеру, могли мы себе позволить, зная, что каждый лишний Рембрандт лишит нас картины Курбе или Ренуара? Из-за недостатка места, при перевозке и при хранении, мы были вынуждены отдавать предпочтение полотнам меньшего размера. Тот же критерий мы применяли и ко всем другим видам искусства.

Порой плакать хочется, когда думаешь о тех великих достижениях человечества, которые нам пришлось утратить навсегда...

Глава 15

Когда белые люди ушли, Гораций Красное Облако еще долго сидел у костра. Он глядел им вслед, пока они не скрылись из виду. Утро давно прошло, но лагерь еще лежал в тени: солнце не успело подняться над вздымающимися над лагерем утесами. Вокруг было тихо, тише обычного; все поняли: что-то произошло, однако не беспокоили Красное Облако. Его не станут спрашивать, подождут, пока он сам все расскажет.

Женщины, как всегда, занимались своими делами, но старались поменьше бренчать котелками и не перекликались друг с дружкой. Они собирались в кучки, перешептывались, едва сдерживая возбуждение. Остальных в лагере не было – видимо, работали на полях или охотились и ловили рыбу. Тихо... Даже собаки примолкли.

Костер прогорел, остались зола да несколько головешек по краям, и тоненькие струйки дыма поднимались от них и из середины кострища, где прятался последний остывающий жар.

Красное Облако медленно вытянул руки и держал их над костром, потирая одну о другую, словно их умывая дымом. Он даже улыбнулся, заметив, что делает. Рефлекторное движение, наследие прошлой культуры, подумал он, но рук не убрал. Так поступали его далекие предки, совершая обряд очищения, – одно из многих бессмысленных движений, предшествовавших колдовству. Что он и все остальные утратили, отказавшись от колдовства? Разумеется, веру, а вера, возможно, имеет некоторую ценность. Но рядом с ней неизменно присутствует и обман, а хочет ли человек оплачивать ценность веры монетой обмана? Мы потеряли так мало, сказал он себе, а приобрели гораздо больше: осознание самих себя как части природной среды. Мы научились жить вместе с деревьями и ручьями, землей и небом, ветром, дождем и солнцем, со зверями и птицами, словно все они наши братья. Прибегая к их помощи, когда появляется в том нужда, но не злоупотребляя ею. Обращаясь с ними иначе, чем белый человек, не властвуя над ними, не пренебрегая, не испытывая к ним презрения.

Он поднялся от костра и не спеша двинулся по тропинке к реке. Там, где у кромки воды тропинка кончалась, на покрытом галькой берегу лежали вытащенные из воды каноэ, и пожелтевшая ива, развесив никнувшие ветви, купала в струившемся потоке золото своих листьев. По воде плыли и другие листья: красно-коричневые с дуба, багряные с клена, желтые с вяза – дань деревьев, растущих выше по течению, приношения реке, которая поила их в жаркие, сухие дни лета. Река разговаривала с Красным Облаком; не только с ним одним, но и с деревьями, с холмами, с небом – приветливый невнятный говорок, бегущий куда-то меж двух берегов.

Он наклонился и зачерпнул полную пригоршню воды, она просочилась между пальцами, и осталась только крошечная лужица в ладонях. Он разжал руки, и последние капли упали обратно в реку. Так и должно быть, сказал он себе. Воду, воздух и землю нельзя поймать и удержать. Ими нельзя владеть. Когда-то давным-давно так и было, а затем появились люди, пытавшиеся всем завладеть, все изменить, заставить работать на себя. Потом вернулся естественный ход бытия, и неужели он опять прервется?

Я созову все племена, сказал Красное Облако Джейсону, когда они сидели у костра. Сейчас время запасать на зиму мясо, но эта забота важнее, чем заготовка мяса. Хотя с его стороны глупо так говорить, ибо, даже будь у него людей в тысячу раз больше, они не смогли бы противостоять бледнолицым, пожелай те вернуться. Сил недостаточно, решимость окажется бесполезной, любовь к родной земле ничего не стоит. Люди могут летать среди звезд на своих кораблях. Они с самого начала шли по одному пути, думал он, а мы – по другому, и

наш путь был верным, но мы не силах сопротивляться их ненасытности, как никто и ничто не в силах ее остановить.

После исчезновения бледнолицых настало славное время. Опять свободно дул ветер и беспрепятственно текла вода. Снова в прериях росли густые и сочные травы, лес опять стал лесом, а небо весной и осенью было черным-черно от перелетных птиц.

Ему не нравилась мысль отправиться туда, где роботы ведут свое строительство. Он испытывал омерзение при мысли, что робот Езекия поплывет с ним в каноэ, разделив хотя бы временно их древний образ жизни. Но Джейсон прав – это единственное, что они могут сделать, их единственная надежда.

Он повернул обратно к лагерю. Люди ждут, и он созовет их всех. Надо выбрать лучших гребцов, которые сядут в каноэ на весла. Надо послать молодых добыть свежего мяса и рыбы для путешествия. Женщины должны собрать еду и одежду. Дел много: они отправятся завтра утром.

Глава 16

Вечерняя Звезда сидела во внутреннем двореке, когда на дороге со стороны монастыря показался юноша с биноклем и ожерельем из медвежьих когтей на шее.

Он остановился перед ней.

– Ты пришла сюда читать книги, – сказал он. – Я правильно сказал – читать?

На щеке у него была белая повязка.

– Правильно, – ответила она. – Садись, пожалуйста. Как ты себя чувствуешь?

– Прекрасно. Роботы обо мне хорошо позаботились.

– Ну тогда садись, – сказала она. – Или ты куда-то идешь?

– Мне некуда идти. – Он сел в кресло рядом с ней и положил лук на каменные плиты, которыми был вымощен двор. – Я хотел спросить тебя о деревьях, которые создают музыку. Ты знаешь про деревья. Вчера ты говорила со старым дубом...

– Ты обещал, – ответила она с досадой, – не упоминать об этом. Ты подглядывал за мной.

– Прости, но я должен спросить. Я никогда не встречал человека, который мог бы говорить с деревьями. И я никогда не слышал дерево, которое создавало бы музыку.

– Какое отношение одно имеет к другому?

– Вчера вечером с деревьями что-то было неладно. Я думал, ты заметила. Мне кажется, я с ними что-то сделал.

– Ты шутишь. Как можно что-нибудь сделать с деревьями? С ними все в порядке. Они замечательно играли.

– В них был какой-то недуг; или не во всех, а лишь в некоторых. Они играли хуже, чем могут. Я и с медведями что-то такое сделал. Особенно с тем, последним. Может, со всеми.

– Ты рассказывал, что ты их убил. И от каждого брал в ожерелье один коготь. Чтобы вести счет им, сказал ты. И по-моему, чтобы похвастаться.

Она ожидала, что он рассердится, но на лице юноши появилась лишь легкая озадаченность.

– Я думал, – сказал он, – будто все дело в луке. Я метко стреляю, и стрелы у меня отличные. Но что, если медведей убивает не лук, не стрелы и не моя меткость, а нечто совсем другое?

– Какая разница? Ты их убил, правильно?

– Да, я их, конечно, убил, но...

– Меня зовут Вечерняя Звезда, – проговорила она, – а ты своего имени не назвал.

– Я Дэвид Хант.

– Ну так, Дэвид Хант, расскажи о себе.

– Рассказывать особенно не о чем.

– Но у тебя есть свой народ и свой дом. Откуда ты?

– Дом. Да, пожалуй. Хотя мы кочевали с места на место. Мы все время убегали, и многие покидали нас.

– Убегали? От кого?

– От Темного Ходуна. Я вижу, ты о нем не знаешь? Не слыхала про него?

Она покачала головой.

– Это призрак, – сказал он. – Вроде человека, но не очень похож. С двумя ногами – вот и все сходство. Его не видно днем, только ночью. Всегда появляется на вершине холма, черный такой на фоне неба. Впервые его заметили в ту ночь, когда все исчезли... все, кроме нас, точнее, кроме нас и людей здесь и в прериях. Я первым из наших узнал, что есть и другие люди.

– Ты уверен, что Темный Ходун существует? Может, вы его просто вообразили? Мой народ в свое время напридумывал множество вещей, которых и в помине не было. Он кому-нибудь из ваших причинял вред?

Дэвид сдвинул брови, пытаясь припомнить.

– Нет, по крайней мере, я об этом не слышал. Вреда он никому не причиняет. Но видеть его страшно. Мы все время настороже и, увидев его, переселяемся в другие места.

– Ты не пытался его выследить?

– Нет, – сказал он.

– А я подумала, может, именно это ты и затеял. Пытаешься его выследить и убить. Такой великий стрелок из лука, убиваешь медведей...

– Ты смеешься надо мной, – сказал он, впрочем, без тени гнева.

– Но ты так гордишься тем, что убил их, – ответила она. – Никто из наших не убивал столько.

– Вряд ли Ходуна можно убить стрелой. Может, его вообще нельзя убить.

– Может, вообще нет никакого Ходуна, – добавила девушка. – Тебе не приходило это в голову? Мы бы тоже его видели; или слышали бы о нем. Наши бывают далеко на западе, у самых гор, дошли бы слухи. А кстати, почему все эти годы ничего не было известно о твоём народе? Те, кто живет в этом доме, веками разыскивали других людей.

– Поначалу, как мне говорили, наши тоже искали. Я только слышал об этом, в разговорах. Мне всего двадцать лет.

– Мы с тобой одного возраста, – сказала Вечерняя Звезда. – Мне девятнадцать.

– Среди нас мало молодых, – сказал Дэвид Хант. – Нас вообще немного, и мы так часто снимаемся с места...

– Странно, что вас мало. Если вы такие же, как мы, вы живете очень-очень долго и совсем не болеете. Мой народ вырос из маленького племени, нас теперь много тысяч. И тысячи потомков тех немногих людей, которые обитают в этом доме, живут среди звезд. И вас тоже должны быть тысячи, вы должны быть сильны и многочисленны...

– Нас могло быть много, – сказал он, – но мы уходим...

– Ты, по-моему, говорил...

– Не к звездам, а по воде. Какое-то безумие заставляет нас уплывать по воде, строить плоты и отправляться вслед заходящему солнцу. Так было много лет. Я не знаю, отчего это, мне никто не рассказывал.

– Может быть, они убегают от Ходуна.

– Не думаю, – сказал он. – Вряд ли те, кто уплывает, знают, почему они это делают.

– Лемминги, – проговорила Вечерняя Звезда.

– Что такое лемминги?

– Маленькие животные. Грызуны. Я про них однажды читала.

– Какое отношение имеют к нам лемминги?

– Я не уверена, что имеют, – сказала она.

– Я убежал, – продолжал он. – Я и старый Джоуз. Мы оба боялись огромного пространства воды. Мы не хотели плыть. Если мы убежим, сказал Джоуз, безумие может нас не затронуть. Джоуз видел Ходуна дважды после того, как мы убежали, и мы опять ударились в бег.

– Джоуз видел Ходуна, а ты...

– Я никогда не видел.

– Как ты думаешь, после того как вы с Джоузом ушли, остальные люди уплыли?

– Не знаю, – сказал он. – Джоуз умер. Он был очень-очень стар. Он помнил, как исчезли люди. Он уже тогда был стариком. Однажды пришел день, когда его жизнь иссякла. Думаю, он был доволен; не всегда хорошо слишком долго жить.

– Но ведь с ним был ты.

– Да, но нас разделяло слишком много лет. Мы хорошо ладили и много разговаривали, но ему не хватало людей, таких, как он. Он играл на скрипке, я слушал, а койоты сидели на холмах и пели вместе со скрипкой. Ты когда-нибудь слышала, как поет койот?

– Я слышала, как они лают и воют, – ответила она. – Но не слышала, чтобы они пели.

– Когда старый Джоуз играл, они пели каждый вечер. Он играл только по вечерам. Множество койотов со всей округи собирались слушать и петь вместе с ним. Иногда приходила целая дюжина, они рассаживались на вершинах холмов и пели. Джоуз говорил, что пальцы его уже не такие ловкие и рука, водившая смычок, отяжелела. Я чувствовал, что к нему подбирается смерть, что вместе с койотами она стоит на вершине холма и слушает его скрипку. Когда Джоуз умер, я выкопал глубокую яму и похоронил его, а скрипку положил рядом. Мне она была не нужна, а ему бы это понравилось. Потом несколько дней я таскал камни и заваливал могилу, чтобы звери не смогли до него добраться. И все это время я не чувствовал себя одиноким – мне казалось, Джоуз все еще рядом. Но я закончил и остался один.

– Ты мог бы отыскать свой народ.

– Я думал об этом, – сказал он. – Но я понятия не имел, где они, и по-прежнему боялся безумия, которое гонит их по океану. У меня было чувство, что, пока я один, безумие меня не настигнет. Это... как оно называется?... массовое безумие. И что-то мне говорило: иди туда, где восходит солнце. Я много раз думал, что же заставляет меня идти. Казалось, нет никакой причины. Но я словно бы что-то искал, хотя и не знал, что именно. Я встретил в прериях твой народ и хотел остаться с ним. Мне бы позволили остаться. Но я не смог. Во мне по-прежнему звучал зов восходящего солнца, и пришлось уйти. Когда мне рассказали про этот огромный каменный дом, я подумал: может, я как раз его и ищу? Я видел много домов из камня, но боялся их. Мой народ никогда не жил в домах. По ночам из них доносились всякие звуки, хотя они были пусты, и мы думали: может, в них водятся привидения или призраки исчезнувших людей.

– Теперь ты здесь, – проговорила девушка, – и надеюсь, пока останешься. На востоке ты ничего не найдешь, один лес. Там живут наши, но в основном там только лес. А этот дом не похож на дома, которые ты видел. Он не пустой, в нем живут. В нем есть ощущение людей.

– Роботы позволят мне жить у них, – сказал он. – Это добрый народ.

– Но они не люди, – возразила она. – Ты захочешь быть вместе с людьми. Дядя Джейсон и тетя Марта, конечно, будут тебе рады. Или, если захочешь, для тебя всегда найдется место в нашем лагере.

– Дядя Джейсон и тетя Марта живут в этом доме?

– Да, но по-настоящему они мне не дядя и не тетя. Я их так называю про себя. Они этого не знают. Дядя Джейсон и мой далекий прапрадед дружат всю жизнь. Они были молодыми, когда все исчезли.

– Может быть, зов восходящего солнца меня не оставил, – сказал он. – Но я был бы рад немного отдохнуть. Я пришел спросить: как ты говоришь с деревьями? Ты говоришь со всеми деревьями или только с каким-то одним?

– Ты не поймешь, – сказала она. – Мы живем рядом с деревьями, ручьями, цветами, животными и птицами. Мы с ними одно целое. И любой из нас может с ними разговаривать.

– Но у тебя получается лучше всех.

– Не знаю. Между собой мы это не обсуждаем. Я могу говорить только за себя. Я иду лесом или вдоль ручья и никогда не чувствую себя одинокой. Я встречаю так много друзей и всегда с ними разговариваю.

– И они тебе отвечают?

– Иногда, – сказала она.

– Ты говоришь с деревьями, а кто-то отправляется к звездам.

– Ты еще не веришь в это.

– Начинаю верить, – сказал он. – Хотя поверить трудно. Я расспрашивал роботов, но, по-моему, не все понял. Они сказали, что из всех людей, когда-то живших в этом доме, остались только двое. Остальные среди звезд. Роботы сказали, что порой они возвращаются ненадолго. Это так?

– Да. Как раз сейчас один вернулся, брат дяди Джейсона. Он принес тревожные известия. Он с дядей Джейсоном сегодня утром отправился в лагерь поговорить с моим прапрадедом.

Я слишком много болтаю, подумала она. Дяде Джейсону вряд ли понравится, что я все рассказываю совершенно незнакомому человеку, который неизвестно откуда взялся. Просто говорила как с другом. А ведь она толком его не знает. Она видела его вчера, когда он за ней подглядывал, и вот сегодня, когда он пришел из монастыря. И все же она словно бы знает его уже много лет. Молодой парень. Может быть, все дело в этом. Они оба молоды.

– Как по-твоему, – сказал он, – твои тетя и дядя позволят мне пожить здесь? Ты спросишь тетю?

– Не сейчас, – сказала Вечерняя Звезда. – Она разговаривает со звездами, все утро. Но мы спросим попозже. Ее или дядю, когда он вернется из лагеря.

Глава 17

Он чувствовал себя старым и одиноким. Одиночество он ощутил впервые за много лет, а старым до сей поры не чувствовал себя никогда.

– Даже не знаю, как и сказать, – сообщила огорченная Марта. – Но ты, Джейсон, должен знать. Они все отнеслись вежливо и с пониманием...

– И немного позабавились, – добавил он.

– Вряд ли, – сказала она. – Они были слегка озадачены тем, что ты так расстроился. Конечно, Земля для них не то же самое, что для нас с тобой. Некоторые на ней никогда не бывали. Для них Земля просто старая красивая сказка. Они сказали, что те люди, возможно, вовсе не собираются возвращаться и снова поселяться здесь; просто исследовательская экспедиция, призванная удовлетворить их любопытство.

– Дело в том, – сказал Джейсон, – что у них есть звезды. Земля им не нужна. Говоришь, для них это всего лишь сказка? Я подумал было созвать совещание: пригласить старых, проверенных друзей, кое-кого из молодых, самых близких.

– Это хорошая мысль, – ответила Марта. – Они бы отозвались, я уверена. Они так много всего знают, о чем мы даже и не слыхали.

– Я не слишком рассчитываю на то, что им известно, – проговорил Джон. – С тех пор как они отправились к звездам, сумма их знаний сравнялась со знаниями людей на Земле до Исчезновения или даже превысила их. Но такие знания поверхностны, это лежащие на поверхности факты. Люди знают, что такая-то вещь возможна или что такое-то действие имеет определенный результат, однако они не достигли истинного понимания, не стремились понять, отчего и почему. Поэтому, хотя они и имеют представление о многих странных и неразгаданных вещах, толку от этого мало. Они не могут воспользоваться своим знанием. И к тому же многое вообще выше всякого человеческого понимания. Есть вещи, настолько чуждые человеческому представлению о Вселенной, что их невозможно понять, пока человек не проникнется самим духом инопланетных цивилизаций, не постигнет их способ мышления и...

– Можешь не продолжать, – с горечью прервал Джейсон. – Я и сам это знаю.

– Вам это не нравится, – сказал Джон. – Но если станет совсем плохо, вы с Мартой сможете отправиться к звездам.

– Джон, ты знаешь, что я не смогу, – возразил Джейсон. – И Марта, наверное, тоже. Земля у нас в крови. Мы прожили на ней слишком долго, она часть нашего существа, слишком большая часть.

– Я часто думала о звездах, – сказала Марта. – Я со многими разговаривала. Но не думаю, что смогла бы туда отправиться.

– Ты же видишь, – сказал Джейсон, – мы просто эгоистичные старики.

И это правда, сказал он себе. Эгоизм – держаться за Землю, заявлять на нее, на всю целиком, свои права. Люди имеют полное право вернуться сюда, если хотят. Они покинули Землю не по своей воле. Раз они сумели найти дорогу обратно, никто не имеет права им препятствовать. Хуже всего то, что они непременно захотят разделить с оставшимися на Земле все, что узнали и чего достигли, все свои технические успехи, все новые блестящие концепции, все знания. Они будут исполнены решимости одарить отсталых землян всеми преимуществами своего развития. А что будет с племенами, которым ничего этого не нужно? А с роботами? Хотя как раз роботы, возможно, их возвращению будут только рады. Джейсон мало знал роботов: как они встретят новость?

Через день-два он это узнает. Завтра утром он, Джон и Езекия тронутся вверх по реке. Вместе с Красным Облаком и его людьми.

Глава 18

Из записи в журнале от 9 октября 3935 года:

...Я колебался, не в силах определиться в своем отношении ко всем этим путешествиям к звездам. Я знал, что другие это делают; знал, что это возможно; я видел, как люди исчезают, а через некоторое время возвращаются. И я с ними это обсуждал; мы все подолгу об этом говорили и пытались установить, каким образом это возможно. Порой, хотя теперь уже нечасто, мы даже сомневались в желательности открытого нами свойства. Даже употребление этого слова – «свойство» – чрезвычайно показательно, ибо подчеркивает тот факт, что мы не имеем ни малейшего представления о том, как это делается или как эта способность у нас появилась.

Я сказал, что с моей стороны были некоторые колебания относительно того, принять ли путешествия к звездам, и, я понимаю, это несколько странное утверждение. Но я не уверен, что смогу толком объяснить, как и почему. Я принял их разумом и даже сердцем, будучи чрезвычайно взволнован тем, что осуществилось, казалось бы, невозможное. Но принял я эти путешествия не полностью. Если бы мне показали какое-нибудь невозможное животное или растение (невозможное в силу каких угодно веских и основательных причин), я был бы вынужден признать, что оно в самом деле существует. Но, пойдя прочь, я бы усомнился в свидетельстве собственных глаз. Я сказал бы себе, что в действительности его не видел, и мне пришлось бы вернуться, чтобы опять на него посмотреть. И во второй раз, и в третий, и в четвертый, и в пятый я бы по-прежнему сомневался и был бы вынужден возвращаться опять и опять. Сколько ни тщусь, я не могу решить, полезная ли это вещь для человека и даже приличествует ли она ему. Врожденная осторожность или, быть может, неприятие всего слишком уж непривычного (что нередко встречается у людей одного со мной биологического возраста) преследует меня постоянно, нашептывая, что из-за появившейся у нас способности путешествовать к звездам может грянуть какая-нибудь беда. Присущий мне консерватизм не допускает мысли, что столь великая вещь может быть предоставлена человечеству даром, без взыскания некой огромной платы. И потому, полагаю, я подсознательно пришел к убеждению: пока я открыто не признаю, что это так, платеж может быть отсрочен.

Все это, разумеется, эгоцентризм чистейшей воды и, более того, явная глупость. Иногда я чувствовал, хотя все вокруг старались не подавать виду, что свалил дурака. Ибо путешествия к звездам насчитывают уже несколько лет, и почти все хоть раз, да попробовали, каково это. А я – нет; мои сомнения и оговорки, безусловно, являются психологической защитой, но об этом вообще бессмысленно рассуждать. Мой внук Джейсон и его замечательная Марта – одни из немногих, кто тоже не покидал Землю. И из-за своих предубеждений я очень этому рад. Мне кажется, Джейсон любит землю своих предков так же сильно, как я, и мне думается, что эта любовь вообще не позволит ему когда-либо отправиться к звездам; правда, лично я не вижу в том никакой трагедии. А его брат Джон покинул нас одним из первых и до сих пор не вернулся. Я очень за него беспокоюсь.

Нелепо, конечно, что я упорствую в своем столь нелогичном отношении к путешествиям. Что бы я ни говорил и ни думал. Человек в конце концов совершенно естественным образом порвал свою зависимость от Земли. В этом-то, возможно, и коренится суть всего: я ощущаю неловкость при мысли, что спустя долгие тысячелетия Человек наконец перестал зависеть от своей родной планеты.

Дом полон принесенных со звезд сувениров. Как раз сегодня утром Аманда принесла красивый букет престраннейших цветов – он сейчас у меня на столе, – собранных на планете, название которой вылетело у меня из головы. Хотя оно не имеет значения, поскольку это не настоящее ее название, а имя, которое дали ей двое людей, Аманда и ее приятель Джордж.

Планета находится в направлении яркой звезды, название которой я тоже не могу припомнить; планета не собственно этой звезды, а ее меньшего соседа, свет которого настолько слаб, что мы не увидели бы его даже в большой телескоп. В доме полно всяких нездешних предметов – ветки с сушеными ягодами, разноцветные камешки, куски экзотического дерева, причудливые остатки материальной культуры, подобранные в местах, где когда-то обитали разумные существа. К сожалению, у нас нет фотографий; наши фотоаппараты все еще в рабочем состоянии, но у нас нет пленки, чтобы их зарядить. Может быть, однажды снова найдут способ ее производства. Странно, что это заботит меня одного; все прочие снимками не интересуются.

Поначалу мы опасались, что, возвращаясь со звезд, можно угодить в место, где находится какой-нибудь большой твердый предмет или другой человек: это было бы чрезвычайно неприятно. Но думаю, что путешественник, перед тем как нацелиться на следующую точку материализации, заглядывает туда или как-то иначе оценивает ситуацию и условия. Должен признать, что мои описания весьма невнятные; я до сих пор не понимаю, что же, собственно, происходит, – возможно, оттого, что развившаяся у остальных способность к перемещениям у меня самого отсутствует начисто.

Во всяком случае – к этому-то я и вел, – на четвертом этаже мы отвели большой танцевальный зал под место, где материализуются возвращающиеся путешественники и куда всем прочим запрещено входить; зал этот совершенно пуст. Кто-то из молодых назвал помещение Вокзалом, вспомнив о тех поистине доисторических временах, когда автобусы и поезда отходили с вокзалов, и название закрепилось. Поначалу оно вызывало бурное веселье, особенно у молодежи. Должен признаться, мне оно забавным не кажется, хотя я не вижу вреда в том, что наш зал для прибытия странников так называют.

Я серьезно обдумывал причины развития этой способности, и – вопреки некоторым теориям, которые были выдвинуты теми, кто путешествовал и в силу этого полагают, что знают больше моего, – я считаю, что мы имеем дело с нормальным процессом эволюции; по крайней мере, так мне бы хотелось думать. Человек поднялся от скромного примата до разумного существа, стал изготавливать орудия, охотиться, заниматься сельским хозяйством, начал управлять окружающим его миром – словом, многие столетия уверенно двигался вперед, и продвижение это, надо признаться, не всегда шло на пользу ему самому и окружающим. Но главное, он развивался, и эти путешествия к звездам, возможно, – всего лишь очередная веха на пути его дальнейшего развития...

Глава 19

Джейсону никак не удавалось уснуть; он все не мог отделаться от мыслей о Принципе. Почему он стал думать о нем, Джейсон не знал и, чтобы избавиться от навязчивых размышлений, попытался вернуться к начальной их точке, однако не сумел ее вспомнить, и мысли одолевали по-прежнему.

Надо заснуть, твердил он себе. Тэтчер разбудит его рано утром, и вместе с Джоном он отправится в лагерь Горация Красное Облако. Путешествие вверх по реке его весьма прельщало, обещая быть интересным, – он уже давно не бывал далеко от дома; но каким бы захватывающим оно ни оказалось, завтра у него трудный день, и нужно выспаться.

Он пытался считать овец, складывать в уме числа, но овцы не желали прыгать через изгородь, а числа таяли в небытии, откуда он их вызывал, и Джейсон оставался со своими тревожными думами о Принципе.

Если Вселенная находится в стационарном состоянии, если у нее не было начала и не будет конца, если она всегда существовала и никогда не исчезнет, то в какой момент этой вечности появился Принцип? Или он, как и Вселенная, вечен? А если Вселенная находится в процессе эволюции, появившись в определенной точке пространства и времени, то существовал ли Принцип уже тогда или он зародился позднее – и из чего он зародился? И почему выбрана наша Галактика, думал Джейсон, почему Принцип решил поселиться именно в ней, когда существуют миллиарды других, которые могли бы стать его домом? Может, он появился в нашей Галактике и здесь остался, но если так, то какими уникальными особенностями, которые объяснили бы его появление, она обладает? Или же это нечто гораздо большее, чем можно себе представить, и то, что мы наблюдаем в нашей Галактике, – всего лишь скромный аванпост?

Все это бессмысленно. Ответа ему не найти; он не может предложить ни единой мало-мальски обоснованной разгадки того, что же в действительности произошло. У него нет данных; ни у кого нет данных. Единственный, кто может знать, – сам Принцип. Все его размышления, понимал Джейсон, – глупейшее занятие, ему вообще незачем искать ответы. Однако разум его все мучился и мучился вопросами, отчаянно борясь с неразрешимой проблемой.

Он беспокойно ворочался на постели, зарывался головой в подушку.

– Джейсон, – из темноты спросила Марта, – ты спишь?

– Почти, – пробормотал он. – Почти.

Глава 20

Он был гладко отполирован и блестел на утреннем солнце; он сказал, что его зовут Стэнли и что он очень рад их приходу. Из пришедших он узнал троих – Езекию, Джейсона и Красное Облако – и сказал, что молва о них дошла до Проекта. Познакомившись с Джоном, он выразил удовольствие от того, что встретил человека, путешествующего среди звезд. Он был учтив и обходителен, и при каждом движении на нем вспыхивали яркие блики. И еще он сказал, что они поступили по-соседски, нанеся визит, пусть даже по прошествии многих лет, и что он в отчаянии, поскольку не может предложить им угощения, ведь роботы не нуждаются ни в пище, ни в питье.

По всей видимости, за ними наблюдали с той самой минуты, когда цепочка каноэ впервые показалась на реке: когда они, вытащив лодки на берег и оставив при них гребцов, поднялись на вершину утеса, Стэнли их уже ждал.

Над утесом вздымалось само сооружение – громадное, с плавными изгибами, тонкое внизу и расширяющееся кверху, черное, но сияющее на солнце множеством металлических бликов; огромное, цветом поднимающееся к небу здание, больше похожее на фантастический монумент или дремлющую скульптуру. Оно было круглым, но окружность не замыкалась, и с одной стороны зиял пустотой вырезанный во всю высоту сооружения сектор. Понять его назначение казалось невыполнимым.

Дальше лежали развалины древнего города, тут и там виднелись остатки разрушенных стен и покосившиеся металлические скелеты зданий, похожие то ли на поднятые стволы каких-то орудий, то ли на застывшие руки мертвецов, зарытых в землю поспешно и неглубоко.

На другом берегу реки тоже виднелись руины, но эта часть города казалась сохранившейся лучше, поскольку кое-где все еще высились огромные строения.

Стэнли перехватил взгляд Джейсона.

– Старый университет, – пояснил он. – Мы приложили немало усилий, чтобы сохранить отдельные здания.

– Вы их используете?

– То, что в них сохранилось. Приборы и библиотеки. Старые мастерские и лаборатории. А чего недоставало, мы со временем перевезли из других учебных центров. Хотя, – добавил он с оттенком печали в голосе, – уже почти нигде ничего не осталось.

– Вы использовали свои знания, чтобы построить это? – спросил Джон, кивнув в сторону сооружения.

– Да, – ответил робот Стэнли. – Вы прибыли, чтобы спросить о нем?

– Отчасти, – сказал Джейсон. – И кое о чем еще.

– У нас есть место, – сказал Стэнли, – где вы будете чувствовать себя гораздо удобнее, чем здесь, среди продуваемой всеми ветрами прерии. Пожалуйста, следуйте за мной.

По утоптанной тропинке они дошли до сооружения; отсюда вниз вел пандус. Оказалось, что над землей видна только часть здания, а нижняя его часть уходит в глубокую шахту. Пандус изгибался огромной спиралью вокруг гладкой черной стены.

– Нам пришлось копать глубоко вниз, чтобы поставить его на скальное основание, – пояснил Стэнли.

– Вы называете это Проектом? – спросил Красное Облако.

Он заговорил впервые. Джейсон видел, как индейский вождь оскорбленно выпрямился при виде сияющего робота, и на мгновение затаил дыхание, опасаясь слов, готовых вырваться у его старого друга. Однако тот промолчал, и Джейсон ощутил прилив нежности и восхищения. Красное Облако бывал в их доме, между ним и Тэтчером установились

приятельские и одновременно уважительные отношения, однако Тэтчер был единственным роботом, которого старый вождь во что-то ставил. А вот этот широко шагающий, знающий себе цену, самоуверенный щеголь... При виде его у старика, должно быть, тошнота подступила к горлу.

– Да, сэр, мы его называем Проектом, – отвечал Стэнли. – Это было предварительное название, но оно закрепилось. И оно вполне годится. Других проектов у нас нет.

– А его назначение? Должен же он иметь назначение? – Было очевидно, что Красное Облако в этом сильно сомневается.

– Когда мы дойдем до удобного места, – сказал робот, – я расскажу вам все, что вы пожелаете услышать. У нас здесь нет секретов.

Навстречу им по пандусу поднимались другие роботы, но они не произносили слов приветствия и не останавливались. Вот почему, подумал Джейсон, мы в течение всех прошедших столетий встречали столько спешащих неведомо куда роботов – целеустремленные, поглощенные своей задачей, они расходились по свету в поисках необходимых для строительства материалов.

Наконец они дошли до конца пандуса; здесь окружность сооружения была значительно меньше, чем наверху, и на дне шахты расположилось нечто вроде дома без стен – крыша на толстых колоннах, а под ней столы с креслами, шкафы для хранения документов и какие-то весьма странные механизмы. Вероятно, решил Джейсон, это командный пункт и конструкторский отдел одновременно.

– Джентльмены, – сказал Стэнли, – прошу садиться. Я готов выслушать ваши вопросы и постараюсь ответить на любой из них. Могу пригласить своих помощников...

– Хватит и вас, – резко оборвал Красное Облако.

– Я полагаю, – произнес Джейсон, торопясь загладить неловкость, – нет нужды затруднять кого-либо еще. Насколько я понимаю, ты можешь говорить от имени всех.

– Я уже сказал вам, – напомнил робот, – что у нас нет секретов. И мы все придерживаемся единого мнения, или почти единого. Если понадобится, я смогу позвать других. Я узнал вас всех, за исключением джентльмена, который прибыл со звезд. Ваша слава вас опережает. Вождя мы знаем и восхищаемся им, хотя нам известно о враждебности, которую он и его народ питают к нам. Мы понимаем истоки этого отношения и искренне о нем сожалеем. И делали все возможное, сэр, – обратился он к Красному Облаку, – чтобы никоим образом вам себя не навязывать.

– Говоришь ты уж больно красно, – ответил старый вождь, – но я признаю: вы не стояли у нас на дороге.

– Мистера Джейсона, – продолжал робот, – мы считали большим добрым другом, и мы чрезвычайно гордились Езекией и той работой, которую он проделал.

– Если так, почему же вы ни разу нас не навестили? – спросил Джейсон.

– Мы полагали, что это не вполне прилично. Возможно, вы понимаете, что мы пережили, когда вдруг не стало людей, которым мы служили, когда в мгновение ока мы лишились самой цели нашего существования.

– Но у нас целое море роботов, и мы им весьма благодарны, – сказал Джейсон. – Они очень заботливы.

– Это верно, – ответил Стэнли, – но ведь вам больше не нужно. Мы не хотели вас беспокоить.

– Тогда, – проговорил Джон, – вы, наверное, были бы рады узнать, что люди могут вернуться.

– Люди! – хрипло воскликнул робот, с которого разом слетела его спокойная самоуверенность. – Люди могут вернуться?

– Они жили на других планетах, – ответил Джон. – Теперь они установили местонахождение Земли и послали сюда разведывательный корабль. Не сегодня завтра он может здесь появиться.

Стэнли пытался взять себя в руки, что явно давалось ему с трудом. Но когда он наконец заговорил, он снова стал самим собой.

– Вы в этом уверены? – спросил он.

– Совершенно уверен, – сказал Джон.

– Вы спрашиваете, будем ли мы рады? Едва ли.

– Но ты говорил...

– Это было давно. Пять тысяч лет назад. За это время многое изменилось. Вы называете нас машинами, и, полагаю, это верно. Но за пять веков даже машина может измениться. Не структурно, конечно. Однако вы дали нам разум, а он может претерпевать изменения. Могут меняться точки зрения, появляться новые ценности. Когда-то мы работали для людей; в этом было наше предназначение и наша жизнь. Имея возможность выбирать, мы не стали менять этого положения. Мы получали удовлетворение от рабства; мы были созданы, чтобы получать удовлетворение, живя в рабстве. Верность была той любовью, которую мы дарили человечеству, и мы не ставим этого себе в заслугу, ибо верность была заложена в нас изначально.

– Однако теперь, – сказал Езекия, – вы работаете для себя.

– Ты, Езекия, можешь это понять. Ты со своими товарищами работаешь для себя.

– Нет, – возразил Езекия. – Мы по-прежнему трудимся для Человека.

Робот Стэнли не обратил внимания на его слова.

– Поначалу мы были сбиты с толку и растерянны, – продолжал он. – Каждый из нас, каждый в отдельности. Мы никогда не были единым народом, у нас не существовало понятия «мы»; каждый из нас был сам по себе, каждый выполнял то, для чего был предназначен, и находил в этом счастье. У нас не было своей собственной жизни, и, думаю, именно это нас смутило, когда люди исчезли. Ибо неожиданно не мы, а каждый из нас в отдельности обнаружил, что у него есть-таки собственная жизнь, что он может жить без своего хозяина-человека, по-прежнему может функционировать, если у него есть дело. Многие из нас долго оставались в своих старых домах, занимаясь прежними делами, как если бы наши хозяева просто отправились в путешествие и должны были скоро вернуться. Хотя, полагаю, даже самые глупые понимали, что не только наши хозяева, но все, абсолютно все куда-то делись, и это было в высшей степени странно, ибо не бывало, чтобы люди куда-то уезжали все разом. Я думаю, большинство сразу поняли, что случилось, но продолжали делать вид, что со временем люди вернутся домой, и в соответствии со своим назначением мы продолжали выполнять задачи, которые превратились в бессмысленное движение. Со временем мы оставили притворство; сначала немногие, потом еще и еще и, наконец, все остальные. Мы скитались в поисках новых хозяев, в поисках задач, которые бы имели смысл. Мы не нашли людей, но зато мы нашли самих себя, нашли друг друга. Мы разговаривали между собой; строили свои мелкие, бессмысленные планы, советуясь с другими. Мы искали людей, пока наконец не поняли, что никому не нужны, – ибо у вас, мистер Джейсон, было столько роботов, сколько вам требовалось, а ваш народ, вождь Красное Облако, не желал нас принимать. И еще были люди на Западе, на побережье, которые боялись всего на свете, даже нас, когда мы пытались им помочь...

Красное Облако обратился к Джейсону:

– Это, видимо, племя, из которого пришел твой странник. Чего, по его словам, они боялись? Темного Ходуна, так?

– Они работали на земле, – сказал Джейсон. – Земледельцы, все время работавшие на полях, сея, выращивая, собирая урожай, погрязшие в нищете, кое-как сводившие концы с

концами, они были так зависимы от земли, что сами по сути своей стали ею. Роботов, у них, конечно, не было. Если они и видели роботов, то мельком и вдалеке, и толком не понимали, что это такое.

– Они убегали от нас, – сказал Стэнли. – Мы пытались им объяснить, втолковать. Но они убегали. В конце концов мы отстали от них, не желая больше пугать.

– Как ты думаешь, что эти люди видели? – спросил Красное Облако. – Этот их Темный Ходун...

– Скорей всего, ничего они такого не видели, – ответил Джейсон. – У них наверняка древний и богатый фольклор. Множество суеверий и сказок. Для подобных людей сказки были развлечением и, возможно, надеждой...

– Но они могли на самом деле что-то видеть, – настаивал Красное Облако. – Тех, кто забрал людей, – в ночь, когда это случилось. У моего народа в прошлом тоже было много преданий о том, что творилось на Земле, но мы, со своей нынешней умудренностью, слишком охотно сбрасываем древние поверья со счетов. Если жить так близко к сердцу Земли, как живем мы, начинаешь понимать, что в старых сказках могут быть зерна истины. Мы, например, знаем, что инопланетяне теперь посещают Землю, а кто возьмется утверждать, что раньше, до белого человека, их здесь не было?

Джейсон кивнул.

– Может быть, дружище, ты совершенно прав, – сказал он.

– Наконец настало время, – продолжал робот Стэнли, – когда мы окончательно уяснили, что нет людей, которым мы могли бы служить, и мы остались не у дел. Но с течением веков нами овладевала мысль, что если мы не можем работать на человека, то можно работать на себя. Но что в силах робот сделать для себя или для других роботов? Построить цивилизацию? Она для нас не имела бы смысла. Скопить богатство? Но откуда его взять и зачем оно нам? Мы не стремимся к выгоде, не ценим общественное положение. Мы могли бы заняться образованием и получить от этого известное удовольствие, но это был тупик. Помимо сомнительного удовольствия, которое могло бы дать образование, оно нам было ни к чему. Для людей это способ самосовершенствования, способ заработать себе на жизнь, внести вклад в развитие общества, возможность понимать и наслаждаться искусством. Это достойная цель для человека, но как усовершенствоваться роботу? С какой целью и с каким результатом? Ни один робот не в силах сделать себя лучше, чем он есть. Эти ограничения заложены в нем создателями. Его возможности предопределены материалами, из которых он изготовлен, и программой. С точки зрения выполнения тех задач, ради которых он был создан, он служит хорошо. Лучшего не требуется. Однако нам казалось, что можно построить более совершенного робота. Ведь предела роботу нет: всегда можно создать такого, который окажется лучше предыдущего. А что будет, спросили мы себя, если построить бесконечного робота – которого никогда нельзя завершить?

– Ты хочешь сказать, что вы его создали? – спросил Джейсон.

– Именно это я и хотел сказать, – отвечал Стэнли.

– И какова же ваша конечная цель?

– Мы не знаем, – сказал Стэнли.

– Не знаете? Вы его строите...

– Уже нет. Теперь он взял управление на себя. Он сам говорит нам, что делать.

– Какой в нем прок? – спросил Красное Облако. – Он не может двигаться. Он ничего не может делать.

– У него есть цель, – упрямо возразил робот. – Конечно же, у него своя цель...

– Погоди-ка, – прервал Джейсон. – Ты хочешь сказать, что он управляет своим собственным строительством? Что он диктует вам, как его строить?

Стэнли кивнул:

– Это началось лет двадцать или больше назад. Мы с ним говорили.

– Говорили с ним? Как?

– С помощью распечатки. Как с древним компьютером.

– Значит, в сущности, вы построили огромный компьютер.

– Нет, не компьютер. Это робот. Такой же, как мы, с той лишь разницей, что из-за своих размеров он не может двигаться.

– Бессмысленный разговор, – произнес Красное Облако. – Робот – это всего-навсего ходячий компьютер.

– Между ними существует различие, – мягко сказал Джейсон. – Именно это, Гораций, ты всегда отказывался понимать. Ты считал робота машиной, но это биологическое понятие, выраженное механическими средствами...

– Ты играешь словами, – отмахнулся Красное Облако.

– Вряд ли мы к чему-нибудь придем даже в самом добродушном споре, – вмешался Джон. – Мы вообще прибыли сюда не выяснять, что тут строится. Мы хотели услышать, как роботы отнесутся к возможному возвращению миллионов людей на Землю.

– Я могу вам сказать, как мы это воспримем, – ответил Стэнли. – С опаской. Люди заставят нас опять служить себе, или, что еще хуже, мы им вовсе не понадобится. Некоторые из нас, возможно, были бы рады снова оказаться в услужении, ибо все эти годы мы жили с ощущением, что никому не нужны. Кое-кто приветствовал бы старое рабство, ибо оно никогда не было настоящим рабством. Но с моей точки зрения, большинство все же чувствует, что мы вступили на путь, приближенный к судьбе человечества. По этой причине мы бы не хотели, чтобы люди вернулись. Они стали бы вмешиваться, они просто не могут иначе; разум людей так устроен, что они не могут не вмешаться, даже если дело касается их весьма отдаленно. Но мы не можем принять решение самостоятельно. Решение входит в компетенцию Проекта...

– Ты имеешь в виду монстра, которого вы построили, – проговорил Езекия.

Стэнли, который все это время стоял, медленно опустился в кресло, повернул голову и в упор посмотрел на Езекию.

– Ты не одобряешь? – спросил он. – Ты не понимаешь этого? Я-то думал, что ты поймешь скорее всех.

– Вы совершили святотатство, – сурово ответил Езекия. – Возвели нечто отвратительное. Вы задумали возвыситься над своими создателями. Я провел много страшных часов, в одиночестве размышляя, не совершаем ли мы, я и мои помощники, святотатство, посвящая свое время и все усилия задаче, которой должны были бы посвящать себя люди, но мы, по крайней мере, трудимся на благо человечества...

– Прошу вас, – вмешался Джейсон, – давайте не будем сейчас это обсуждать. Кто вправе судить чьи-либо действия? Стэнли говорит, что решать будет Проект...

– Да, Проект, – подтвердил робот. – Он обладает большим объемом знаний, чем любой из нас. Долгие годы мы собирали данные и вводили их в его память. Мы отдали ему всю информацию, которую нам посчастливилось добыть. Он знает историю, философию, естественные науки, искусство. А теперь он пополняет эти знания самостоятельно. Он беседует с чем-то, находящимся очень далеко в космосе.

Джон резко выпрямился.

– Как далеко? – спросил он.

– Точно нам не известно, – ответил Стэнли. – Мы полагаем, что оно расположено в центре Галактики.

Глава 21

Он ощутил острую тоску существа в лощине, отсутствие чего-то, к чему оно стремилось, и его несказанную муку. Дэвид остановился так резко, что шедшая следом Вечерняя Звезда наткнулась на него.

– Что там? – прошептала она.

Он не шевелился и молчал. Из лощины изливалась волна чувств – безнадежность, сомнение, страстное желание. Деревья замерли неподвижно и молчаливо, и на мгновение в лесу все притихло – птицы, зверьки, насекомые. Ничто не шелохнется, не зашуршит, словно вся природа затаила дыхание, прислушиваясь к существу в лощине...

– Что такое? – спросила Вечерняя Звезда.

– Оно страдает, – сказал он. – Разве ты не чувствуешь?

– Нельзя ощутить чужое страдание, – проговорила девушка.

В полной, неестественной тишине Дэвид медленно двинулся вперед и обнаружил его: безобразный клубок червей, прильнувший к земле у валунов под склонившейся березой. Но не клубок червей он видел, а слышал отчаянный тоскливый крик; что-то в его мозгу повернулось, и мысленно он настроился на неведомый зов.

Вечерняя Звезда отпрянула, наткнулась на корявый ствол дуба, росшего у тропинки, и сползла по нему вниз. Клубок червей непрерывно шевелился, черви ползли друг через друга, и он весь кипел каким-то непонятным, бессмысленным возбуждением. Потом из этой бурлящей массы донесся крик радости и облегчения – беззвучный крик, смешанный с чувством сострадания и некой силой, которая к самому этому клубку не имела отношения. А над всем этим расстилалось, словно покров надежды и понимания, то, что говорил – или пытался, но не мог сказать – огромный белый дуб; и в мозгу девушки, подобно цветку, разбуженному солнцем, раскрылась вся Вселенная. На мгновение она ощутила (не увидела, не услышала, не поняла – все это оказалось за пределами простого зрительного восприятия и понимания) Вселенную целиком, от самого ее ядра до краев: ее механизм и цель существования, место всего, что несло в себе дыхание жизни.

Всего одно мгновение, кратчайший миг знания, а затем снова настало неведение; Вечерняя Звезда опять стала сама собой – напуганной девушкой, которая съежилась у подножия дерева, спиной ощущая грубую кору толстого дуба. А рядом на тропинке стоял Дэвид Хант, и извивающийся клубок червей излучал, казалось, божественный свет, такой яркий, сверкающий, невероятно красивый. В мозгу ее снова и снова раздавался тот крик, но его значения она понять не могла.

– Дэвид, – вскрикнула девушка, – что случилось?

Ибо произошло нечто великое, она это знала и была растеряна, хотя к ее растерянности примешивались счастье и изумление. Она сидела на корточках, прижавшись спиной к дереву, и над ней словно склонилась Вселенная, и она почувствовала твердое прикосновение рук, которые ее подняли, и она оказалась в объятиях Дэвида и прильнула к нему, как еще никогда в жизни ни к кому не приникала, радуясь, что он рядом с ней в этот великий миг ее жизни, чувствуя себя в безопасности в его сильных, крепких руках.

– Ты и я, – повторял он. – Мы с тобой вдвоем. Между нами двумя...

Он запнулся, и она поняла, что он испуган, и обвила его руками и прижала к себе.

Глава 22

Они ждали у реки, рядом с вытасканными на каменистый берег каноэ. Несколько гребцов сидели у маленького, сложенного из плавника костерка и варили рыбу, остальные просто разговаривали, а один из них крепко спал на речной гальке – хотя галька показалась Джейсону чрезвычайно неудобной постелью. Река здесь была уже, чем у старого лагеря, течение быстрым; искрясь на послеполуденном солнце, вода бежала между высоких утесов, тянувшихся с обеих сторон.

Позади них высилось гигантское, расширяющееся кверху сооружение – черный свиток металла, кажущийся огромным и в то же время настолько хрупким, что, того и гляди, его закачает под ветром.

– Мы оба подумали об одном и том же, – сказал Джон.

– С кем ведет беседы Проект?

– Именно. Полагаешь, это возможно? Суперробот, или суперкомпьютер, вошел в контакт с Принципом?

– Не исключено, что Проект его слышит, может быть, получает от него информацию, но не разговаривает с ним в прямом смысле слова.

– Это не обязательно Принцип, – предположил Джон. – Это может быть другая раса или несколько рас. Мы обнаружили их немало, но лишь с немногими общаемся, поскольку у нас нет основы для взаимопонимания. Хотя эта биолого-механическая штуковина способна создать что угодно. Его разум, если это можно назвать разумом, возможно, более гибок, чем наш. Бесспорно, по уровню и глубине понимания он равен человечеству. В течение столетий роботы накачивали его запоминающее устройство всеми человеческими знаниями. Вероятно, это самое образованное существо из когда-либо живших на Земле. Он обладает эквивалентом нескольких сотен университетских образований. Уже один только объем знаний, который он сохранит, не забывая ничего, мог обеспечить ему кругозор более широкий, чем у любого из людей.

– С чем бы он там ни беседовал, – сказал Джейсон, – одно очко в его пользу. Ведь так мало разумных рас, с которыми мы смогли вступить хоть в какой-то контакт, я уж не говорю об осмысленном общении. А этот суперробот общается с Принципом, да еще как осмысленно.

– По двум причинам, – предположил Джон. – Во-первых, он, вероятно, способен расшифровывать символы языка...

– Функция хорошего компьютера, – заметил Джейсон.

– И во-вторых, хороший компьютер способен не просто на понимание, которое отличается от нашего, он может обладать более широким диапазоном понимания. Во многих случаях мы не можем вступить в контакт из-за своей неспособности постичь образ мыслей и систему ценностей, отличных от наших.

– Что-то уж больно долго мы ждем, – проговорил Красное Облако. – Как вы считаете, чудовище все еще не может ни на что решиться? Хотя, по-моему, не имеет значения, что он скажет. Вряд ли от него будет какой-нибудь прок.

– Это не чудовище, сэр, – возразил Езекия. – Это конструкция, созданная такими, как я. Хотя я должен прибавить, что ни за что не стал бы ее создавать. Пусть она умна, но это омерзительная вещь, детище греховной гордыни. И все же я уверен: если Проект примет решение, он может помочь нам.

– Это мы скоро узнаем, – сказал Джейсон. – Вон Стэнли идет по тропинке.

Они стоя ожидали сверкающего робота. Тот спустился, подошел к ним и остановился, поглядел каждому в лицо.

– Новости плохие, – наконец проговорил он.

– Значит, не поможете, – сказал Джейсон.

– Мне искренне жаль, – ответил робот. – Моим личным желанием было бы сотрудничать с вами. Но мы построили Проект, он теперь главный среди нас, можно сказать, – робот склонил голову в сторону Горация Красное Облако, – он наш вождь, и потому мы подчиняемся его решению. Ибо какой смысл создавать вождя, если ему не доверяешь?

– На чем основано его решение? – спросил Джейсон. – Вы нам не доверяете? Или проблема, по вашему мнению, не так серьезна, как нам представляется?

Стэнли покачал головой.

– Ни то ни другое, – сказал он.

– Ты понимаешь, что, если люди вернуться, они могут вас подчинить? И Проект тоже.

– Ты обязан быть учтивым с этими джентльменами... – начал Езекия.

– Не лезь, – резко оборвал его Стэнли.

– Буду. – В голосе Езекии зазвучал несвойственный ему гнев. – Это те, кто нас создал. Мы обязаны хранить верность. Даже ваш Проект должен быть им верен, так как вы использовали не только данный вам людьми разум, но и собирали по всему свету материалы, из которых строили Проект, знания, которые в него вводили.

– Мы теперь не ищем преданности, – проговорил Джейсон. – Иногда я думаю, что нам следовало бы извиниться за то, что мы вас создали. Мы не дали вам мира, к которому вы могли бы испытывать благодарность. Но если люди вернуться и захватят планету, пострадаем мы все.

– Чего вы хотите? – спросил Стэнли.

– Вашей помощи. Коль скоро вы отказываете в ней, у нас есть право спросить почему.

– Это вас не утешит.

– Мы не утешения ищем.

– Хорошо, – сказал Стэнли, – раз вы настаиваете...

Он запустил руку в сумку, висевшую на поясе, достал оттуда сложенный лист бумаги, развернул его, разгладил.

– Это ответ, который дал нам Проект.

Он подал бумагу Джейсону. На ней были напечатаны четыре строчки:

«Описанная ситуация для нас несущественна. Мы могли бы помочь человечеству, но нет причин это делать. Человечество – преходящее явление и не имеет к нам отношения».

Глава 23

Дядя Джейсон посоветовал ей начать с книг по истории. Это, сказал он, даст основу для понимания всего остального.

Сейчас, в библиотеке, когда ветер шумел за окном, а от толстой свечи остался лишь короткий огарок, Вечерняя Звезда устало спросила себя, какой, собственно, прок в понимании. Понимание не разгладит тревожные морщинки на лице дяди Джейсона. Оно не гарантирует, что, если вернутся люди, останутся нетронутыми леса и прерии – земли, где живет ее народ. И оно не скажет ей, что случилось с Дэвидом Хантом.

Последнее соображение, призналась она себе, лично для нее самое важное. Он обнял и поцеловал ее в тот день, когда они обнаружили существо в лощине, и домой они вернулись вместе, держась за руки. Но больше она его не видела, и никто не видел. Девушка бродила по лесу в надежде найти его и даже побывала в монастыре. Роботы ничуть не обеспокоились: они были учтивы, но не особо приветливы, и обратно она шла, чувствуя себя униженной, словно бы позволила взглянуть этим равнодушным мужчинам из металла на свое обнаженное тело.

Он бежал от меня, подумала она. Или тот день в лощине не столь важен, как ей виделось? Оба они были потрясены случившимся, и захлестнувшие их чувства могли найти выход таким неожиданным образом. Впрочем, нет, не похоже. Вечерняя Звезда склонялась к мысли, что те события всего лишь дали толчок тому, что она чувствовала, но не осознавала полностью, – она любила этого бродягу с запада. Но что, если, думала она, он задал себе тот же вопрос и нашел иной ответ?

Он сбежал? Или, как и прежде, должен что-то искать? Может, он решил, что предмет его поисков не в этом доме и не в ней самой, и потому двинулся дальше, на восток?

Она отложила книгу и сидела в тишине погруженной в сумрак библиотеки, уставленной рядами книг, и на столе догорала, оплывая, свеча. Скоро придет зима, подумала она, и Дэвиду будет холодно. Она могла бы дать ему одеяла, теплую одежду. Но он не сказал, что собирается уходить. Она снова пережила в мыслях тот день. Все было так непонятно, и до сих пор она не могла собрать все воедино, сказать, что сначала произошло это событие, затем другое, а после него третье. Все словно бы случилось одновременно, без малейших промежутков, однако она знала, что существовала некая последовательность событий. Самое странное, что она не могла с уверенностью сказать, что делал Дэвид, а что – она, и в который раз задала себе вопрос, нужно ли было участие обоих?

Что с ней случилось? Девушка помнила лишь отдельные фрагменты, но была уверена, что произошедшее не дробилось и эти запомнившиеся фрагменты – кусочки некоего целого. Раскрылся весь мир, вся Вселенная – или то, что Вечерняя Звезда до сих пор полагала Вселенной, – обнажив все свои потайные уголки, явив все существующие знания, причины всех событий; Вселенная, из которой были вычеркнуты время и пространство, ибо из-за них никто не мог постичь ее целиком. Появилась на миг и исчезла, так быстро, что мозг не успел ничего зафиксировать, исчезла, не оставив о себе никаких определенных воспоминаний, никакого твердого знания – как лицо, увиденное при вспышке молнии и вновь погрузившееся во мрак.

Было ли это – могло ли быть – тем, о чем она пыталась рассказать Дедушке Дубу, понимая, что внутри нее нечто происходит, и что грядет некое изменение, но она не знает, какое именно, и что она может снова уйти. Если это так, подумала она, если это новая способность вроде путешествия к звездам, а не просто нечто ей привидевшееся, ей больше не придется никуда отправляться. Потому что она сама суть любое место.

Девушка впервые подумала об этом как о способности и испугалась. Не столько важности этой мысли, сколько того, что ей вообще пришло это в голову, что, пусть подсознательно, она позволила себе об этом думать. Она сидела, напряженно выпрямившись, в полутемной комнате, где мерцала, догорая, свеча, и ей опять слышались голоса и тихое движение призраков, что обитали в книгах, единственном на Земле месте, принадлежащем им.

Глава 24

Из записи в журнале от 29 ноября 5036 года:

...За последние несколько столетий мое физическое состояние слегка ухудшилось, и теперь бывают дни (как сегодня), когда я ощущаю на плечах тяжесть прожитых лет. Я чувствую усталость, которую нельзя отнести на счет обычных дел. Я никогда чрезмерно не утомлял себя делами, а в последние годы и подавно. Походка моя стала шаркающей, а рука утратила былую твердость и выводит в журнале дрожащие каракули. Случается, я пишу не то слово, что хотел написать, – очень похожее, но не то. Бывает, я не могу сразу подыскать нужное слово и подолгу сижу, роясь в памяти, что меня не столько раздражает, сколько печалит. Порой я пишу с ошибками, чего раньше никогда не бывало. Думаю, я стал похож на старого пса, который дремлет на солнышке, с той существенной разницей, что старый пес ничего от себя не требует.

Элисон, моя жена, скончалась пятьсот лет назад, и хотя многое уже забылось, я помню, что смерть ее была тиха и спокойна. Полагаю, моя будет такой же. Мы умираем от старости, а не от разрушительного действия болезней, и именно в этом, по-моему, истинное счастье, которое нам даровано. Случается, я задумываюсь о том, в какой мере долгая жизнь – сказочно долгая жизнь – благо для человечества. Но подобные мысли, говорю я себе, – всего лишь мысли старого чудака, и не стоит обращать на них внимание.

Одно я помню очень хорошо, и это меня преследует. Когда умерла Элисон, собралось много людей, издалека, со звезд. Мы отслужили по ней заупокойную, в доме и у могилы. Среди нас не было ни одного духовного лица, поэтому мой внук Джейсон читал тексты из Библии и произносил слова, которые полагалось произносить, и все было очень торжественно и достойно. Возле могилы стояли люди – огромная толпа, – а чуть поодаль роботы: отдельно от нас, как они всегда это делают, в соответствии со своим древним обычаем.

Когда все закончилось, мы вернулись в дом; затем я прошел в библиотеку и сидел там в одиночестве. Никто меня не тревожил, понимая, что мне нужно побыть одному. Немного погодя раздался стук в дверь и вошел Езекия из монастыря. Пришел сказать, что он со своими товарищами не присутствовал на похоронах, поскольку в это самое время они в монастыре отправляли заупокойную службу. Сообщив это, он вручил мне текст службы. Текст был написан чрезвычайно разборчиво и красиво, с красочно нарисованными заглавными буквами и украшениями на полях страниц – такая же аккуратная, безупречная рукопись, как сохранившиеся средневековые манускрипты. Откровенно говоря, я не знал, что ответить. Разумеется, с его стороны это была дерзость и, с моей точки зрения, дурной тон. Однако я не сомневался, что у роботов не было дурного умысла, и сами они видели в этом не дерзость и не нарушение приличий, но поступок, продиктованный любовью и уважением. Я поблагодарил Езекию, хотя, боюсь, в выражении благодарности был краток, что он, я уверен, отметил. В то время я не описал его визит в журнале и никому о нем не рассказывал. Наверное, так никто ничего и не знает. Все годы я с величайшей ответственностью относился к записи всего, что происходило. Я завел журнал для того, чтобы занести на бумагу правду о том, что случилось с человечеством, и таким образом воспрепятствовать появлению мифов и легенд. Думаю, поначалу у меня не было иных соображений, и я не собирался продолжать свои записи в дальнейшем. Но к тому времени, когда закончил описывать исчезновение людей с Земли, я уже настолько усвоил привычку писать, что не отказался от своего занятия и стал записывать все наши, даже самые мелкие, события и свои мысли. Почему я не отметил того, что произошло между мной и Езекией, до сих пор понять не могу. Происшедшее не было таким уж страшным нарушением этикета, чтобы стоило это скрывать. Я быстро об

этом забыл, а если случалось вспомнить, снова забывал. Но с недавних пор я думаю об этом постоянно.

За последние несколько лет я задал себе множество вопросов, касающихся того случая, ибо теперь острота происшедшего притупилась и я могу быть объективным. Я подумывал о том, что мы могли бы попросить Езекию совершить богослужение во время похорон, чтобы он, а не Джейсон читал текст отпевания. Однако даже сейчас мысль эта вызывает у меня дрожь. И все же факт остается фактом: именно робот, а не человек поддерживает существование не только христианства, но и самой идеи религии. Конечно, народ Красного Облака имеет свои верования и свое отношение к действительности, которое можно назвать религией. Но насколько я понимаю, их религия не формализована, она является глубоко личной – вероятно, это проще и разумнее, чем те пустые формы, в которые превратились другие религии. И мне кажется, что нам следовало либо придерживаться нашей религии должным образом, либо полностью от нее отказаться. Мы позволили ей умереть, она нас больше не заботила, и мы устали делать вид, будто верим. Это относится не только к нескольким последним тысячелетиям. Еще до Исчезновения мы позволили вере умереть; в данном случае я употребляю слово «вера» в строго ограниченном смысле, относя его к организованной религии.

В последние годы я много об этом думал, сидя во внутреннем дворике и наблюдая, как сменяются времена года. Я внимательно изучал небо и знаю все облака, плывущие по нему; я твердо запомнил различные оттенки голубого цвета: линиялая, почти невидимая голубизна жаркого летнего дня; мягкий, порой зеленоватый цвет позднего весеннего вечера; более темный, почти фиолетовый цвет осени. Я стал знатоком осенних красок и знаю все голоса и настроения леса и речной долины. Я обрел общность с природой и пошел таким образом по стопам Красного Облака и его народа; хотя, я уверен, им свойственно более глубокое понимание и более тонкие чувства, чем мне. Но я видел смену времен года, рождение и смерть листьев, блеск звезд в бесчисленные ночи, и во всем этом я ощутил цель и порядок. Мне кажется, должен существовать какой-то всеобъемлющий, вселенский план, благодаря которому электроны движутся вокруг ядер и медленнее, более величественно вращаются галактики. Мне думается, этот план охватывает всю Вселенную, но что он собой представляет и откуда появился, мой слабый разум постичь не в силах. Однако если и искать, к чему обратиться нашу веру – и нашу надежду, – то к этому плану. Я считаю, мы недостаточно размышляли и слишком боялись...

Глава 25

Концерт завершился оглушительным финалом, и музыкальные деревья умолкли в свете осенней луны. Внизу, в речной долине, перекликались совы, и легкий ветерок шелестел листьями. Джейсон пошевелился в кресле, оглянулся на огромную, установленную на крыше антенну и снова устроился в прежней позе.

Марта поднялась.

– Пойду в дом, – сказала она. – Ты идешь, Джейсон?

– Я еще тут немного побуду. Осенью такие ночи выдаются нечасто – жалко упускать. Ты не знаешь, где Джон?

– Джон тяготеет ожиданием, – ответила Марта. – В ближайшее время он опять отправится к звездам. Думаю, он решил, что здесь ему не место, Земля не стала ему домом.

– Джон всюду не дома, – проворчал Джейсон. – У него вообще дома нет. Да ему и не нужно, он желает скитаться. Он такой же, как все остальные. Никого из них, ни единого, не беспокоит, что происходит с Землей.

– Они все сочувствуют, все, с кем я говорила. Если бы они могли что-то сделать, сказали они...

– Зная, что ничего не могут.

– Не принимай этого так близко к сердцу, Джейсон. Может, ты вообще зря тревожишься, и ничего страшного не случится.

– Я беспокоюсь не о нас, – сказал он, – а о народе Красного Облака. И о роботах. Да, даже о роботах, которые вроде бы нашли новый путь. У них должен быть свой шанс. Им не должны мешать.

– Но они отказались нам помогать.

– Они установили радио и луч.

– Но никакой реальной помощи.

– Да, никакой, – согласился он. – Я не могу их понять.

– Наши собственные роботы...

– Наши собственные – другие. Они – часть нас. Они делают то, для чего были созданы, они не изменились. Езекия, например...

– А тем пришлось измениться, – мягко прервала Марта. – У них не было выбора. Они не могли сидеть сложа руки и ждать.

– Ты права, – ответил Джейсон.

– Я иду домой. Не сиди слишком долго. Скоро захладеет...

– Где Вечерняя Звезда? Она тоже не вышла...

– Вечерняя Звезда тревожится об этом странном парне. Не понимаю, что она в нем нашла.

– Она не знает, что с ним? Куда он мог подеваться?

– Знала бы – не беспокоилась. Похоже, она думает, что он сбежал от нее.

– Ты говорила с ней?

– О нем – нет.

– Он был очень странный, – сказал Джейсон.

– Я иду домой. Ты скоро придешь?

Он сидел и слушал, как Марта прошла через двор, как за ней захлопнулась дверь.

Непонятное что-то с этим парнем, подумал он. Почему он исчез? И тот инопланетянин в лощине пропал. Джейсон хотел его повидать и поговорить, но не нашел никаких следов. Может, клубок червей устал ждать? А нет ли связи между исчезновением его и Дэвида Ханта? Но Дэвид не знал о существовании в лощине. Парень рассказывал о Темном Ходуне, и он

его боится. Не исключено, что он пересек материк, чтобы убежать от Ходуна, сбить его со следа. Он бежит от того, чего, по всей вероятности, вовсе не существует. Это неудивительно, сказал себе Джейсон. Не он первый бежит невесть от чего.

А что, если его собственный страх тоже безоснователен? Может быть, разведывательный корабль, несущий к Земле людей, не таит в себе опасности? А даже если корабль и несет в себе семена перемен, то кто такой Джейсон, чтобы уверенно утверждать: эти перемены опасны для нашей планеты? Нет, подумал он, любые перемены – угроза ей. А вот тем, кто отправился к звездам, ничто не угрожает; они порвали связи с Землей, и, что бы с ней ни произошло, их это никак не затронет. Эта мысль Джейсона потрясла. Все эти годы он свято верил, что является для других якорем, что его дом – дом для всех, земная база человечества. А оказалось – самообман, который он бережно лелеял ради сохранения чувства собственной значимости. Из всех людей его дома, если Земля будет колонизирована, могут пострадать он да Марта. Но пришельцы, конечно, не станут вторгаться на его территорию – его дом да несколько акров вокруг, – если дать им понять, что их присутствие нежелательно.

О ком действительно надо думать, сказал себе Джейсон, так это об индейцах, о потомках древних аборигенов, которые когда-то называли этот материк своим домом. И о роботах. Культура и цивилизация им были навязаны; кроме того, роботы не просили, чтобы им дали жизнь. В прошлом по отношению к тем и другим было совершено уже довольно несправедливостей, нельзя, чтобы они опять стали жертвой. Они должны иметь свой шанс. А если придут люди, никакого шанса у них не будет.

Что за болезнь несет его раса? Смертельную для всех, кто с ней соприкасается. Началось это, сказал себе Джейсон, когда первый человек вскопал землю, посадил в нее зернышко и стал ее охранять. Началось с появления собственности: на землю, на природные ресурсы, на рабочую силу. И возникла необходимость в защите человека и его собственности от превратностей судьбы, зародилось стремление к материальному и общественному положению. Размышляя об этом, Джейсон не сомневался, что идея безопасности выросла в первую очередь из идеи собственности. Обе они – от одного корня. Владевший собственностью был в безопасности.

Индейцы не имели ни единого фута собственной земли, к собственности они относились с презрением, ибо она означала бы, что они привязаны к тому, чем владеют. А роботы, подумал он, заложена ли в них идея собственности? Джейсон сильно в этом сомневался. Их общество должно быть еще более коммунистическим, чем у народа Красного Облака. Только его народ боготворил собственность, это-то и было его главным недугом. Однако именно из этой болезни, именно на ее фундаменте с течением веков была построена чрезвычайно сложная общественная структура.

Эта структура, один раз уже уничтоженная, теперь должна быть восстановлена на Земле, и что тут поделаешь? Как он, Джейсон Уитни, может этому помешать? Ответа на свой вопрос он найти не мог.

Роботы были для него загадкой. Стэнли говорил, что он и его товарищи глубоко озабочены, однако они безоговорочно приняли решение Проекта не оказывать помощи. Но они помогли в другом: доставили и смонтировали оборудование для приводного луча, радио и батареи, на которых все работало. Без них как связаться с людьми, когда те придут? А очень важно, сказал себе Джейсон, чрезвычайно важно, чтобы он имел возможность с ними поговорить. Чего он сможет добиться, он не знал, но он должен иметь возможность поговорить с людьми. Обнаружив в космосе приводной луч, они поймут, что на Земле кто-то есть.

Джейсон, сгорбившись, сидел в своем кресле. Он чувствовал себя одиноким и покинутым; он снова задался вопросом, не ошибается ли. Нет: быть может, он ошибается относительно себя или роботов, но не Красного Облака и его народа.

Он попытался выбросить эти мысли из головы. Если ему удастся некоторое время ни о чем не думать, он сможет размышлять яснее, когда придет срок. Джейсон устроился поудобнее, чтобы отвлечься и расслабиться. Он видел, как лунный свет блестит на крышах монастырских зданий, как освещенные луной музыкальные деревья стоят подобно стройным белым призракам. Последнее время деревья музицируют гораздо лучше, подумал он. И случилась эта перемена вечером того дня, когда его брат Джон вернулся со звезд. Он это заметил и, помнится, удивился, но навалилось слишком много дел, слишком много забот и тревог, чтобы размышлять еще и об этом. Вечером того дня, когда вернулся Джон, подумал он, однако возвращение Джона никак не могло повлиять на музыкальные деревья.

Джейсон услышал за спиной шаги и обернулся. К нему спешил Тэтчер.

– Мистер Джейсон, сэр, – проговорил робот, – там кто-то вызывает нас по радио. Я сказал ему, чтобы он подождал и что я позову вас.

Джейсон поднялся. Он почувствовал внезапную слабость в коленях, ощутил, как что-то оборвалось внутри. Вот оно, подумал он. Он к этому не готов. И никогда не был бы готов.

– Спасибо, Тэтчер, – сказал он. – Ты не мог бы для меня кое-что сделать?

– Все, что угодно, сэр.

Тэтчер был взволнован. Джейсон посмотрел на него с удивлением: никогда бы не подумал, что увидит взволнованного Тэтчера.

– Пошли, пожалуйста, одного из роботов в лагерь Красного Облака. Скажи ему: он мне нужен. Попроси его прийти.

– Сейчас, – сказал Тэтчер. – Я сам туда схожу.

– Замечательно. Я надеялся, что ты это сделаешь. Гораций тебя знает, но может возмутиться, если его поднимет с постели какой-нибудь другой робот.

Тэтчер повернулся, чтобы уйти.

– Минутку, – остановил его Джейсон. – Еще попроси Красное Облако послать кого-нибудь за Стэнли. Ему нужно быть здесь. И Езекии тоже.

Глава 26

Он убил того последнего медведя, хотя зверь был слишком близко, чтобы успеть выстрелить как следует. Точно так же он убил и всех остальных: один медведь – один коготь в его ожерелье. Убивали его стрелы – прямые, прочные, хорошо оперенные стрелы, посланные мощным луком. Но теперь он в этом не был уверен.

Хотя он не только убивал. Он и исцелял.

Он убил медведей, но исцелил деревья. Теперь он был в этом уверен. Он почувствовал, что с ними что-то неладно, и помог, хотя на самом деле и не знал, что же с ними такое.

Между освещенных луной деревьев проковылял инопланетянин и припал к земле рядом с ним. Черви все шевелились и шевелились, ползли и ползли. Инопланетянин следовал за ним уже несколько дней, и Дэвид устал от него.

– Убирайся отсюда! – крикнул он. – Уходи!

Тот не тронулся с места, а черви все шевелились. Порой Дэвид испытывал искушение сделать с инопланетянином то же, что и с медведями, но говорил себе, что с инопланетянином так поступать нехорошо. Тот не представлял никакой опасности, по крайней мере, Дэвид так полагал; но клубок червей ему надоел.

Инопланетянин подобрался ближе.

– Я дал тебе, что ты хотел, – закричал на него Дэвид Хант. – Я убрал боль. А теперь оставь меня в покое.

Инопланетянин попятился.

Дэвид присел на корточки у подножия могучего клена и задумался. Хотя, в сущности, думать особенно не о чем. Все казалось достаточно ясным: он излечил деревья, излечил это странное существо, которое теперь следует за ним по пятам, вылечил сломанное крыло у птицы и больной зуб у старого медведя. А еще он очистил куст астр от какой-то ужасной штуки, которая высасывала из них жизнь. (Правда, в этом случае все было не так просто: помогая астрам, Дэвид убил какую-то другую форму жизни – пусть низшего порядка, но все же нечто живое.) Из него словно бы изливался мощный поток сострадания, исцелявший всех страждущих, однако, как ни странно, в себе он особого сострадания не ощущал. Скорее неудобство от чужой боли или нездоровья, и надо было что-нибудь сделать, чтобы его не беспокоили. Неужели мне придется жить, подумал он, воспринимая все, что есть неладного в мире? Все было в порядке, пока в тот вечер он не услышал музыкальные деревья, не ощутил их недуг. Может быть, дело в музыке? Или в роботе, который тогда стоял рядом с ним? И что же – теперь он всю жизнь будет чувствовать все самые маленькие беды, все самые мелкие хвори и не будет ему покоя, пока не излечит их все?

Краем глаза Дэвид Хант увидел, что инопланетянин опять подбирается ближе. Он взмахнул руками, словно отталкивая его прочь.

– Убирайся! – крикнул он.

Глава 27

Джейсон взял микрофон и нажал выключатель. А что говорить, подумал он. Как положено вести радиопереговоры? Этого он не знал.

Он сказал:

– Говорит Джейсон Уитни с планеты Земля. Вы слушаете?

Он подождал, и после короткой паузы раздался голос:

– Джейсон кто? Назовите себя, пожалуйста.

– Джейсон Уитни.

– Уитни. Вы человек? Или еще один робот?

– Я человек, – сказал Джейсон.

– Вас уполномочили говорить с нами?

– Больше говорить с вами некому. Я здесь единственный человек...

– Единственный...

– Есть и другие люди. Их немного. В настоящий момент их здесь нет.

Голос хотя и озадаченно, но произнес:

– Да, мы поняли. Мы слышали, что людей немного. Несколько человек и роботы.

Джейсон глубоко вздохнул, удерживая готовые сорваться с языка вопросы. Откуда вы знаете? Кто вам сказал, что здесь есть люди? Разумеется, не Джон. И если бы кто-то из остальных обнаружил людей, он тут же примчался бы со своей новостью к нам сюда. Быть не могло, чтобы кто-нибудь нашел людей, потолковал с ними о том о сем, а потом отправился дальше, не известив Землю.

Стоит ли им сообщать, подумал он, что мы ожидали их прибытия? Сказать, что мы ждали их гораздо раньше? Это их ошеломит. Нет, сейчас им ничего нельзя говорить; если они не будут знать, это может пойти Земле на пользу.

– Мы не ожидали, – продолжал голос, – что найдем приводной луч и радио. Когда мы обнаружили луч...

– Наши роботы, – сказал Джейсон, – пользуются радио для переговоров друг с другом.

– Но луч...

– Не вижу причин, зачем с вами спорить, – с напускным спокойствием проговорил Джейсон. – Тем более что я не знаю, кто вы.

– Но луч...

– Просто на всякий случай – вдруг кто-нибудь захочет нас посетить.хлопот с ним немного. Теперь, пожалуйста, назовите себя.

– Мы когда-то жили на Земле, – ответил голос. – Очень давно мы перенеслись оттуда в другое место и теперь возвращаемся.

– Значит, – спокойно сказал Джейсон, – вы люди. Все эти годы мы мучились вопросом, что с вами случилось.

– Люди?

– Так мы вас называли. Если вы те, кто исчез с Земли.

– Мы те самые.

– Что ж, добро пожаловать.

Джейсон улыбнулся про себя. Как будто они отправились провести друзей через дорогу и припозднились с возвращением. Вряд ли они ждали такой встречи. Скорее – взрыва радости от того, что они нашли дорогу к Земле и оставленные здесь бедняги воссоединятся наконец с остальным человечеством.

– Мы рассчитывали, что нам придется вас разыскивать, – сказал голос. – И боялись, что не найдем.

– Бояться уже нечего, – со смешком ответил Джейсон. – Вы хотите нас повидать? Не очень понимаю, как вам это удастся. У нас нет космодрома.

– Он нам не нужен. Мы вышлем шлюпку с двумя людьми. Она может приземлиться где угодно. Просто не убирайте луч, шлюпка пройдет по нему прямо к вам.

– Рядом с домом есть кукурузное поле, – сказал Джейсон. – Вы узнаете его по снопам. Сможете там сесть?

– Превосходнейшим образом.

– Когда вас ждать?

– На рассвете.

– В таком случае, – сказал Джейсон, – мы заколем тельца.

– Что вы сделаете? – В голосе прозвучала тревога.

– Да так, ничего, – отозвался Джейсон. – Это просто присловье. Ждем вас.

Глава 28

Дубовое полено наконец прогорело и разломилось надвое, и вверх взметнулся сноп искр. Ветер ворчал в дымоходе и завывал высоко-высоко в карнизах. Они втроем сидели у огня и ждали – Марта, Джон и Джейсон.

– Это меня беспокоит, – сказал Джейсон. – Откуда им известно, что здесь кто-то есть? Естественней было бы предположить, что с Земли унесены все, что они возвращаются на необитаемую планету. Они могли допустить, что здесь остались роботы, предположить, что найдут цивилизацию роботов, но не могли знать...

– Не волнуйся, – сказал Джон. – Скоро все выяснится. Ты говорил с ними совершенно правильно. Они теперь теряются в догадках, они глубоко озадачены. Твои реакции были нетипичны, и они забеспокоились. Сейчас, поди, пытаются тебя разгадать.

– Да и что бы ни было, – заметила Марта, – не стоит так переживать. Речь не идет о жизни и смерти.

– Для меня – идет, – возразил Джейсон. – И для Красного Облака. Мы не можем им позволить все здесь погубить.

– Может, они и не погубят.

– Планета, которую можно захватить. Думаешь, они упустят такую возможность?

– Но это планета с уже истощенными ресурсами, – проговорил Джон. – Они это знают, люди сами их исчерпали.

– Полезные ископаемые – конечно, – ответил Джейсон. – Не осталось руд, почти нет угля и нефти. Но они, возможно, смогли бы извлечь много полезного из развалин – там еще не все проржавело. И города стали бы источником строительного камня. После Исчезновения снова выросли леса, они сейчас не хуже, чем в то время, когда на материк впервые пришли европейцы. То же и во всем остальном мире. Первобытный лес. Прекрасный, обильный лесоматериал. Земля обновилась, она опять плодородна. Водоемы полны рыбы.

– Мы можем с ними поторговаться, – сказала Марта.

– Нам не о чем торговаться, – с горечью ответил Джейсон. – Мы можем взывать к их милосердию, но на успех я не надеюсь.

В вестибюле послышались шаги. Джейсон поспешно вскочил.

– Это Езекия, – сказала Марта. – Тэтчер посылал за ним робота.

Езекия вошел в комнату.

– Не было никого, – начал он, – кто мог бы сообщить о моем приходе. Надеюсь, я не нарушил приличий.

– Конечно нет, – ответила Марта. – Спасибо, что пришел. Садись, пожалуйста.

– Мне нет необходимости сидеть, – отозвался Езекия чопорно.

– К черту, Езекия, хватит изображать смиренность, – сказал Джейсон. – В этом доме ты такой же, как все.

– Благодарю вас, мистер Джейсон, – ответил робот и опустился на кушетку. – Должен признаться, что я пристрастился к этому человеческому обычаю – сидеть. Мне он очень нравится, хотя я и подозреваю, что удовольствие мое греховно. Мне сказали, что вы получили известия от направляющихся сюда людей. Даже понимая, что с их прибытием у нас возникнут всякие трудности, я с большим нетерпением ожидаю возможности получить какие-нибудь сведения относительно развития их веры и религии. Было бы утешением...

– Не видать тебе утешения, – сказал ему Джон. – И не надейся. У них на планете я не видел никаких свидетельств веры.

– Совсем никаких, сэр?

– Ни единого. Ни церквей, ни мест для сотворения молитв, ни желания это делать. Никаких священников. И не смотри удивленно. Общество вполне может обходиться без веры в Бога; в сущности, еще до Исчезновения почти так и было. И на всякий случай могу добавить: нет никаких данных в пользу того, что отсутствие веры имело какое-то отношение к Исчезновению.

– Мне все равно, во что они верят или не верят, – сказал Джейсон. – Давайте не уклоняться в сторону. Как люди могли узнать, что здесь кто-то есть? Джон, ты, случайно, не...

– Нет, – ответил Джон. – Я уверен. Я очень старался не навести их на мысль, что я с Земли. Я абсолютно убежден, что ничего не говорил...

– Тогда как? Никто из наших там не бывал, иначе они сообщили бы нам непременно. Все эти годы мы задавались вопросом, что случилось с людьми.

– А если они слышали о нас от каких-то других разумных существ? Путешествуя по Галактике, мы не скрывали, откуда мы.

– Думаешь, они могут знать и о путешествиях среди звезд?

– Возможно, – сказал Джон. – Вспомни, люди тоже летают меж звезд. У них есть корабли, они могли побывать на многих планетах. Они могли вступить в контакт с разумными существами, такими же, как мы.

– Наши контакты были не слишком успешны.

– Может быть, их – тоже. Но установи они контакт с теми, кто видел нас и с нами говорил, они бы узнали, что кто-то похожий на них уже посещал ту планету. Эти люди не глупы, Джейсон.

– Но ты об этом ничего не слышал. Никаких намеков. За все время, что был у них на планете.

Джон покачал головой:

– Я узнал лишь, что они обнаружили местоположение Земли и послали разведывательный корабль. Но у меня не было возможности проникнуть в их правительственные или научные круги. Я слышал только то, что знали простые люди.

– Ты полагаешь, правительство могло хранить это в тайне?

– Почему бы нет? Не знаю, к чему бы такая секретность, но это не исключено.

Кто-то мягко прошел через вестибюль к дверям комнаты.

– Это Красное Облако, – сказал Джейсон.

Он поднялся и встретил своего старого друга у порога.

– Прости, что поднял тебя с постели, Гораций, но утром они будут здесь.

– Я бы ни за что на свете не пропустил это бдение у гроба, – ответил Гораций Красное Облако.

– Бдение?

– Конечно. Обычай древних варваров из-за океана, не индейцев. И на этот раз покойник – планета и народ. Моя планета и мой народ.

– Они могли измениться, – проговорила Марта. – За тысячи лет у них могла появиться новая мораль, они могли повзрослеть. Может, теперь это совсем другая культура.

Красное Облако отрицательно качнул головой:

– Судя по тому, что рассказывал Джон, культура все та же. Быть может, более умная, более хитрая. Машина что-то делает с человеком; она его ожесточает. Она стоит между ним и окружающим миром, и это действует губительно, порождая жадность, которая лишает человека человечности.

– Я боюсь, – сказал Джейсон, – если вы хотите от меня это услышать.

– Я послал вверх по реке каноэ, чтобы известить Стэнли, так, по-моему, его зовут, – сообщил Красное Облако. – Хотя не понимаю, почему мы с ним носимся.

– Это касается всех. Он имеет право здесь находиться, если захочет прийти.

- Помнишь, что сказала та штуковина? Мы – преходящий фактор...
- Я полагаю, так оно и есть, – сказал Джейсон. – Трилобиты были преходящим фактором. И динозавры. Роботы имеют право думать – и даже считать, – что переживут нас всех.
- Если переживут, – ответил Красное Облако, – то так им и надо.

Глава 29

Они прибыли на рассвете. Их маленький аппарат мягко приземлился на кукурузном поле. Он опрокинул и рассыпал один кукурузный сноп и раздавил три тыквы. Небольшая группа из четырех людей и одного робота ожидала их на краю поля. Джейсон знал, что остальные роботы прячутся неподалеку, с благоговением взирая на спустившуюся с неба машину. Открылся люк, из него вышли двое. Высокие, широкоплечие, в простых серых куртках и брюках, на голове маленькие шапочки.

Джейсон зашагал к ним, и они двинулись ему навстречу.

– Вы Джейсон Уитни, – сказал один. – Вы вчера говорили с нами.

– Да, это я, – ответил Джейсон. – С возвращением на Землю.

– Я Рейнолдс, – продолжал тот, протягивая руку. – Моего спутника зовут Гаррисон.

Джейсон пожал обоим руки.

– У нас нет оружия, – сказал Гаррисон, – но мы защищены. – Слова прозвучали веско и значительно.

– Здесь вам не нужна защита, – ответил Джейсон. – Мы – цивилизованные люди, в нас нет ни грана жестокости.

– Заранее никогда не знаешь, – возразил Гаррисон. – Прошло несколько тысячелетий, время, достаточное для перемен. Вчера, мистер Джейсон, вы пытались сбить нас с толку.

– Не понимаю, – сказал Джейсон.

– Вы рассчитывали, что мы поверим, будто вы не догадывались о нашем прибытии. Однако было очевидно, что вы о нем знали. Вы старательно не выказывали удивления, чем себя и выдали. Вы делали вид, будто наше прибытие не имеет особого значения.

– А должно ли оно иметь большое значение? – спросил Джейсон.

– Мы многое можем вам предложить.

– Мы удовлетворены тем немногим, что имеем.

– Ваш приводной луч не случаен, – продолжал Гаррисон. – Вы знали, что в космосе кто-то есть. В этой части Галактики корабли появляются чрезвычайно редко.

– Вы, джентльмены, кажется, настолько уверены в своих выводах, что позволяете себе грубость, – проговорил Джейсон.

– Мы не хотим вам грубить, – ответил Рейнолдс. – Вы пытались ввести нас в заблуждение, но вам это не удалось. Мы считаем, что будет проще, если вы также будете это понимать.

– Вы наши гости, – сказал Джейсон, – и я не собираюсь с вами пререкаться. Если вы считаете, что правы, я не в силах убедить вас в обратном; и, честно говоря, не вижу в том смысла.

– Мы были несколько удивлены, – небрежно проговорил Гаррисон, – узнав, что на Земле есть люди. Мы предполагали, что тут должны быть роботы, поскольку роботов они оставили.

– Они? – переспросил Джейсон. – То есть вы знаете, кто это сделал?

– Отнюдь, – ответил Гаррисон. – Возможно, я персонифицирую некую силу без всяких на то оснований. Мы надеялись, что знаете вы. Ведь вы далеко путешествовали. Гораздо дальше нас.

Итак, они знают о путешествиях к звездам, печально подумал Джейсон.

– Не я, – сказал он. – Сам я никогда не покидал Землю. Я оставался дома.

– Но другие покидали.

– Да, – ответил Джейсон, – многие.

– И они общаются? Телепатически?

– Да, конечно.

Бесполезно отрицать – они знают все.

– Нам бы следовало соединиться раньше, – сказал Гаррисон.

– Я вас не понимаю, – произнес Джейсон.

– Ну, приятель, вы многого достигли. И мы тоже. Мы вместе...

– Прошу вас, – перебил Джейсон, – нас ждут. После того как вы познакомитесь со всеми, прошу к столу. Будет завтрак. Тэтчер печет блины.

Глава 30

Из записи в журнале от 23 августа 5152 года:

...Когда человек стареет (а я сейчас старею), он словно бы взбирается на гору, оставляя всех позади. Хотя позади остается он сам. Но моя ситуация несколько иная, коль скоро я и все наши остались далеко позади, три тысячи лет назад. Однако в нормальном человеческом обществе, до Исчезновения, жили старики. Их друзья умирали, уходили спокойно и тихо, как летящие на ветру сухие листья, и долго никто не замечал их отсутствия. Разве что замечал их ровесник, сам старик (или старый лист), вдруг, с изумлением и печалью; и он мог бы спросить, что случилось, но, не получив ответа, больше не задавать вопросов. Хотя стариков вообще-то мало что трогает; каким-то странным образом им хватает самих себя. Им нужно немного, и немного их волнует. Они взбираются на гору, которой никто не видит, и по мере подъема одна за другой отпадают когда-то очень дорогие им вещи. И чем выше они взбираются, тем больше пустеет их рюкзак, не становясь, впрочем, легче, и то немного, что в нем остается, оказывается воистину необходимым, тем, что они набрали за долгую жизнь трудов и исканий. И они пребывают в чрезвычайном удивлении – если, правда, дадут себе труд задуматься, – почему же только со старостью уходит все лишнее. Достигнув вершины горы, они видят так далеко и так зорко, что могут лишь опечалиться – если их вообще что-нибудь трогает – тем, что не успеют воспользоваться новообретенной ясностью, и, получаясь, в ней мало проку теперь, хотя в дни молодости она бы очень пригодилась.

Думая об этом, я нахожу, что не слишком увлекаюсь фантазированием. Мне кажется, уже сейчас я вижу очень далеко и чрезвычайно отчетливо, хотя, возможно, и не столь далеко и ясно, как обнаружится в самом конце. Ибо пока еще я не могу различить того, что ищу, – пути и будущего человечества, которое знаю.

После Исчезновения мы пошли иной дорогой, нежели той, которой шло человечество на протяжении столетий. И ничто, в сущности, не могло быть прежним. Старый мир рухнул, и мало что в нем осталось. Поначалу мы вообразили, что это конец всему; да так оно и было, если иметь в виду утрату той культуры, что мы старательно создавали многие годы. И все же со временем мы поняли, что утрата вовсе не плоха, если не сказать – благодетельна. Ибо мы утратили то, без чего жить стало гораздо лучше. Кроме того, у нас появилась возможность все начать сначала.

Должен признаться, меня все еще смущает это наше второе начало – вернее то, что это начало сделало с нами... То, чего мы достигли, обретено отнюдь не сознательным усилием. Это произошло как бы само собой. Не со мной, но с остальными. Подозреваю, я уже был слишком стар, слишком укоренен в прежней жизни и оказался в стороне не по собственному желанию, а просто выбора не было.

Важно, я думаю, что путешествия к звездам и разговоры через всю Галактику (Марта, к примеру, уже полдня как сплетничает через расстояния в световые годы) были не более чем началом. Не исключено, что способность к путешествиям и телепатия – лишь толика того, что с нами случилось, только первые шаги, подобно тому как изготовление каменного топора было первым шагом в направлении будущей высокоразвитой технологии.

Что будет дальше, спрашиваю я себя и не могу ответить. Мы еще слишком мало знаем, чтобы прогнозировать дальнейшее развитие. Первобытный человек, изготавливая каменное орудие, понятия не имел, почему камень раскалывается именно так, как нужно, если ударить в правильном месте. Дикарь знал, как, но не почему и, могу предположить, не слишком интересовался этим «почему». Но как впоследствии люди поняли механику расщепления камня, так и через несколько тысячелетий они постигнут природу парапсихических способностей.

А сейчас я могу только размышлять. Размышление – дело бесполезное, что я прекрасно осознаю, но зачем отказывать себе в этом? И на своей вершине горы я напрягаю зрение, пытаюсь заглянуть в будущее.

Придет ли однажды время, когда люди, подобные богам, смогут управлять самим устройством Вселенной? Смогут ли они изменять структуру атомов одним лишь усилием воли? Смогут ли прерывать естественное эволюционное развитие звезд? Смогут ли менять генетику живых форм, улучшая ее? И наконец, самое, быть может, важное: смогут ли они освободить от цепей и оков живущие во Вселенной разумные существа, наделив их бо́льшей способностью сострадать, бо́льшим стремлением к добрым и правильным действиям?

Мечтать хорошо, и можно надеяться, что именно человек в конечном счете привнесет во Вселенную упорядоченность и гармонию. Но не понятно, как бы это могло произойти. Я вижу начало, вижу желаемый конец, но то, что посередине, от меня ускользает, мне неведома форма необходимого развития. Разумеется, мы должны не только узнать, но и понять Вселенную, прежде чем управлять ею, и путь к этому не указан на карте. Наверняка это медленный путь, шаг за шагом.

С вершины моей старости я, быть может, различаю ту грань, которую мы не сможем или не захотим переступить. Или же – не посмеем. Впрочем, думаю, конца этому пути не будет, как не было конца развитию технологии; было лишь нечто, которое извне положило ей конец на Земле. Человек бы не остановился сам, никогда. Он делает шаг, полагая его последним, но затем делает новый, а за ним – еще и еще. Сегодня я способен заглянуть в будущее лишь так далеко, как позволяют мне мои нынешние представления, но там, за гранью, уже не доступной моему воображению, человек, владеющий новым знанием, пойдет дальше.

Если человек упорствует, его ничто не остановит. И вопрос, полагаю, не в том, достанет ли у него сил и терпения, а в том, имеет ли он на это право. Меня ужасает мысль, что человек, это доисторическое чудовище, попытается продолжать начатое во времени и в мире, в которых ему не место...

Глава 31

– Не знаю, – говорил Гаррисон Джейсону, – как мне вас убедить. Мы хотим прислать сюда маленькую группу людей, чтобы они смогли изучить парапсихические способности, взамен чего...

– Я уже сказал вам, – отвечал Джейсон, – мы не можем научить вас этим способностям. Но вы отказываетесь верить моим словам.

– Я думаю, вы блефуете. Ну хорошо, пусть так. Блефуете. Чего вы еще хотите? Скажите мне, чего вы хотите.

– У вас нет ничего, что нам нужно, – сказал Джейсон. – И в это вы тоже никак не хотите поверить. Давайте я вам разьясню еще раз. Либо вы обладаете парапсихическими способностями, либо нет. Либо вы имеете развитую технологию, либо нет. Нельзя иметь то и другое сразу. Это взаимоисключающие вещи. Технология не позволяет обрести парапсихические способности; если они появляются, технология становится ненужной. Мы не хотим, чтобы вы находились здесь под предлогом изучения того, что знаем или умеем мы, даже если вы считаете, что нуждаетесь в нашем знании или умении. Вы говорите, вас здесь будет совсем немного, но это лишь поначалу. Дальше – больше, пока вы окончательно не осядете здесь у нас. Такова схема технологии: ухватить и держать, затем ухватить побольше и снова держать.

– Если бы мы ничего не скрывали друг от друга... – проговорил Рейнолдс. – И мы вас не обманываем.

– Но если вы хотите обрести парапсихические способности, вам не нужно являться на Землю. Вместо этого нужно отказаться от всего, что имеете, причем на тысячи лет. В конце концов, не исключено, что вы достигнете желаемого, хотя ручаться я бы не стал. Нам было проще: мы не ведали, что происходит, пока не случилось то, что случилось. Вы домогаетесь желаемого осознанно – и оттого, возможно, его не получите.

– Причем если бы кто-то из ваших пришел наконец к искомому, – вступил Джон, – вы бы решили, что добились своего, а ведь это глубочайшая ошибка. Ибо человек, наделенный парапсихическими способностями, стал бы мыслить иначе, чем вы, он стал бы вам чужд и начал бы к вам относиться так же, как относимся мы.

Гаррисон медленно оглядел каждого из сидевших за столом.

– Ваше высокомерие потрясающе, – сказал он.

– Мы не высокомерны, – отозвалась Марта. – Мы далеки от этого...

– Отнюдь, – сказал Гаррисон. – Вы полагаете, что сейчас вы лучше, чем были раньше. Чем лучше, я не знаю, но лучше. Вы презираще технологию. Вы смотрите на нее с пренебрежением и, возможно, тревогой, забывая, что, если бы не развитие техники, мы бы все еще жили в пещерах.

– Может быть, и нет, – ответил Джейсон. – Если бы мы не загромождали нашу жизнь машинами...

– Но вы не можете этого знать наверняка.

– Нет, конечно, – согласился Джейсон.

– Оставим пререкания, – проговорил Гаррисон. – Давайте лучше...

– Мы разьяснили вам нашу позицию, – прервал его Джейсон. – Научить парапсихическим способностям невозможно. Вы должны сами найти их в себе. И нам ни к чему развитие технологии. Мы, люди этого дома, в нем не нуждаемся. Индейцы тоже не примут плоды вашей цивилизации, ибо она разрушит установленный ими жизненный порядок. Они живут с природой, а не за ее счет. Они берут то, что природа дает им сама, а не вырывают силой и не грабят. Я не могу говорить за роботов, но подозреваю, что у них есть собственная технология.

– Один из них здесь, – сказал Рейнолдс. – Он может сказать за роботов.

– Тот, что здесь, – ответил Джейсон, – больше человек, чем робот. Он выполняет человеческую работу, самую трудную ее часть.

– Мы ищем истину, – проговорил Езекия. – Мы работаем во имя веры.

– Возможно, все это так, – сказал Рейнолдс Джейсону, не обратив внимания на Езекию, – но остается еще ваше нежелание видеть нас здесь. Земля, однако, не ваша личная собственность; вы просто не можете вот так заявлять на нее права.

– Кроме чувства отвращения при виде еще одной технологической угрозы Земле, – ответил Джейсон, – вряд ли мы с Мартой можем выдвинуть какое-то логически обоснованное возражение, а из людей этого дома в счет идем только мы двое. Остальные находятся среди звезд. Когда нас с Мартой не станет, дом опустеет, и я знаю, что очень немногих это действительно печалит. Земля вернулась к своему первобытному облику, и мне было бы невыносимо видеть ее вновь обобранной и разграбленной. Однажды это уже случилось, и одного раза довольно. Одно и то же преступление не должно совершиться дважды. Когда-то белые люди отобрали этот континент у индейцев. Мы, белые, убивали, грабили, загоняли в резервации, а те, кто избежал резерваций, были вынуждены жить в гетто. Теперь они создали новую жизнь, основанную на старой, – лучше прежней, поскольку они переняли от нас кое-какие знания, – но все же свою жизнь, а не нашу. И по отношению к ним преступление тоже не должно совершиться дважды. Их нужно оставить в покое.

– Если бы мы уговорились, – сказал Гаррисон, – что оставим этот континент в неприкосновенности, будем селиться только на других...

– В старые времена, – сказал Джейсон, – мы заключали договоры с индейцами. Пока текут реки, пока дует ветер, говорили мы, договоры будут соблюдаться. И потом неизменно их нарушали. То же самое будет с вашими так называемыми соглашениями. Пройдет всего несколько столетий, а скорее, даже меньше. Вы стали бы вмешиваться, нарушать старые договоры и заключать новые, и индейцы получали бы все меньше и меньше. Технологическая цивилизация ненасытна. Она основана на выгоде и прогрессе, на своем собственном виде прогресса. Она должна распространяться вширь, иначе она погибает. Вы можете давать обещания и быть при этом искренни; вы можете искренне хотеть сдерживать их, однако вы их не сдержите.

– Мы будем сражаться, – сказал Красное Облако. – Нам бы этого не хотелось, но придется. Мы потерпим поражение, мы это знаем, но как только первый плуг вспашет землю, как только будет срублено первое дерево, как только первое колесо подомнет траву...

– Вы сошли с ума! – выкрикнул Гаррисон. – Вы все сумасшедшие. Сражаться с нами! Вы? С копьями и стрелами!

– Я сказал вам, – ответил Гораций Красное Облако, – мы знаем, что потерпим поражение.

– И вы запрещаете нам вход на планету, – мрачно проговорил Гаррисон, повернувшись к Джейсону. – Это не ваша планета, она в равной степени наша тоже.

– Вход на нее никому не воспрещен, – ответил Джейсон. – У нас нет никакого юридического, возможно, даже морального права противостоять вам. Но я вас прошу из уважения к приличиям оставить нас в покое. У вас есть другие планеты, вы можете занять новые...

– Но это наша планета, – сказал Рейнолдс. – Она ждала нас все эти годы. Вы не можете воспрепятствовать остальному человечеству взять то, что ему принадлежит. Нас отсюда забрали; мы этого не заслуживали. Все эти годы мы считали ее своим домом.

– Вы не заставите нас в это поверить, – сказал Джейсон. – Экспатрианты радостно возвращаются к старым родным берегам? Позвольте, я скажу вам, что думаю.

– Ну, будьте любезны, – сказал Рейнолдс.

– Я полагаю, что вы давно уже знали о местонахождении Земли, но она вас не интересовала. Вы знали, что на ней не найти ничего, кроме места для жилья. А потом прослышали, что на Земле остались люди, и они могут путешествовать к звездам, оказываясь там в мгновение ока, и что они способны телепатически общаться через огромные расстояния. Слухи множились. И вы подумали, что, если добавить нашу способность к вашей технологии, могущество ваше возрастет. И тогда вы задумались о возвращении на Землю.

– Я не совсем понимаю, к чему вы клоните, – сказал Гаррисон. – Главное, что мы здесь.

– Вот к чему, – ответил Джейсон. – Не угрожайте нам, что завладеете Землей, в надежде, что мы в конце концов уступим и отдадим вам желаемое, лишь бы вы не заселили Землю.

– А если мы все равно решим заселить Землю?

– Мы не можем вас остановить. Народ Красного Облака будет уничтожен. Мечте роботов наступит конец. Две культуры, из которых что-то могло получиться, будут обрублены, и вы останетесь на бесполезной планете.

– Не бесполезной, – возразил Рейнолдс. – Учтите наши достижения. С тем, что у нас есть, Земля могла бы стать нашей базой, сельскохозяйственной базой.

Пламя свечей колыхнулось под налетевшим откуда-то сквозняком, и наступило молчание. Все, что можно было сказать, подумал Джейсон, уже сказано, и бесполезно говорить что-либо еще. Это конец. Двое сидевших по другую сторону стола мужчин не испытывали никакого сочувствия; быть может, они понимали, что поставлено на карту, но это было холодное, жесткое понимание, которое они сочтут своей заслугой. Их послали работать, этих двоих и тех, что остаются в космическом корабле на орбите. Для них не имеют значения последствия – это никогда не имело значения: ни сейчас, ни прежде. Уничтожались цивилизации, стирались с лица земли культуры, погибали люди и надежды, игнорировалось всякое приличие. Все приносилось в жертву прогрессу. А что такое прогресс, думал Джейсон. Как его определить? Мощь или нечто еще?

Где-то хлопнула дверь, и прокатилась волна холодного осеннего воздуха. В вестибюле послышались шаги, и через порог шагнул робот, поблескивавший при каждом шаге.

Джейсон поспешно поднялся.

– Стэнли, – сказал он, – я рад, что ты смог прийти, хотя, боюсь, уже слишком поздно.

Стэнли указал на двоих, сидевших за столом.

– Это они? – спросил он.

– Да, они самые, – ответил Джейсон. – Я хочу представить тебе...

Робот отмахнулся от церемонии знакомства.

– Джентльмены, – сказал он, – у меня есть для вас сообщение.

Глава 32

Он спустился с утеса над рекой, шагая сквозь свежую, полную лунного света осеннюю ночь, и вышел к краю кукурузного поля, где снопы стояли подобно призракным вигвамам. Позади, стараясь не отставать, преследуя его по пятам, ковылял мяукающий инопланетянин. Откуда-то подал одинокий голос енот.

Дэвид Хант возвращался в огромный дом, стоявший над двумя сливающимися в воды реками; он мог вернуться, так как знал ответ. Вечерняя Звезда будет его ждать, по крайней мере, он на это надеялся. Конечно, ему следовало предупредить ее о своем уходе, но почему-то он не смог найти нужных слов, да и постеснялся бы говорить, даже если б нашел.

Он все еще нес лук, колчан со стрелами висел за спиной, хотя теперь он знал, что носит их с собой по привычке; они ему больше не нужны. Интересно, подумал он, давно ли они не нужны?

Над макушками деревьев он видел верхние этажи и утыканную печными трубами крышу огромного дома – неясное темное пятно на фоне ночного неба, и, обогнув выдававшийся в поле мысок леса, он увидел стоявший среди снопов блестящий металлический объект.

Дэвид резко остановился и пригнулся к земле, словно объект мог таить неизвестную опасность, хотя он уже понял, что это: машина, которая доставила людей со звезд. Вечерняя Звезда говорила ему об угрозе, которую несет Земле такой корабль. И вот он здесь; за короткое время, что Дэвид отсутствовал, корабль прибыл. Внезапно юноша ощутил, как откуда-то поднялась и коснулась его волна необъяснимого страха. Оробев, он как будто даже различил укрытый за кораблем неясный силуэт.

Он отступил, а фигура выдвинулась из-за корабля, и было удивительно, как она могла за ним скрываться. Она была огромна, гораздо больше корабля, и, несмотря на смутные ее очертания, в ней чувствовалась жестокость. Дэвид понял, что не сумел убежать. Убежать от этого невозможно, он же знал. Не стоило и пытаться.

Темный Ходун сделал новый тяжкий неуклюжий шаг, и Дэвид повернулся лицом к приближающемуся призраку. Он знал, что, если сейчас побежит, уже никогда не сможет остановиться. Он будет жить, готовый в любую минуту бежать прочь – как снова и снова убегал его народ.

Теперь, быть может, убегать нет нужды. Темный Ходун приблизился, и Дэвид смог его разглядеть: ноги как стволы деревьев, массивное туловище, крошечная головка, вытянутые руки с когтями.

И в это мгновение призрак из Темного Ходуна вдруг превратился в медведя гризли, поднявшегося из логова и нависшего над Дэвидом, близко, слишком близко, чтобы стрелять. Машинально юноша выхватил стрелу и поднял лук, а его мозг – или некая сила, что таилась в его мозгу, – нанес сокрушительный удар.

Ходун не упал, как упал бы гризли. Он споткнулся, наклонился вперед, пытаясь дотянуться до Дэвида, а тот туго натянул тетиву, твердо удерживая стрелу. Ходун исчез, а стрела просвистела и со звоном ударилась в блестящий корпус корабля. Темного Ходуна больше не было.

Дэвид Хант опустил лук и стоял, весь дрожа. Затем он повалился на колени и съехал, вздрагивая всем телом. К нему приблизился клубок червей, тесно прижался, выпустил щупальце и крепко его обнял, передавая неслышимые ухом слова утешения.

Глава 33

- Это кто такой? – спросил Рейнолдс Джейсона.
- Его зовут Стэнли. Это робот с Проекта. Мы говорили вам о Проекте, если помните...
- А, да, – сказал Гаррисон, – суперробот, которого строят его маленькие братишки.
- Я должен возразить против вашего тона, – резко сказал Езекия. – У вас нет причин проявлять высокомерие. То, что делает этот робот со своими товарищами, лежит в русле великой традиции вашей технологии: строить больше и лучше и с большим воображением...
- Прошу прощения, – сказал Гаррисон. – Но он ворвался сюда...
- Его пригласили, – холодно ответил Джейсон. – Он был далеко и только что прибыл.
- С сообщением?
- Оно от Проекта, – ответил Стэнли.
- Что за сообщение? – требовательно спросил Гаррисон.
- Я объясню, – сказал Стэнли. – Проект уже в течение нескольких лет общался с неким разумом в центральной части Галактики.
- Да, – сказал Рейнолдс. – Мы об этом слыхали.
- Сообщение, которое я принес, – продолжал Стэнли, – от этого разума.
- И оно имеет отношение к положению дел здесь? – спросил Рейнолдс. – По-моему, это нелепость.
- Оно имеет отношение к вам, – сказал робот.
- Но откуда ему знать о здешней ситуации? Огромный инопланетный разум, конечно, не станет заниматься...
- Сообщение, адресованное вам и остальным членам вашей экспедиции, таково: «Оставьте Землю в покое. Любое вмешательство запрещено. Она – часть эксперимента».
- Но я не понимаю, – рассерженно проговорил Гаррисон. – Какой эксперимент? О чем он? Это полная бессмыслица.
- Стэнли достал из сумки сложенный лист бумаги, перебросил его через стол Рейнолдсу.
- Это копия сообщения, с принтера.
- Рейнолдс поднял бумагу и взглянул.
- Но я не понимаю, к чему это все. Если вы снова пытаетесь блефовать...
- Это Принцип, – негромко проговорил Джейсон. – Мы задавались вопросами; теперь мы знаем. Проект разговаривал с Принципом.
- Принцип? – вскричал Гаррисон. – Это еще что? Мы не знаем никакого Принципа.
- Джон вздохнул:
- Да, действительно. Нам следовало о нем рассказать. Если вы готовы слушать, я расскажу вам о Принципе.
- Еще одна сказка, – сердито сказал Гаррисон. – Липовое сообщение, а теперь сказочка. Вы, видно, считаете нас дураками...
- Теперь это не важно, – сказал Джейсон. – Не имеет значения, что вы думаете и что думаем мы.

Джон был прав в своем предположении, сказал себе Джейсон; над землянами был поставлен эксперимент. В том же духе, как если бы земной бактериолог или вирусолог стал экспериментировать с колонией бактерий или вирусов. А если это так, подумал он – и был поражен своей мыслью, – то люди в этом доме, и маленькое племя индейцев, и еще одна маленькая группка людей на западном побережье остались на Земле не случайно – их намеренно оставили здесь в качестве, например, контрольных групп.

Джон говорил: Принцип должен знать, что штамм человечества сохранил чистоту, но хотя в массе своей человечество не изменилось, отдельные его фрагменты подверглись мута-

ции. Ибо здесь есть три человеческих штамма: люди этого дома, индейцы и люди на побережье. Из них два мутировали успешно, а третий перестал развиваться. Хотя погоди-ка, сказал себе Джейсон, последнее заключение неверно, поскольку есть Дэвид Хант. Джейсону вспомнилось, как недели две назад музыкальные деревья вдруг восстановили былую тонкость и устойчивость исполнения, и еще припомнился тот невероятный слух, что сегодня днем принес Тэтчер. И как это роботам удастся узнавать обо всем прежде всех?

И роботы. Не три различных штамма, а четыре. Одно очко не в пользу Принципа, развеселившись, подумал Джейсон. Он готов был поставить на что угодно (и нисколько не сомневался в выигрыше), что Принцип не принял в расчет роботов. Хотя роботы, если задуматься, внушают некоторый страх. Что за хитрое устройство являет собой эта штука, которая может разговаривать с Принципом и передавать его сообщения? И почему Принцип поручил Проекту выступать от его имени? Просто потому, что он оказался под рукой? Или же между ними существуют близость и понимание, невозможные между Принципом и человеком или любой другой биологической формой жизни? От этой мысли Джейсона пробрала дрожь.

— Помнишь, — обратился он к Стэнли, — сначала вы сказали, что не можете ничем нам помочь?

— Помню, — ответил робот.

— Однако в конце концов помогли.

— Я очень рад, — сказал Стэнли. — Я думаю, мы с вами имеем много общего.

— Искренне надеюсь, что это так, — сказал Джейсон, — и благодарю тебя от всего сердца.

Глава 34

Когда он вошел в комнату, она сидела у стола с разложенными на нем книгами. В первое мгновение она не поверила своим глазам.

– Дэвид!

Он стоял, молча глядя на нее, и она заметила, что у него нет ни лука, ни колчана со стрелами, ни ожерелья из медвежьих когтей. Глупо, подумала она, замечать такие вещи, когда важно только то, что он вернулся.

– Ожерелье... – начала она.

– Я его выбросил, – ответил он.

– Но, Дэвид...

– Я повстречал Ходуна. Лук мне не понадобился. Стрела его не поразила; она ударилась в корабль.

Девушка молчала.

– Ты думала, что Ходуна нет, что он не более чем тень...

– Да, – сказала она, – какой-то фольклорный персонаж. Из старого предания...

– Возможно. Я не знаю. Может быть, тень той великой расы строителей, которые когда-то здесь жили. Люди, не похожие на нас. На нас с тобой. Тень, которую они отбрасывали на землю и которая осталась на ней даже после того, как они исчезли.

– Призрак, – сказала она. – Привидение.

– Но теперь его больше нет.

Она обошла вокруг стола, и Дэвид быстро шагнул ей навстречу, обнял и крепко прижал к себе.

– Так странно, – сказал он, – я могу исправлять неправильное, излечивать больное. Ты способна увидеть все, что есть, и позволяешь мне увидеть то же.

Она не ответила. Он был слишком близко, был слишком реален – он вернулся.

Однако мысленно она сказала Дедушке Дубу: «Это и есть то новое начало...»

– Скоро я вас покину, – сообщил Джон. – Но на этот раз ненадолго.

– Ужасно жаль, – ответил Джейсон. – Возвращайся при первой возможности. Мы вместе росли...

– Хорошие были времена.

– Мы – братья, в этом есть нечто... особенное.

– Тревожиться теперь не о чем, – сказал Джон. – Земля в безопасности. Мы будем жить дальше, как жили. Индейцы и роботы могут выбирать любую дорогу. Люди могут не принять полностью идею Принципа, будут над ней размышлять, обдумывать, обсуждать. Решат, как Гаррисон, что это сказка. Гаррисон и его люди наверняка попробуют подступиться к Земле, я почти уверен, что они это сделают. Для них это кончится скверно.

Джейсон кивнул:

– Верно. Но есть еще Проект...

– Джейсон, ты говоришь загадками.

– Все решили, что Принцип использовал Проект как мальчика на посылах.

– А разве не так?.. Ты же не думаешь...

– Именно, – сказал Джейсон. – Не мальчик на побегушках, а его представитель. Они общались. Проект рассказал Принципу, что происходит, а Принцип сказал ему, что нужно делать.

– Возможно, ты прав, – проговорил Джон, – но вспомни: мы встречались с другими разумными существами, и успехи наши были чрезвычайно скромны...

– Ты не понимаешь одного, – сказал Джейсон. – Принцип – не просто инопланетный разум, одно из многих разумных существ, с которыми вы сталкиваетесь в космосе. Я думаю, он мог бы говорить с нами, с любым из нас, если бы захотел.

Джон хмыкнул:

– Тогда встает вопрос, Джейсон. Разговаривают с себе подобными. Готов ли ты предположить, что Принцип – это... нет, не может быть. Он должен быть чем-то иным. Принцип – не машина, могу поклясться. Я многие дни жил рядом с ним.

– Суть не в этом, – сказал Джейсон. – К машине Принцип не имеет никакого отношения. Я думаю вот о чем: может, Проект уже не машина? Можно ли машину превратить в нечто иное? Как долго она должна эволюционировать, чтобы стать чем-то другим – еще одной живой формой? Отличной от нас, разумеется, но не менее живой?

– Твое воображение уводит тебя слишком далеко, – сказал Джон. – Но все равно нам нечего бояться. Роботы наши друзья. Они должны быть нашими друзьями – мы же, черт возьми, их создали.

– Не думаю, что это всего лишь воображение. А что, если Принцип, чем бы он ни был, обнаружил в себе большую близость к Проекту, чем к человечеству? У меня мурашки бегут по спине.

– Даже если и так, какая разница? – сказал Джон. – Кроме вас с Мартой, мы все – среди звезд. Через несколько тысячелетий не будет никого, кого бы заботил Принцип или Земля. Мы совершенно свободны, можем отправляться куда хотим и делать что хотим. И эти путешествия, я уверен, только начало. В будущем в нас разовьются новые способности, не знаю какие, но они появятся.

– Возможно, я близорук, – признал Джейсон. – Я не вижу перспективы с той же ясностью, что и вы. К тому времени, когда Проект разовьется настолько, чтобы оказать заметное влияние, нас с Мартой давно уже не будет. А как насчет индейцев? Из нас всех они, возможно, самая важная часть человеческой расы.

Джон усмехнулся:

– У индейцев все будет прекрасно. Они слились с планетой, стали ее частью.

– Надеюсь, – сказал Джейсон, – что ты прав.

Они посидели в молчании; в камине трепетали язычки пламени, в дымоходе что-то вздыхало. В карнизах гулял ветер, и в тишине и неподвижности ночи старый дом кряхтел под тяжестью лет.

Наконец Джон проговорил:

– Ты мне вот что скажи. Что там с твоим инопланетянином?

– Покинул планету. Он пробыл здесь дольше, чем собирался, но ему нужно было поблагодарить Дэвида. Правда, тот не услышал ни единого слова. Поэтому он пришел и сказал мне.

– И ты передал Дэвиду благодарность?

Джейсон помотал головой:

– Нет. Он к этому не готов, может испугаться и опять убежать. Я сказал двоим, тебе и Езекии.

Джон нахмурился.

– Стоило ли говорить Езекии?

– Я долго колебался, но в конце концов рассказал. Мне показалось... ну, вроде как это по его части. Его так гнетут воображаемые тревоги и самообвинения. Пусть для разнообразия побеспокоится о чем-то реальном.

– Я, собственно, не об этом, – сказал Джон. – Меня беспокоит проблема души. Ты искренне полагаешь, что этот странный тип с запада мог дать инопланетянину душу?

– Так сам инопланетянин сказал.

– А ты как думаешь?

– Мне порой думается, – ответил Джейсон, – что душа – это состояние ума.

Езекия, глубоко озабоченный, расхаживал по монастырскому саду.

Невозможно, говорил он себе, чтобы то, что сказал ему мистер Джейсон, было правдой. Мистер Джейсон, должно быть, неверно понял. Ему, Езекии, хотелось, чтобы инопланетянин был здесь. Хотя мистер Джейсон сказал, что поговорить с чужаком Езекии не удалось бы.

Ночь была тиха, и звезды очень далеки. По склону осеннего холма прокрался зимний ветер. От его прикосновения Езекия вздрогнул и тут же почувствовал отвращение к самому себе. Он не должен вздрагивать на ветру, он не может его ощущать. Может быть, подумал он, я превращаюсь в человека? Может быть, я в самом деле чувствую движение воздуха? И этой мысли он испугался даже больше, чем своего зябкого ощущения.

Гордыня, подумал он, гордыня и тщеславие. Избавится ли он от них? А когда он избавится от сомнений?

И, задав себе этот вопрос, он уже не мог отделаться от мысли, которую гнал прочь, размышляя об инопланетянине и его душе.

Принцип!

– Нет! – закричал он, объятый неожиданным страхом. – Нет, этого не может быть! Это решительно невозможно. Даже думать об этом – святотатство.

Уж в чем в чем, яростно напомнил он себе, а в этом его ничто не поколеблет.

Бог навеки останется добрым старым джентльменом (человеком) с длинной седой бородой.

Звездное наследие

Глава 1

«ОДНИМ ИЗ ЛЮБОПЫТНЕЙШИХ ОБЫЧАЕВ, порожденных Крушением, явилось складывание пирамид из мозговых кожных роботов – точно так же некоторые варварские азиатские племена в память о той или иной битве складывали пирамиды из человеческих голов, превращавшихся позднее в голые черепа. Такой обычай был распространен не повсеместно, однако в рассказах путешественников содержится достаточно свидетельств того, что ему следовали многие оседлые племена. Кочевые народы, возможно, тоже собирают мозговые кожные, но пирамиды из них складывают только во время отправления обрядов. Обычно же их хранят в священных сундуках, которым во время похода отводится почетное место на повозках в голове колонны.

Полагают, что такой интерес к мозговым кожным роботам знаменует собой торжество человека над машинами. Но этому нет неопровержимых доказательств. Возможно, симметричное строение кожных имеет помимо другого действительного или выдуманного значения еще и эстетическое. А может быть, их сохранение – неосознанная реакция на их символическую долговечность: из всего созданного человеком технологической эры они – нечто наиболее прочное и долговечное, ибо сделаны из волшебного металла, которому не страшны ни время, ни непогода».

Из «Истории конца цивилизации» Уилсона

Глава 2

Томас Кашинг весь день рыхлил мотыгой картофельную грядку на узкой полоске берега между рекой и стеной. Грядка была хорошая. Если ее вдруг не поразит какая-нибудь немочь и не стряется никакой другой беды, то потом удастся накопать немало мешков картошки. Томас в поте лица трудился ради этого урожая. Он ползал на четвереньках меж рядов, сбивая маленькой палкой с ботвы картофельных жучков и подхватывая их на лету берестяным кузовком, который держал в другой руке. Он ловил их на земле, чтобы снова не влезали на картошку и не лакомились листьями. Ползая на карачках, он чувствовал, как ноют натруженные мышцы, как немилосердное солнце молотит его лучами, и ему казалось, что он тащится сквозь ядовитую удушливую дымку поднятой им же пыли, наполнявшей неподвижный знойный воздух. Время от времени, когда берестяной кузовок наполнялся копошащимися жучками, растерянными и обиженными, Томас втыкал в землю палочку, отметив то место на грядке, где он остановился, и шел к реке. Там он садился на корточки и тщательно вытряхивал кузовок в поток как можно дальше от берега, отправляя жучков в путешествие, в котором выживут немногие, а оставшиеся в живых окажутся далеко от его картофельной грядки.

Иногда он мысленно разговаривал с жучками. «Я не желаю вам зла, – говорил он им, – я делаю это не из вредности, а чтобы защитить себя и себе подобных. Иначе вы сожжете ту пищу, на которую мы рассчитываем. Вот я вас и убираю». Он просил у них прощения и оправдывался, чтобы смирить их гнев, как древние охотники просили прощения у медведей, которых убивали для своих пиров.

Даже в постели, прежде чем уснуть, он снова думал о них, снова видел их – полосатую золотистую пену, подхваченную водным потоком и быстро уносимую навстречу непонятной судьбе, неизвестно как и почему постигшей их, бессильных и отвести ее, и избежать.

В конце лета, когда наступала засуха и из синего котла безоблачного неба лились палящие солнечные лучи, Томас носил воду из реки ведрами на коромысле. Носил, чтобы напоить жаждущие растения. Целыми днями он карабкался по крутому склону от реки к полоске земли, таща воду своим росткам. Потом опять спускался вниз, чтобы набрать очередные два ведра. И так – без конца, чтобы кусты росли и становились пышными, чтобы можно было запасти картошки на зиму.

Мы платим за свое существование дорогую цену, думал Томас, мы ведем бесконечную и тяжелую борьбу за выживание. Не то что в старые времена, давным-давно описанные Уилсоном, попытавшимся нащупать и воссоздать прошлое, которое кончилось за много веков до того, как он взялся за перо. Он вынужден был экономить бумагу, отчего писал на обеих сторонах листов, мелко и убористо. И этот его микроскопический, страдальческий почерк, благодаря которому он пытался втиснуть на бумагу все слова, которыми кишел его разум... Вновь и вновь он настырно повторял, что его «История» основывается скорее на мифах и легендах, нежели на фактах. Это неизбежно, поскольку фактов почти не осталось. Однако он был убежден в необходимости написать свою «Историю», прежде чем немногие оставшиеся факты забудутся совсем, а мифы и легенды пополнятся новыми небылицами. Ему казалось необходимым оценить эти мифы и легенды. Он снова и снова задавался мучительными вопросами: о чем писать? Что обойти вниманием? Ибо он упоминал не обо всем. Миф о Звездном Городе, к примеру, Уилсон из своей «Истории» исключил.

Но довольно об Уилсоне, сказал себе Кашинг. Пора снова браться за мотыгу. Сорняки и жучки – враги. Сушь – враг. Слишком жаркое солнце – враг. И так думал не только Кашинг, но и другие земледельцы, растившие кукурузу и картофель на таких же делянках выше и

ниже по течению, достаточно близко к стенам, чтобы иметь какую-то защиту от случавшихся время от времени набегов из-за реки.

Том весь день промахал мотыгой, и теперь, когда солнце наконец ушло за маячившие на западе крутые берега реки, он присел у воды и стал смотреть на противоположный берег. Выше по течению, примерно в миле, стояли каменные быки разрушенного моста. Части пролетов еще были целыми, но для переправы мост не годился. Еще дальше торчали две огромные башни, где некогда жили люди. В старых книгах они назывались высотками. Существовало два вида таких строений: обычные высотки и высотки для пожилых людей, и Том удивился, зачем нужно было такое разделение по возрасту. Сегодня ничего подобного не было. Не существовало различий между стариками и молодежью. Они жили вместе и нуждались друг в друге. Молодые были источником силы, старики – мудрости, и все вместе трудились на общую пользу.

Он увидел это, впервые придя в университет, и почувствовал на себе, когда его взяли под покровительство Монти и Нэнси Монтроуз. Это покровительство со временем стало чем-то большим, нежели простая формальность, потому что Том жил с ними и, по сути дела, стал их сыном. Университет – и больше всех Монти и Нэнси – дали ему ощущение добра и равенства. За последние пять лет он превратился в неотъемлемую частицу университета, словно тут и родился, и познал ту особую радость, которая была неведома ему в годы странствий. Сейчас, сидя на речном берегу, он признался себе, что эта радость смешана с чувством вины и досады, что его держит здесь любовная преданность этой пожилой чете, принявшей его в дом и сделавшей частичкой самих себя. Пять лет, прожитые здесь, дали ему немало: он научился читать и писать; он познакомился с некоторыми книгами, что рядами стояли на полках в библиотеке; он стал лучше понимать, что такое мир, чем он был когда-то и чем стал. Здесь, под защитой стен, у него появилось время на раздумья и выводы. Но хотя он много размышлял, ему по-прежнему было не совсем понятно, чего он хочет от себя и для себя.

Он снова вспомнил тот дождливый день ранней весной, когда сидел за столом у библиотечных стеллажей. Он уже забыл, что делал там. Возможно, просто читал книжку, которую в должное время снова поставит на полку. Но теперь ему с пугающей ясностью вспомнилось, как в какой-то праздный миг он выдвинул ящик стола и нашел в нем тонкую стопку вырванных из книг титульных листов с записями, сделанными мелким неразборчивым почерком. Он вспомнил, как сидел, застыв от изумления, ибо этот корявый убористый почерк нельзя было спутать ни с каким другим. Он перечитывал «Историю» Уилсона много раз, он был странно очарован ею и теперь не сомневался, что это и есть записки Уилсона, оставленные тут, в ящике, ждущие, когда их найдут – спустя тысячу лет после того, как были написаны.

Дрожащими руками Том извлек их из ящика и с благоговением разложил на столе. При тусклом свете дождливого дня он медленно читал записки, находя в них много знакомого материала, который в конце концов пробился в «Историю». Но тут была и страничка с замечаниями (точнее, полторы странички), которая не пошла в свое время в дело. Это был миф, настолько мятежный, что Уилсон, должно быть, решил в конце концов не включать его в свой труд. Миф, о котором Кашинг никогда не слышал, о котором, как он выяснил в ходе последующих осторожных расспросов, никто никогда не слышал.

В записках говорилось о Звездном Городе, расположенном где-то на западе. Просто «на западе», без дальнейших уточнений его местонахождения. О нем говорилось очень туманно, и было похоже скорее на миф, чем на быль. Это слишком ошеломяло, чтобы быть правдой. Но с того дождливого дня именно мятежностью своей миф неотступно и непрестанно преследовал Кашинга, не желая оставить его в покое.

На противоположном берегу широкой бурной реки над водой круто поднимались утесы, увенчанные густыми рощами. Река, клокоча, стремилась вперед; торопливый поток

бурлил и с мощным ревом сметал все на своем пути. Река – штука сильная, и она словно осознает и ревниво оберегает свою силу, хватая и увлекая все, что может достать: кусок плавника, листик, картофельных жучков или человеческое существо, если оно попадется. Глядя на нее, Кашинг трепетал, чувствуя какую-то угрозу, хотя вряд ли именно он должен был ее чувствовать. На реке, как и в лесу, он был дома. И понимал, что ощущение угрозы порождено его нынешней мимолетной слабостью, проистекающей из нерешительности и замешательства.

Уилсон, подумал Кашинг. Не будь этих полутора страничек, он бы сейчас ничего не чувствовал. Или чувствовал? Только ли в записках Уилсона дело? Или в стремлении бежать от этих стен обратно в леса с их ничем не ограниченной свободой?

Этот Уилсон, немного сердито сказал себе Кашинг, превращается в наваждение. С тех пор как он впервые прочел «Историю», этот человек прочно занял место в его мыслях и никогда надолго не покидал их.

Что же чувствовал Уилсон, думал Кашинг, в тот день почти тысячу лет назад, когда впервые сел за стол, чтобы начать свою «Историю», когда его неотступно терзали мысли о ее неточности? Шептались ли тогда на ветру листья за окном? Оплывала ли свеча (ибо, как он считал, писали всегда при свечах)? Ухала ли на улице сова, словно высмеивая труд, за который взялся этот человек?

Какой она была, та давняя ночь Уилсона?

Глава 3

Я должен писать четко и ясно, сказал себе Хайрэм Уилсон, чтобы в грядущие годы всякий желающий мог прочитать мои письма. Надо все четко составить и аккуратно изложить. И самое главное, писать надобно помельче, потому что у меня мало бумаги. Жаль, мне почти не от чего оттолкнуться, думал он. Слишком мало действительных фактов и слишком много мифов. Надо утешаться тем, что историки прошлого тоже опирались на мифы и что, хотя мифы, должно быть, романтизированы в ущерб правде, они могли иметь в основе забытые события.

Пламя свечи вспыхнуло под порывом ветра, влетевшего в окно. Маленькая облезлая сова-сипуха, сидевшая на дереве, издала леденящий кровь крик. Уилсон обмакнул перо в чернильницу и написал в самом верху страницы: «Повествование о бедах и тяготах, которые погубили первую человеческую цивилизацию (с надеждой, что будет вторая, ибо то, что мы имеем ныне, есть не цивилизация, а анархия). Писано Хайрэмом Уилсоном в Миннесотском университете на берегах реки Миссисипи. Начато в первый день октября 2952 года».

Он положил перо и перечитал написанное. Остался недоволен и добавил: «Составлено по фактам, взятым из еще существующих книг, писанных встарь; по сведениям, передаваемым изустно со времен Бед; по древним мифам и фольклору, тщательно просеянными в поисках возможных зерен истины».

Ну вот, подумал он, это по крайней мере честно. Читатель будет начеку, зная, что возможны ошибки, но поймет: я сделал все возможное, чтобы написать правду.

Он снова взял перо и принялся писать:

«Несомненно, что когда-то, возможно 500 лет назад, Земля принадлежала некоей разветвленной и высокоразвитой технологической цивилизации. От нее ныне не осталось никаких следов. Машины и технология уничтожены, вероятно, в течение нескольких месяцев. Кроме того (по крайней мере в этом университете да и в других местах предположительно тоже), уничтожены все или почти все письменные упоминания о технологии. Здесь изъяты все технологические тексты, а также ссылки на технологию в других книгах. Последние отредактированы путем простого выдиранья страниц. Сохранившиеся печатные материалы о технике и науке имеют лишь общий характер и относятся к технологиям, которые уже во времена разрушения считались настолько устаревшими, что никто не видел в них опасности. Из оставшихся ссылок можно получить представление о существовавшем положении, но нельзя понять подлинных масштабов старой технологии и степени ее влияния на общество. Старые планы университетского городка показывают, что некогда здесь было несколько зданий, отведенных для изучения технологии и инженерного дела. Теперь их нет. По преданию камни, из которых были сложены эти здания, пошли на сооружение защитной стены, ныне опоясывающей университетский городок.

Степень разрушения и очевидная тщательность, с которой оно осуществлялось, свидетельствуют о беспричинной ярости и о ярко выраженном фанатизме. В поисках причин справедливее всего заключить, что ярость порождена ненавистью к тому, что принесла людям технология: истощение невозполнимых ресурсов, загрязнение окружающей среды, потеря рабочих мест и массовая безработица. Однако при ближайшем рассмотрении этот набор причин представляется слишком упрощенным. Подумав, можно прийти к выводу, что напряжение, из-за которого началось разрушение, коренилось, должно быть, в порожденных технологией общественных, политических и экономических системах.

Технологическое общество, для того чтобы приносить максимум пользы, должно состоять из крупных структур – в сфере производства, управления, финансов и услуг. Крупномасштабность – пока она управляема – дает много преимуществ, однако, достигнув

известной величины, структуры становятся неуправляемыми. Приблизительно на том этапе, когда начинается неуправляемость, в обществе развиваются силы инерции, и в результате оно еще больше выходит из-под контроля. А выйдя из-под контроля, начинает давать сбои и совершать ошибки, исправить которые почти невозможно. Постепенно ошибки и сбои становятся хроническими и начинают находить пищу в самих себе, порождая более значительные сбои и еще более крупные ошибки. Это происходит не только с самими машинами, но и с чрезмерно громоздкими правительственными и финансовыми структурами. Вероятно, руководители понимали, что происходит, но были бессильны перед лицом событий. Машины к этому времени, должно быть, совсем отбились от рук, а вместе с ними – и сложные общественные и экономические структуры, существование которых эти же машины сделали не только возможным, но и необходимым.

Задолго до окончательного Крушения, когда системы не сработали, в стране начало нарастать негодование. А когда катастрофа наконец разразилась, негодование вызвало оргию разрушения, своего рода ответный удар, призванный смести с лица земли все не оправдавшие себя системы и технологии, чтобы их уже никогда нельзя было пустить в ход и таким образом избежать новых возможных провалов. Когда же ярость поутихла, уничтоженными оказались не только машины, но и вся технологическая концепция. Несомненно, что разрушительная деятельность была направлена не туда, куда надо, но необходимо помнить: ее осуществляли фанатики. А одной из характеристик фанатика следует считать непереносимое наличие объекта для его гнева. Технология или по меньшей мере ее внешние проявления – нечто бросающееся в глаза. Кроме того, обрушиться на все это можно безнаказанно. Машина все стерпит, она не способна ответить ударом на удар.

То, что вместе с машинами были уничтожены и письменные источники, причем лишь те книги, в которых говорилось о технологии, показывает, что единственным объектом была технология и погромщики не имели ничего против собственно книг и учения. Можно даже биться об заклад, что они относились с большим уважением к книгам, ибо даже на вершине ярости не причинили вреда тем из них, в которых не говорилось о технологии. С содроганием думаешь об ужасном гневе, достигшем такой степени, что стало возможным все вышеупомянутое. Упадок и неразбериху, ставших итогом намеренного уничтожения образа жизни, созданного человечеством за века кропотливого труда, невозможно постигнуть умом. Тысячи людей, должно быть, пали жертвами насилия, которым сопровождалось разрушение. И тысячи умерли потом, уже не насильственной смертью.

Все, на что опиралось и надеялось человечество, погибло. Анархия пришла на смену закону и порядку. Линии связи были уничтожены, и в городах вряд ли знали, что происходит у соседей. Сложная система распределения оцепенела, и начался голод. Энергетические системы и электросеть подверглись разрушению, и мир погрузился во мрак. Был нанесен ущерб медицине, и по Земле пронеслись эпидемии. Можно лишь гадать о том, что произошло, поскольку никаких письменных источников не сохранилось.

Сейчас, спустя годы, даже самое мрачное воображение не способно отразить тот всеобщий ужас. С нашей нынешней точки зрения происшедшее выглядит скорее как результат безумия, нежели простой ярости, но мы должны понять, что причина этого безумия, явная или кажущаяся, наверняка существовала. Когда положение стабилизировалось (если можно представить себе стабильность после такой катастрофы), глазам наблюдателя предстала картина, о которой сейчас мы можем лишь гадать. У нас почти нет свидетельств о прошлом. Мы имеем возможность окинуть взглядом широкие пространства – но и только.

Кое-где группы фермеров создали коммуны, с оружием в руках защищая свои поля и скот от посягательств голодных грабителей. Города превратились в джунгли, где шайки мародеров дрались меж собой за право на добычу. Вероятно, тогда, как и сейчас, удельные помещики пытались добиться верховенства, дрались с другими помещиками и, так же как

ныне, гибли один за другим. В таком мире (и это верно не только для тех времен, но и для нашей эпохи) ни один человек или группа людей не могли достигнуть могущества, которое позволило бы создать полноценное правительство.

В наших местах лишь этот университет, насколько мы знаем, в какой-то степени приближается к учреждению, способному обеспечить длительный и прочный порядок. Нам в точности не известно, как на нескольких акрах земли возник этот центр относительного порядка. То, что мы выжили, установив этот порядок, объясняется нашей сугубо оборонительной направленностью. Мы никогда не стремились к расширению своих владений или навязыванию кому-либо нашей воли; мы всегда оставляли в покое тех, кто так же поступал и с нами.

Возможно, многие из живущих за стенами ненавидят нас, другие презирают как трусов, забившихся в нору. Но я уверен, что кое для кого университет стал загадкой, а возможно, и чудом. Может быть, именно поэтому последние сто с лишним лет нас никто не тревожит.

Характер общин и их интеллектуальная среда определяют реакцию на уничтожение технологического общества. Большинство выказывает в ответ гнев, отчаяние и страх, объясняющиеся узостью взгляда на положение дел. Немногие (возможно, очень немногие) склонны заглянуть чуть дальше. В университетской общине преобладает широкий взгляд, направленный не столько на современные условия, сколько на те последствия, которые будут иметь место через десяток или, возможно, сотню лет.

Университетская община, или колледж, в условиях, существовавших до Крушения, представляла собой совокупность группировок со слабыми связями, хотя, вероятно, связи эти были сильнее, чем согласились бы признать многие из членов группировок. Все они считали себя яркими индивидуалистами, но как только запахло жареным, большинство поняло, что под покровом надуманного индивидуализма лежит общность мыслей. Вместо того чтобы бежать и прятаться, как сделали бы приверженцы современных взглядов, члены университетской общины очень скоро поняли, что лучше всего сидеть на месте и попытаться создать в море хаоса относительный общественный порядок, основанный, насколько возможно, на традиционных ценностях, годами проповедуемых учебными заведениями. Маленькие пятячки разума и безопасности, напоминали себе эти люди, существовали в истории во все смутные времена. Поразмыслив, многие из них вспомнили монастыри, островки покоя в средневековой Европе. Естественно, нашлись и такие, кто говорил громкие слова о необходимости воздеть выше факел знания, когда остальное человечество погрузилось во мрак. И среди них даже могли оказаться люди, искренне верившие в то, что говорят. Но в конце концов все свелось к решению, которое обеспечило бы простое выживание, – к выбору пути, способного привести к выживанию.

Даже здесь, должно быть, какое-то время царили смятение и напряженность. Вероятно, это имело место в первые годы, когда силы разрушения стирали с лица земли научные и технологические центры университетского городка и «редактировали» книги в библиотеке, искореняя все значительные упоминания о технологии. Возможно, в угаре разрушения некоторые сотрудники факультетов, олицетворявшие ненавистные машины, приняли смерть от рук погромщиков. В голову приходит даже мысль о том, что кое-кто из факультетских работников мог участвовать в разгроме, как это ни противно. Надо учесть, что старые факультеты состояли из самоотверженных и преданных делу сотрудников и сотрудниц, которые могли враждовать между собой на почве различий в убеждениях и принципах, углубляемых порой личной неприязнью.

Но когда все было разрушено, университетская община, или то, что от нее осталось, должно быть, сплотилась опять, похоронив старые разногласия и начав создавать обособленный мирок, чтобы сохранить хоть частицу человеческого разума. Много лет над ними довлела угроза извне, о чем свидетельствует защитная стена вокруг маленького универси-

тетского городка. Ее постройка была делом долгим и нудным, но, очевидно, в городке появилось достаточно сильное руководство, которое обеспечило завершение работ. Вероятно, все это время университет был объектом для стихийных набегов, хотя усердное разграбление города на том берегу реки и еще одного, расположенного восточнее, должно быть, частично облегчало положение университетского городка. Вероятно, города были куда привлекательнее, чем имущество университета.

Поскольку у нас нет связи с внешним миром, а новости мы можем почерпнуть лишь в рассказах случайных странников, то нам неизвестно, что творится в других местах. Возможно, происходит много событий, о которых мы понятия не имеем. Но в маленьком округе, о котором мы либо знаем все, либо располагаем отрывочными сведениями, высшего уровня общественной организации достигли племена, или сельскохозяйственные коммуны, с одной из которых мы наладили элементарную торговлю. К востоку и западу от нас, в некогда светлых и красивых городах, ныне почти целиком разрушенных, обретается несколько племен, прозябающих на подножном корму и иногда воюющих друг с другом из-за каких-то воображаемых обид или ради захвата чужих земель (один Бог, впрочем, знает, почему эти земли «чужие»), а порой просто в стремлении к некой обманчивой славе, которой можно покрыть себя в бою. К северу от нас находится крестьянская община примерно из дюжины семей, с которой мы тоже торгуем. Ее продукция служит дополнением к тому, что мы выращиваем в огороде и на картофельных грядках. Расплачиваемся мы всякими безделушками – бисером, примитивными украшениями, изделиями из кожи, которые они в простоте душевной стремятся заполучить, чтобы принарядиться. Вот как низко мы пали: некогда гордый храм науки вынужден заниматься изготовлением и продажей безделок, дабы прокормить своих обитателей!

Когда-то группы людей могли обитать в собственных маленьких жилищах, обособленных от мира. В большинстве своем эти жилища прекратили существование. Их либо смели с лица земли, либо жители были вынуждены, ища защиты, вливаться в более крупные племена, способные ее предоставить. Кроме того, существуют еще и кочевники, бродячие банды разбойников, путешествующие на большие расстояния вместе с лошадьми и скотом, иногда посылающие вооруженные отряды с целью грабежа, хотя грабить уже почти нечего. Таков мир, который мы знаем; таково наше положение, и как ни горько мне это говорить, но в определенном отношении мы живем куда лучше многих других.

До какой-то степени мы сберегли свет учения. Наши дети учатся читать, писать и считать. Желаящие могут получить дополнительные знания, да и книг для чтения у нас целые тонны. И многие читающие члены общины имеют хорошее образование. Чтение и письмо – искусство, доступное ныне не многим, да и оно может быть утрачено из-за недостатка учителей. Иногда к нам приходят люди, желающие получить то куцее образование, которое мы можем им предоставить, но их немного, поскольку престиж образования очевидно невысок. Некоторые из пришельцев остаются с нами, обновляя наш генетический фонд, в чем мы очень нуждаемся. Возможно, кто-то приходит для того, чтобы оказаться под защитой стен, убежав от грубого правосудия своих сотоварищей. Против этого мы ничего не имеем и принимаем беглецов. Пока они приходят с миром и ведут себя у нас смирно – добро пожаловать.

Однако любой, если он не совсем слеп, заметит, что как учебное заведение мы растеряли почти все наше значение. Мы можем дать начальные знания, но уже во втором поколении обитателей нашего замкнутого мирка не было ни одного человека, способного подготовить специалистов с высшим образованием или чем-то похожим на таковое. У нас нет преподавателей физики, химии, философии, психологии, медицины и многих других предметов. Даже найдись они, вряд ли в них возникла бы большая нужда. Кому в таких условиях надобна физика или химия? Что проку в медицине, когда лекарств не достать? Когда нет оборудования ни для терапии, ни для хирургии?

Мы в своем кругу частенько предаемся праздным размышлениям, гадая, есть ли на свете другие колледжи или университеты, жизнь в которых похожа на нашу? Резонно предположить, что есть, но мы никогда о них не слышали. С другой стороны, мы ни разу не попытались выяснить это, поскольку не считаем нужным без необходимости афишировать свое существование.

В прочитанных мною книгах содержится немало взвешенных и логических предсказаний той катастрофы, которая постигла нас. Однако в качестве ее причины неизменно называлась война. Вооруженные несметным числом средств разрушения, крупнейшие державы древних эпох были способны уничтожить друг друга (да и весь мир) без следа всего за несколько часов. Но этого не случилось. Нет ни свидетельств ужасов войны, ни легенд, в которых речь идет о такой войне.

Все, чем мы сегодня располагаем, указывает на то, что причина упадка цивилизации заключается во взрыве ярости, охватившей значительную часть населения и направленной против мира, созданного технологией, хотя ярость эта во многих случаях могла быть направлена не туда, куда надо...»

Глава 4

Дуайт Кливленд Монтроуз был гибким сухощавым мужчиной с обветренным и загорелым лицом, багровый цвет которого подчеркивали белоснежные волосы, блестящие седые усы, густые, похожие на восклицательные знаки брови над яркими бледно-голубыми глазами. Он выпрямился на стуле, оттолкнув вылизанную до блеска тарелку, вытер салфеткой усы и отодвинулся от стола.

– Ну, как сегодня наша картошка? – спросил он.

– Я закончил прополку, – ответил Кашинг. – Думаю, это последняя. Можно оставить ее в покое. Теперь засуха ей не очень страшна.

– Ты слишком много вкалываешь, – сказала Нэнси. – Нельзя так.

Она была броской миниатюрной женщиной, похожей на птичку; годы иссушили ее, превратив в милую старушенцию. При свете свечи она влюбленными глазами смотрела на Кашинга.

– А мне работа в охотку, – сказал он ей. – Мне нравится. Я, наверное, даже немного горжусь ею. Всяк человек в своем деле мастер. Я, например, выращиваю хорошую картошку.

– А теперь, – резковато сказал Монти, поглаживая усы, – ты, наверное, уйдешь?

– Уйду?

– Том, – проговорил он, – сколько ты уже с нами? Шесть лет, правильно?

– Пять, – ответил Кашинг. – В прошлом месяце исполнилось.

– Пять лет, – повторил Монти. – Пять лет. Достаточно, чтобы узнать тебя. При том, как мы все были близки. А последние месяцы ты нервничал, как кошка. Я никогда не спрашивал тебя почему. Мы с Нэнси никогда не спрашивали почему. Что бы ни происходило.

– Да, никогда, – согласился Кашинг. – Хотя порой со мной, наверное, было трудно...

– Никогда, – оборвал его Монти. – Никогда, сэр. Вы знаете, у нас был сын...

– Недолго, – вмешалась Нэнси. – Шесть лет всего. Будь он жив, вы сейчас были бы ровесниками.

– Корь, – произнес Монти. – Корь, будь она неладна. В прежние времена люди знали, как бороться с корью и предотвращать ее. Раньше о кори, бывало, и не слыхал никто.

– Еще шестнадцать человек умерли, – сказала Нэнси, вспоминая. – Семнадцать, считая Джона. И все от кори. Это была жуткая зима. Самая страшная на нашей памяти.

– Мне очень жаль, – сказал Кашинг.

– Время скорби прошло, – ответил Монти. – Точнее, ее внешних проявлений. Внутри-то у нас она останется на всю жизнь. Мы очень редко говорим об этом, потому что не хотим, чтобы ты думал, будто мы любим в тебе его.

– Мы любим тебя, потому что ты – Томас Кашинг, – сказала Нэнси. – Томас Кашинг, и никто другой. Ты, наверное, смягчаешь наше горе. Часть былой скорби улетучилась благодаря тебе. Том, мы не можем выразить, как обязаны тебе.

– Мы обязаны тебе достаточно многим, чтобы говорить то, что мы говорим, – заявил Монти. – Немного странные речи, право. Но это становится невыносимым. Ты молчал, потому что боялся натолкнуться на наше непонимание, держался нас из чувства ложной преданности. По твоим поступкам мы поняли, что у тебя на уме, и тем не менее ничего не говорили: по нашему мнению, нам не следовало заводить разговор о твоих мыслях. Мы боялись заводить об этом речь, поскольку ты мог подумать, что мы хотим, чтобы ты ушел, а ведь ты знаешь: мы никогда не желали этого. Но эта глупость зашла слишком далеко, и теперь, думается, настала пора сказать тебе, что мы любим тебя достаточно сильно, чтобы отпустить, если ты чувствуешь, что должен идти или просто хочешь уйти. Если ты должен покинуть нас, уходи без чувства вины, не думай, что ты нас бросаешь. Мы наблюдали за

тобой последние несколько месяцев. Ты хотел нам сказать, но робел и не мог. И нервничал, будто кошка. Рвался на волю.

– Нет, тут совсем не то, – сказал Кашинг. – Я не рвался на волю.

– Это все Звездный Город, – проговорил Монти. – Видимо, в нем дело. Я бы, наверное, тоже туда пошел, будь я помоложе. Хотя не уверен, что смог бы заставить себя. Думаю, века превратили жителей университета в психов, боящихся открытых пространств. Мы столько просидели в этом городке скопом, что никто уже и не думает никуда уходить.

– Могу ли я понять из ваших слов, – спросил Кашинг, – что в записках Уилсона, по вашему мнению, что-то есть? Что Звездный Город действительно может существовать?

– Не знаю, – сказал Монти. – Не буду даже гадать. С тех пор как ты показал мне записки и сообщил, как нашел их, я ломаю над этим голову. Не просто какие-нибудь романтические размышления о том, как было бы здорово, будь на свете такой город. Я пытался взвесить все «за» и «против». Мы знаем, что люди выбрались в Солнечную систему, были на Луне и Марсе. В свете этого следует задаться вопросом: могли ли они удовлетвориться Луной и Марсом? Не думаю. При возможности они покинули бы Солнечную систему. А располагая временем, можно добиться такой возможности. Мы не знаем, добились ли они ее, поскольку последние столетия перед Крушением скрыты от нас. Именно упоминания об этих столетиях изъяты из книг. Люди, совершившие погром, хотели вытравить их из нашей памяти, и мы не знаем, что произошло за этот длинный отрезок времени. Но, судя по развитию человечества в известные нам периоды – в те, о которых мы можем прочесть, – я почти уверен, что люди умели проникать в глубокий космос.

– Мы так надеялись, что ты останешься с нами, – сказала Нэнси. – Думали, это у тебя просто блажь, которая со временем пройдет. Мы с Монти говорили об этом, и не раз. И в конце концов убедились, что есть какая-то причина, вынуждающая тебя уйти.

– Меня беспокоит одна вещь, – проговорил Кашинг. – Вы правы: я пытался набраться храбрости и сказать вам. Я гнал все эти мысли прочь, но всякий раз, решив не уходить, слышал какой-то внутренний зов, повелевавший мне идти. Меня беспокоит то, что я не понимаю – почему. Я говорю себе, что дело в Звездном Городе, а потом задаюсь вопросом: нет ли тут какой-то еще, более глубинной причины? Может быть, во мне по-прежнему бурлит волчья кровь? Ведь прежде чем постучать в ворота университета, я три года был лесным бродягой. Кажется, я вам про это рассказывал.

– Да, – ответил Монти. – Да, рассказывал.

– Но это и все. Вы никогда не расспрашивали меня. Не понимаю, почему я ничего не говорил вам.

– Ты и не должен нам ничего говорить, – сказала Нэнси. – Нам незачем знать.

– Но мне хочется рассказать, – ответил Кашинг. – Это короткая история. Нас было трое: моя мать, дедушка – отец матери – и я. Был и мой отец, но я его не помню. Разве что совсем чуть-чуть. Здоровяк с черными бакенбардами, которые кололись, когда он целовал меня...

Он уже много лет не думал об этом, заставлял себя не думать, но тут вдруг воспоминание ожило в нем яркой как день вспышкой... Маленький глубокий овраг у Миссисипи, бегущей через нагромождение холмов, которые лежали на юге, на расстоянии недельного перехода. Узкий и мелкий ручей с песчаным дном, текущий по пастбищам, стиснутым меж отвесными утесами, питаемый сильным источником, который бил из песчаника в начале оврага, где его сжимали горы. Возле источника стоял дом – маленький, посеревший от старости деревянный дом, сливавшийся с тенью холмов и деревьев так, что его нельзя было заметить, не налетев на стену, если не знаешь, что он тут. Неподалеку стояли еще две серые хибарки, такие же неприметные: ветхий сарай, дававший приют двум вороним клячам, трем коровам и быку, и курятник, который уже развалился. За домом были сад и картофельная делянка, а в небольшой долине, ответвлении оврага, – маленькое кукурузное поле.

Здесь он прожил первые шестнадцать лет и мог припомнить за все это время не больше десятка людей, приходивших в гости. Близких соседей у них не было: дом стоял поодаль от троп, по которым шли через долину кочевые племена. Устье оврага было похоже на устья точно таких же многочисленных оврагов, только еще меньше, и вряд ли могло привлечь внимание тех, кто проходил мимо. Это было тихое место, погруженное в многолетнюю спячку, но живописное; тут росли дикие яблони и сливы, цвели вишни, каждую весну окутывая дом мягкой шубкой. А по осени дубы и клены полыхали неистовым желто-красным огнем. Иногда холмы покрывались фиалками, ландышами, гвоздиками. В ручье можно было рыбачить, и на реке тоже, если только не полениться пойти в такую даль. Но в основном в ручье, где можно было без особого труда выловить мелкую вкусную форель. Вокруг водились белки и кролики, а если уметь бесшумно подкрасться и метко пустить стрелу, то можно было добыть тетерева и даже перепелку, хотя перепелки слишком шустры и мелковаты для охоты с луком. И все же Томас Кашинг иногда приносил домой перепелов. Он взялся за лук и стрелы, едва научившись ходить, а обучал стрельбе его дед, настоящий дока в этом деле. По осени с холмов спускались еноты, чтобы обобрать кукурузное поле, и хотя им удавалось сожрать часть урожая, они дорого платили за это. Мясо и шкурки были куда ценнее съеденной кукурузы. В хижине всегда были собаки – иногда одна или две, иногда много. И когда приходили еноты, Том с дедом брали собак и шли на охоту. Псы либо ловили енотов, либо загоняли их на деревья, и тогда Том влезал на дерево, держа в руке лук, а в зубах – две стрелы. Он лез медленно, выискивая енотов, которые прятались в ветвях где-то наверху. Карабкаться и стрелять было трудно, приходилось держаться за ствол. Иногда енот уносил ноги, иногда нет.

Дед, как казалось Тому, запомнился ему лучше всех. Седовласый, белобородый, остроносый старикан с бегающими подленькими глазками. Он был подленьким человеком, но с Томом не подличал никогда. Старый, суровый, коварный мужик, знавший леса, горы и реку. Неграмотный, грязно ругавшийся из-за боли в суставах, клявший свою старость, не терпевший глупости и чванства ни в ком, кроме себя самого, фанатик во всем, что имело отношение к орудиям труда, оружию и домашним животным. Он мог без умолку бранить лошадь, но никогда не бил ее кнутом и не оставлял без ухода, поскольку найти ей замену было нелегко. Конечно, лошадь можно было купить, если знаешь где. Или украсть. Причем украсть бывало легче, чем купить. Но и то и другое требовало уймы времени и трудов. И было небезопасно. Нечего зря бряцать оружием. Нечего без пользы пулять стрелами. Стрелять можно только в мишень, чтобы отточить свое искусство. И еще в одном случае – когда надо убивать. Нужно учиться как следует пользоваться ножом и ухаживать за ним, ибо раздобыть нож трудно. То же касалось инвентаря. Закончил пахоту – вычисти, отполируй и смажь плуг, а потом положи на чердак в сарае, ибо плуг должно беречь от ржавчины: он послужит не одному поколению. Конская упряжь всегда была смазана, подлатана и содержалась в исправности. Кончил тятать – вымой и высуши тятку, прежде чем спрятать ее. Накосил сена – отчисти, наточи и смажь косу, а уж потом вешай на место. Никакой небрежности и забывчивости. Это образ жизни. Обходись тем, что есть, извлекай пользу, берегай имущество, используй по назначению, чтобы ничему не принести вреда.

Отца Том помнил очень смутно. Он привык считать отца исчезнувшим, потому что именно так ему сказали, когда он вырос и начал что-то понимать. Однако никто, похоже, не знал, что именно случилось с отцом. Однажды весенним утром он, как говорят, отправился к реке с острогой и мешком на плече. Было время нереста карпа, и рыба шла в пойму реки, в болота и озера, чтобы отложить и оплодотворить икру. В разгар нереста карп ничего не боится и становится легкой добычей. Каждый год отец Тома отправлялся к реке. Возможно, не раз. Домой он приходил, согнувшись в три погибели под тяжестью мешка, набитого карпами, опираясь на острогу, перевернутую наконечником кверху. Дома карпа чистили, потрошили и коптили, чтобы почти все лето не беспокоиться о пропитании.

Но однажды он не вернулся. К вечеру мать Тома и его старый дед отправились на поиски. Дед нес Тома на плече. Вернулись они поздно ночью, так никого и не найдя. На другой день дед опять пошел искать и на этот раз обнаружил острогу возле мелкого озерца, в котором еще играл карп. Неподалеку валялся мешок. Отец Тома исчез, и непонятно было, что с ним случилось. Он пропал без следа, и с тех пор о нем больше не слыхали.

Жизнь потекла, в общем-то, так же, как прежде. Немного тяжелее, поскольку земледельцев стало меньше. И все равно они неплохо управлялись. Всегда была еда, всегда были дрова и шкуры. Их дубили и шили одежду и обувь. Одна лошадь околела от старости, и дед ушел. Его не было десять дней, а вернувшись, он привел с собой двух лошадей. Он не сказал, как добыл их, да никто его и не спрашивал. Должно быть, украл, поскольку, уходя, не взял с собой ничего такого, на что мог бы их купить. Они были молодые и сильные, и хорошо, что их оказалось две, потому что вскоре сдохла вторая старая кляча, а для пахоты требовалась пара лошадей, как и для доставки дров и сена. Том уже вырос и стал помощником. Ему было около десяти лет. Он очень ясно помнил, как помогал деду свежевать двухдохлых лошадей. При этом он ревел и прятал слезы от деда. А потом, уже один, горько расплакался, потому что любил лошадей. Но не снять с них шкуры было бы расточительством, а при такой жизни расточительство недопустимо.

Когда Тому исполнилось четырнадцать, заболела мать. Была страшная суровая зима, с глубоким снегом, с нескончаемыми буранами, ревущими в горах. Мать слегла, она задыхалась и хрипела. Том с дедом ухаживали за ней; хитрый сварливый старик превратился в образец нежности. Они смазывали ей горло гусиным жиром, склянка которого хранилась в шкафу на всякий случай; обертывали ее шею драгоценным байковым шарфом, чтобы гусиный жир лучше действовал. В ноги клали горячие камни, стараясь держать ее в тепле, а дед варил в печи луковый отвар и хранил его там же, чтобы не остывал. Однажды ночью Том, утомленный дежурством, задремал. Дед разбудил его. «Мальчик, – сказал он, – твоей матери больше нет». С этими словами старик отвернулся, чтобы Том не видел его слез.

Ранним серым утром они вышли из дома и разгребли лопатами снег под старым дубом, где мать любила сидеть и смотреть на овраг. Они развели костер, чтобы земля оттаяла и можно было выкопать могилу. По весне они с трудом привезли на лодке три больших валуна, и дед водрузил их над могилой, чтобы отметить место и уберечь останки от волков, которые могли попытаться выкопать их из оттаявшей земли.

И опять жизнь пошла своим чередом, хотя Тому казалось, что дед уже не тот. Он по-прежнему бранился, но без бывшего пыла. Все больше времени он проводил в качалке на крыльце, а главную работу теперь делал Том. Казалось, деду хотелось поболтать, будто разговорами можно заполнить пустоту, вдруг воцарившуюся в его жизни. Они с Томом часами сидели на крыльце и разговаривали, а холодными зимними ночами устраивались у пылающего очага. Говорил в основном дед. Ему было почти восемьдесят, и он знал много страшных историй. Наверное, иной раз он и привирал, но каждый случай, похоже, имел в основе своей действительно событие, которое и само по себе, без всяких прикрас, было достаточно интересно. История про то, как дед пошел бродить на западе и убил ножом подраненного стрелой гризли; о том, как его надули при покупке лошади; о громадной рыбине, с которой он бился три часа, прежде чем смог вытащить на берег; о том, как во время странствий он стал участником короткой войны между двумя племенами, враждовавшими без всякой на то причины, просто так. И наконец, история об университете (что это такое – университет?), расположенном далеко на севере, окруженном стеной и населенном странным народцем, который пренебрежительно звали «яйцеголовые». Том рискнул предположить, что люди, употреблявшие это слово, тоже не понимали его смысла, а просто пускали в ход презрительное прозвище, доставшееся им от дремучего прошлого. Слушая деда долгими днями и вечерами, Том начинал мысленно видеть другого человека, гораздо более молодого, который вдруг выглядывал

из телесной оболочки старого хитреца. Может быть, он видел, что подленькие бегающие глазки – всего лишь маска, призванная облегчить существование в старости, в которой он видел последнее большое унижение, выпадающее на долю человека.

Но так продолжалось недолго. Тем летом, когда Тому исполнилось шестнадцать, он вернулся с кукурузного поля и увидел старика распростертым на крыльце возле кресла-качалки. Тот не испытывал больше никаких унижений, кроме унижения смерти – если ее можно считать таковым. Том выкопал могилку и похоронил деда под тем же дубом, что и мать. Он натаскал валунов, на этот раз меньшего размера, потому что ему приходилось управляться с ними в одиночку, и сложил из них надгробие...

– Ты быстро повзрослел, – сказал Монти.

– Да, наверное, – ответил Кашинг.

– А потом ты ушел в леса?

– Не сразу, – сказал Кашинг. – Оставалась ферма и скотина. Я не мог бросить скотину. Она во всем зависит от человека, так что нельзя просто взять и уйти. На крыже в десятке миль от нас жила одна семья, я слышал о ней. Им было туго. По весне, если было мало снега, они ходили за водой за целую милю. Земля у них была скудная и каменистая – плотная глина, которую трудно обрабатывать. Они жили там из-за дома, который давал тепло и кров, но больше там почти ничего не было. Дом стоял прямо на крыже, продуваемый всеми ветрами; урожаи были скудными, да и любая бродячая шайка могла разрушить дом, ведь тот был как на ладони. Вот я и пошел к этой семье, и мы заключили сделку. Они забрали мою ферму и скотину, а я выговорил себе половину прироста урожая, если будет какой-то прирост и если я когда-нибудь приду и потребую свое. Они перешли к оврагу, а я отбыл. Я просто не мог остаться: слишком мучили воспоминания. Видения и голоса стольких людей... Мне нужно было какое-то занятие. Я мог остаться на ферме, конечно, и работа там нашлась бы, но недостаточно много, чтобы избавить меня от размышлений. И воспоминаний. И созерцания этих двух могил. Не думаю, что тогда я все это осознавал. Я просто знал, что надо уйти, но прежде хотел убедиться, что за скотиной присмотрят. Можно было попросту отпустить животных на волю, но это было бы неправильно. Они стали бы гадать, что стряслось. Они привыкли к людям и надеются на них. Без людей они пропадут.

Да и о том, чем заняться после ухода с фермы, я тоже не задумывался. Просто отправился в леса. Я знал лес и реку, я там вырос. Это была дикая вольная жизнь, но сначала я следил за собой, привыкал. Я был готов на все, лишь бы уйти за много миль и заняться делом. Но в конце концов я успокоился и побрел куда глаза глядят. Я ни за что не отвечал, мог идти, куда хочу, делать все, что хочу. К концу первого года я сошелся с двумя другими лесными бродягами, такими же молодыми парнями, как и я. Команда получилась что надо. Мы ушли далеко на юг, поболтались там и вернулись. Провели часть весны и лета возле Огайо. Там хорошие места. Но со временем мы разошлись. Я хотел на север, а они – нет. Мне в голову лезла эта дедова история про университет, и меня разбирало любопытство. Судя по обрывкам слухов, там можно было выучиться грамоте, и я подумал, что это здорово. Не просто долдонить Библию и проповеди, а уметь читать.

– Наверное, ты был доволен своей жизнью, – сказал Монти. – Она тебе нравилась. И помогала избавиться от воспоминаний. В какой-то степени загоняла их под спуд, может быть, смягчала...

– Да, – Кашинг кивнул, – житуха была что надо. Я и сейчас вспоминаю, причем только хорошее. Ведь не все было гладко.

– А теперь тебе, наверное, хочется вернуться к ней, чтобы наконец оценить, насколько она была хороша. Так ли хороша, как твои воспоминания о ней. Ну и Звездный Город, разумеется.

– Звездный Город не дает мне покоя с тех пор, как я отыскал записки Уилсона, – ответил Кашинг. – Все время спрашиваю себя: а что, если такое место и правда есть и никто его не ищет?

– Значит, ты уходишь?

– Да, пожалуй. Но я вернусь. Я не навсегда. Только найду Город. Или выясню, что его невозможно найти.

– Твой путь лежит на запад. Ты бывал на западе?

Кашинг покачал головой.

– Там совсем не то, что в лесах, – сказал Монти. – Пройдя около ста миль, ты окажешься в открытой прерии. Там придется смотреть в оба. Не забудь, нам говорили, будто бы там что-то творится. Какой-то помещик собирает племена и уходит в набеги. Они, должно быть, отправятся на восток, хотя, как знать, что взбредет в голову кочевнику.

– Я буду смотреть в оба, – пообещал Кашинг.

Глава 5

Приятели катились по бульвару, как это бывало каждое утро. Это было время размышлений, усвоения и классификации всего того, что они узнали, почувствовали или получили каким-то другим путем вчера.

Небо было ясное, ни облачка, а как только взойдет звезда, начнется новое пекло. Кроме птиц, неумолчно щебетавших в кронах пожухлых деревьев, да маленьких грызунов, шаставших в траве, все было неподвижно. Буйная трава и сорняки пробивались сквозь трещины мостовой. Ветхие от времени статуи прятались в запущенных зарослях. Над ними на фоне неба маячили громады зданий.

– Я много думал о ситуации, – сказал № 1, – и по-прежнему не понимаю логики Высокочтимого Старца. Зачем ему делать вид, будто он на что-то надеется? По всем критериям, выработанным нами за тысячелетия изучения галактики, господствующая раса этой планеты исчезла и не возродится. Эта раса пережила в основном тот же процесс, который мы наблюдали в других местах. Они построили свою цивилизацию, не понимая присущего ей изъяна, который и привел их к гибели. И все же Высокочтимый Старец твердит, что случившееся – лишь временный провал. Он говорит, что в истории расы было немало таких временных провалов, но всякий раз она одерживала победу и возрождалась в блеске еще большего величия, чем прежде. Я иногда спрашиваю себя: а не объясняется ли его образ мысли преданностью этой самой драгоценной расе? Конечно, его безграничную веру в этих созданий можно понять, но все свидетельствует о том, что объект веры избран им неправильно. Либо он неосознанно лукавит, либо наивен в большей степени, чем мы от него ожидали.

Глазевший на небо № 2 перевел взгляд пучка глаз на собственное гладкое шарообразное туловище, потом с недоверием уставился на своего спутника.

– Дивлюсь я тебе, – сказал он. – Ты либо шутишь, либо пребываешь в большем напряжении, чем я думал. В. С. не наивен и не лукавит. Учитывая то, что нам известно, мы обязаны отдать ему должное: он совершенно искренен. Более вероятно другое: он может обладать знаниями, которыми счел за лучшее не делиться с нами. Возможно, какими-то подсознательными знаниями, которые мы не могли обрести, несмотря на все наши исследования, пробы и ошибки. Мы могли ошибиться в оценке расы...

– По-моему, – перебил № 1, – это крайне маловероятно. Здешняя обстановка соответствует многократно виденной нами классической модели. Согласен, кое-какие обстоятельства не укладываются в нее, но все же модель налицо, и ее ни с чем не спутаешь. Нам доподлинно известно, что раса на этой планете погибла классическим образом, в результате создавшегося классического положения. Она переживает свой последний упадок, и ей уже не подняться...

– Я бы согласился с тобой, – сказал № 2, – если б не некоторые сомнения. Я склонен думать, что здесь присутствуют скрытые факторы, которые мы не заметили или, того хуже, заметили, но обошли вниманием, сочтя второстепенными.

– Однако ответ мы получили, – упрямо ответил № 1, – и нам уже давно пора бы убраться отсюда. Мы попусту тратим время. Здешняя история почти не отличается от множества уже известных нам. Так что же тебя беспокоит?

– Ну например, роботы, – ответил № 2. – Сумели ли мы уделить им то внимание, которого они заслуживают, или слишком быстро бросили изучать их? Если так, то мы могли не понять всего их значения и влияния, которое они оказывали – или все еще оказывают – на создавшееся положение. Поскольку они – суть продолжение расы, их создавшей. Возможно, важное продолжение. Они могли и не играть заранее запрограммированных и ныне бессмысленных ролей, в чем мы убедили себя. Расспросы ничего нам не дали, но...

– А мы в каком-то смысле слова и не расспрашивали их, – заметил № 1. – Они не давали нам проходу, и каждый норовил поведать какие-то бессмысленные истории. В том, что они говорят, нет рационального зерна. Мы не знаем, чему верить и верить ли вообще. Все это какая-то тарабарщина. Кроме того, надо понимать, что роботы – всего лишь роботы, и ничего более. Это машины, причем порой до ужаса неуклюжие. И, будучи машинами, они только олицетворяют собой симптомы упадка, свойственного всем технологическим обществам. Они глупы. Мало того, они чванливы. Нет ничего хуже тупости в сочетании с гонором. И главная беда в том, что они питаются друг другом.

– Ты слишком обобщаешь, – возразил № 2. – Многое из сказанного тобой, быть может, и верно, но ведь не все же. Высокочитимый Старец, к примеру, не туп и не чванлив, он куда тонченнее иных, и тем не менее он – робот.

– Я согласен, что В. С. не туп и не чванлив, – сказал № 1. – Он – воспитанный и великодушный джентльмен. Во всех отношениях. И тем не менее, как я говорил, он бывает беспечен. Он позволяет себе мыслить, основываясь на слабой надежде, а не на фактах. На надежде, опровергаемой этими фактами. Мы – подготовленные наблюдатели с долгим опытом работы. Мы существуем куда дольше, чем В. С., и все время боремся за строгую объективность, которая чужда В. С., болтающему о вере и надежде.

– По моему разумению, пора кончать наш спор, – сказал № 2. – Мы начали пререкаться, и это никуда нас не приведет. Меня удивляет и огорчает, что мы, столько проработав вместе, еще способны впадать в такое состояние. Я воспринимаю это как предостережение: в нашей работе здесь что-то не так. Стало быть, мы не смогли достичь того совершенства, с которым всегда пытаемся работать, причиной чему в данном случае, должно быть, истины, ускользнувшие от нашего сознания, но не дающие нам покоя на подсознательном уровне.

– Я совершенно не согласен с тобой, – сказал № 1, – однако ты прав, говоря о бесплодности нашего спора. А посему давай выжмем из нашей утренней прогулки максимум удовольствия.

Глава 6

Кашинг переправился через реку, уцепившись за наспех связанный бревенчатый плот, на котором лежали лук и колчан. Плыть так было легче. Он вошел в реку под стенами университета и отдался на волю быстрого течения, которое снесло его вниз. Том вычислил, что его прибудет к противоположному берегу там, где ручей прорезал крутые стены утеса. Тогда ему не придется карабкаться вверх: по берегу ручья легко выбраться на южную окраину города. Прежде он не бывал в этих местах и гадал, что там увидит, хотя и понимал, что южная окраина вряд ли отличается от других: те же ряды ветхих домов, либо падающих друг на друга, либо уже рухнувших; едва заметные тропы, убегающие в разные стороны, остатки древних улиц, где и по сей день твердые мостовые не заросли густой травой.

Позже взойдет луна, но сейчас землю окутывал мрак. Рябь на реке крошечными радугами отражала слабый звездный блеск, но здесь, под сенью деревьев, в месте впадения ручья в реку, уже не было видно отражения звезд.

Взяв с плота колчан, Кашинг перекинул его через плечо, потом сунул руку в лямку маленького дорожного мешка, поднял лук и осторожно оттолкнул плот ногой подальше от берега. Склонившись над водой, он следил за плотом, пока тот не исчез в темноте. Течением ручья плот отнесет на стремнину, и тогда уже никак не догадаться, что кто-то переправлялся через реку под покровом ночи.

Плот исчез, но Кашинг все сидел, вслушиваясь и вглядываясь. Где-то на севере лаяла собака, настырно и упрямо, но вяло и бессмысленно – так, словно лай – ее главная обязанность. На том берегу ручья в кустах послышалась возня, осторожная, но деловитая. Животное, определил Кашинг. Явно не человек. Скорее всего, енот пришел полакомиться ракушками. Над головой жужжали москиты, но Кашинг не обращал на них внимания. Там, на картофельной полянке, он за много дней привык к москитам и их укусам. Их противный писк только немного раздражал, не более того.

Убедившись, что никто не видел, как он переправился, Том поднялся и зашагал по узкому берегу. Потом вошел в ручей и двинулся вверх по колено в воде, осторожно ступая, чтобы не угодить в яму. Глаза уже привыкли к темноте, и он различал черные деревья, слабый блеск бегущей воды. Том не торопился; ошупью отыскивая дорогу, он шел совсем бесшумно. Ветки низко склонились над водой, и он либо подныривал под них, либо отводил в сторону.

Пройдя с милю, он приблизился к развалинам старого каменного моста, вышел из воды и полез по склону на улицу, которая некогда вела к этому мосту. Он чувствовал под подошвами мокасин неровную твердь мостовой, поросшей травой и опутанной корнями. Собака на севере все лаяла, но теперь к ней присоединились другие, на юге и западе. Справа в кустах тревожно заверещала птица, испугнутая каким-то своим, птичьим, страхом. На востоке за кронами деревьев мелькнул первый лунный свет.

Кашинг шел на север до перекрестка, потом свернул на запад. Он не был уверен, что до рассвета выберется из города, но хотел уйти как можно дальше. Еще до восхода солнца надо будет найти укрытие и пересидеть в нем день.

Он удивился своему странному возбуждению. Свобода, подумал он. Неужели это она приносит такую радость после долгих лет, проведенных взаперти? Интересно, так ли чувствовали себя древние американские охотники, отряхнув с ног пыль восточных поселений? Так ли чувствовали себя, выходя к бобровой запруде, горные жители, о которых, как и об охотниках, рассказывали мифы? Так ли чувствовали себя астронавты, устремлявшие свои корабли к далеким звездам? Если они, разумеется, вообще отправлялись к звездам...

Иногда меж деревьями мелькали черные громадины. Когда луна взошла высоко, Том разглядел, что громадины эти – руины зданий. Некоторые из них сохранили очертания домов, другие превратились в груды обломков, но еще не стали курганами и не провалились в свои котлованы. Том знал, что идет по жилым кварталам, и пытался представить себе, как они выглядели в прошлом, эти улицы, которые были обсажены деревьями, эти дома, новенькие и блестящие, окруженные зеленью лужаек. И люди в них. Вон там жил врач. Напротив – юрист. Чуть дальше по улице – владелец магазина компьютеров. Дети играли на лужайках с собаками, совершал обходы почтальон, у тротуара стояла машина. Том пожал плечами и спросил себя, верна ли представленная им картина и не очень ли он ее романтизирует. В подшивках старых журналов встречались фотоснимки таких улиц. Но, может быть, эти улицы тщательно отбирали для съемок и по ним нельзя судить обо всей картине в целом?

Луна светила ярче, и Том видел, что мостовая, по которой он шел, покрыта низкими кустами и опутана корнями, а между ними была протоптана узкая извилистая тропинка, огибавшая самые густые заросли. Оленья тропа? Или же по ней ходили в основном люди? Если люди, то надо с нее сойти. Однако в конце концов Том решил остаться на тропинке. Только по ней можно было двигаться дальше, потому что по сторонам путь преграждали заросли и бурелом, старые дома и, что еще хуже, предательские подвалы, зиявшие ямами.

Том зацепился за что-то ногой, потерял равновесие и упал, оцарапав щеку. Сзади послышался тяжелый глухой удар. Кое-как поднявшись, Том увидел оперенную стрелу, которая вонзилась в ствол дерева у тропинки. Западня, подумал он. Господи, западня, и он едва не попался. Еще пара дюймов – и стрела вонзилась бы в плечо, а то и в горло. Он почувствовал холодный страх и ярость. Зачем тут западня? Кого она подстерегает – оленей или людей? Надо бы спрятаться и подождать до утра, когда охотник придет взглянуть на свою добычу. А потом пустить в него стрелу, чтобы он уже никогда не устраивал таких ловушек. Но на это нет времени: к утру надо убраться подальше отсюда.

Он вылез из хитросплетения корней и устремился в кусты, прочь от этой улицы. Идти стало труднее: лунный свет не пробивался сквозь густую листву, и Кашинг без конца спотыкался.

Внезапно он услышал звук, заставивший его остановиться. Замерев с поднятой ногой, он весь обратился в слух. Сердце стукнуло один или два раза – звук раздался снова. Теперь Кашинг узнал его: это был глухой бой барабана. Том ждал. Звук повторился, уже громче и раскатистее. Потом барабан смолк, но вскоре забил опять – еще громче и настойчивее. Теперь звучало несколько барабанов, зычное буханье самого большого из них отбивало ритм.

Том растерялся. Он пробирался к южной окраине и считал, что здесь он не наткнется на племенные стоянки. Ну и дурак, что считал. Никто не мог бы сказать, где именно разбит лагерь. Племена, не выходя за границы города, бродили по нему во всех направлениях. Если окрестности лагеря становились небезопасными, племя снималось и уходило дальше по улице.

Барабаны звучали все громче. Том определил, что они где-то впереди. Может быть, чуть севернее. Наверное, какое-нибудь празднество – годовщина племени или что-то еще. Том опять двинулся вперед. Надо было убираться отсюда и идти дальше, не обращая внимания на барабаны. Их бой нарастал. Теперь в нем слышалось нечто свирепое и кровожадное, нечто такое, чего он поначалу не заметил. Кашинг с содроганием прислушивался к этим звукам, в которых было что-то завораживающее. Иногда в промежутках между ударами слышались крики и лай собак. Впереди, примерно на расстоянии мили, Кашинг заметил пламя костров, отражавшееся от небосвода на северо-западе.

Том остановился, чтобы обмозговать ситуацию. Что творится там, за гребнем холма справа? Гораздо ближе, чем он думал поначалу. Может быть, свернуть к югу, подальше

от греха? Возможно, племя выставило дозорных и нет смысла искушать судьбу, рискуя нарваться на них.

Том не двигался. Он стоял, прижавшись спиной к дереву, и смотрел на холм, прислушиваясь к барабанам и крикам. Может быть, стоило бы узнать, что там делается? Это почти не займет времени. Он тихонько заберется наверх, поглядит и опять двинется в путь. Никто его не заметит. Надо только остерегаться дозоров. Конечно, светит луна, но сюда, под сень густой листвы, ее свет почти не проникает.

Он не сразу осознал, что лезет вверх, на холм. Кашинг двигался, согнувшись в три погибели, иногда полз на четвереньках, отыскивая тень погуще, примечая любой шорох; ветви бесшумно скользили по его кожаной одежде.

Монти предупреждал его о какой-то опасности. На западе. Одну из банд кочевников вдруг обуяла жажда завоеваний, и она, возможно, движется на восток. Может быть, городские племена засекли эти перемещения и теперь вгоняют себя в воинственный раж?

У гребня холма Том стал еще осторожнее. Между перебежками он осматривался и только после этого делал следующий шаг. Гвалт за холмом нарастал; барабаны гремели, крики не смолкали. Собаки продолжали возбужденно лаять.

Наконец Кашинг добрался до вершины и увидел внизу, в котлообразном углублении, кольцо из костров и вопящих танцоров. Посередине стояла поблескивающая пирамида, отражавшая сполохи буйного пламени.

Пирамида из черепов, подумал Кашинг, из отшлифованных человеческих черепов. Но тут он кое-что вспомнил и понял, что ошибся. Он смотрел на пирамиду не из человеческих черепов, а из мозговых кожухов давно погибших роботов. Отполированные, сверкающие мозговые кожухи роботов, чьи корпуса проржавели и рассыпались много веков назад.

Уилсон писал об этих пирамидах, вспомнил Кашинг, и размышлял о мистическом или символическом значении таких вот собраний, выставляемых на всеобщее обозрение.

Том приник к земле, чувствуя, что дрожит все сильнее. Эта дрожь наполняла его страхом давно минувших веков, догоняла и хватала своими ледяными пальцами. Он почти не обращал внимания на скачущих горлопанов, во все глаза глядя на пирамиду. В ней было что-то варварское, нечто такое, от чего Том почувствовал холодок и слабость и начал осторожно пятиться назад, вниз по склону. Он двигался так же опасно, как и прежде, но теперь был охвачен липким страхом.

У подножия холма он поднялся и пошел на юго-запад, по-прежнему осторожно, но уже быстрее. Бой барабанов и крики за спиной утихали и вскоре превратились в невнятный отдаленный гул. Но Кашинг продолжал подгонять себя. Вперед, вперед...

Небо на востоке чуть побледнело, когда он отыскал укрытие, в котором можно было пересидеть день. Похоже, это был какой-то старый дом, стоявший над озером и окруженный еще сохранившейся металлической изгородью. Посмотрев на восток, через озеро, он попытался отыскать то место, где отплясывало племя, но не увидел ничего, кроме тонкой струйки дыма. Дом был сложен из камней и кирпичей и так хорошо укрыт за деревьями, что Том заметил его, лишь когда пролез в пролом изгороди и почти налетел на стену. На крыше у торцевых стен торчали печные трубы, вдоль фасада тянулся полуразвалившийся портик. За домом стояло несколько кирпичных построек поменьше, наполовину утонувших в зарослях. Трава была высокая, но кое-где еще сохранились клумбы, и на некоторых цвели многолетние цветы, неподвластные векам, прошедшим с тех пор, как дом был покинут его обитателями.

На рассвете Том произвел разведку. Судя по всему, в последнее время тут никого не было. Ни тропинок, ни следов, ни примятой травы. Много веков назад этот дом, должно быть, подвергся разграблению, и теперь сюда просто незачем было возвращаться.

Кашинг не подходил к дому, удовлетворившись тем, что хорошенько рассмотрел его из своего укрытия среди деревьев. Убедившись, что дом покинут, он поискал укромный уголок,

чтобы спрятаться, и нашел его в густой купе сирени, росшей на довольно обширном участке. Опустившись на четвереньки, Том пролез в самую чашу и нашел местечко, где можно было лечь.

Он поднялся и привалился спиной к переплетенным стволам сирени. Зелень поглотила его, и ни один прохожий не заметит, что здесь кто-то есть. Том отстегнул колчан и положил вместе с луком рядом с собой, потом снял с плеча мешок и развязал его. Достав кусок вяленого мяса, он ножом отрезал ломтик. Мясо было жесткое и почти не сохранило запаха, но в пути такая пища очень удобна. Она не портится, почти ничего не весит и хорошо поддерживает жизненные силы – эта добрая и славная говядина, высушенная до такой степени, что в ней не осталось почти никаких соков. Том сидел и жевал, чувствуя, как уходит напряжение. Казалось, оно стекает из тела в землю, сменяясь усталой расслабленностью. Тут можно найти убежище и покой. Худшее позади. Он пересек город и добрался до западной окраины, избегнув всех опасностей, живым и невредимым.

Однако он понимал, что обманывает себя, думая так. Собственно, опасностей или угроз даже не было. Лично ему ничто не угрожало: западня – случайность. И сооружена была, скорее всего, для оленя или медведя, а Том попросту напоролся на нее. Опасность породила его собственная беспечность. Во враждебной или незнакомой стране нельзя идти по тропам. Надо держаться от них подальше, в самом крайнем случае идти параллельно им, обратившись в зрение и слух. Он научился этому за три года лесного бродяжничества, и ему следовало бы лучше помнить уроки. Он дал себе приказ впредь не зевать. Жизнь в университете ублаживала, внушала чувство ложной безопасности, и в итоге весь его образ мыслей изменился. Если он намерен пробраться на запад, надо вспомнить об осторожности.

Глупо было лезть на холм и пялиться на этот праздник или что-то там еще. Беспечность, и ничего больше. Внушая себе мысль о необходимости узнать, что происходит, он попросту дурачил себя. На самом деле он поддался порыву, чего никогда не должен делать одинокий путник. И что он, собственно, обнаружил? Племя или несколько племен, отмечавших какой-то неведомый праздник. Да еще подтверждение правоты Уилсона, писавшего о пирамидах из мозговых кожухов роботов.

Мысль об этих кожухах заставила его содрогнуться. Даже сейчас это воспоминание нагоняло на него безотчетный и неотвязный страх. Почему? Почему мозговые кожухи роботов вызывают у людей такие чувства?

Немногочисленные птицы запели свои утренние песни. Легкий ночной ветерок на рассвете вовсе утих, и листья были совершенно неподвижны. Том доел кусок, сложил остатки вяленого мяса обратно в мешок, потом потянулся и улегся спать.

Глава 7

Когда Том вылез из кустов сирени, она уже поджидала его. День был в самом разгаре. Она стояла прямо против лаза, проделанного им в кустах, и он понял, что тут кто-то есть, увидев пару босых ног в траве. Ноги были грязные, облепленные ошметками земли, с полуманными и неухоженными ногтями. Том застыл, увидев их, потом перевел взгляд повыше, на оборванный, выцветший и заляпанный халат, ниспадавший до лодыжек. Еще выше. Вот халат кончился, и Том увидел ее лицо, наполовину скрытое копной спутанных седых волос, из-под которой выглядывали холодные как сталь глазки, а в них поблескивали смешинки. В уголках глаз обозначились веселые морщинки, похожие на вороньи лапки. Тонкий искривленный рот, сжатые губы. Казалось, она пытается сдержать ликующий возглас. Том до боли выгнул шею и глупо посмотрел на нее.

Она хихикнула и выкинула коленце джиги.

– Ну, паренек, попался! – заорала она. – Попался! Лежишь на брюхе у моих ног, только и осталось, что облобызывать их! Я за тобой весь день слежу, поджидаю. Не бужу. Позорище. Да ты меченый!

Он быстро оглядел ее и почувствовал стыд оттого, что эта скандальная крикливая старуха поймала его. Она была одна. Вокруг больше никого.

– Ладно, вылезай, – велела она. – Подымайся и дай мне посмотреть на это чудо. Не часто старой Мэг удается поймать такую птичку!

Он выкинул из лаза лук, колчан и мешок, потом поднялся и оказался лицом к лицу со старухой.

– Вы только взгляните на него! – ликующе воскликнула она. – Ну чем вам не прекрасный образчик? А ты, парень, обмишурился. Решил, что никто не узнал о твоей маленькой шалости. Ты, небось, думал, что никто не заметил твоего прихода на рассвете? Как бы не так! Хотя, надо признать, ты оказался ловчее других: все осмотрел, только потом полез. Но даже тогда я уже знала, что на тебе отметина.

– Хватит болтать, – грубо оборвал ее Том. – О какой это отметине ты говоришь? И как ты меня приметила? Почуяла, что ли?

– А он не дурак, – сказала она. – И говорит как по-писаному. «Почуяла», я думаю, как раз то самое слово. Я тебя впервые вижу, но я знала, что ты здесь и куда идешь. И следила за тобой, пока ты дрых тут целый день. Как ни крути, а старушенцию не проведешь.

– Отметина, – пробормотал Том. – Что за отметина? У меня нет никаких отметин.

– Печать величия, дорогуша. Какая же еще может быть отметина? Эдакий здоровяк, ищущий великих приключений.

Том нагнулся, поднял мешок и сердитым жестом перебросил его через плечо.

– Ладно, посмеялась, и будет, – сказал он. – Я пошел.

Она положила руку ему на плечо:

– Не спеши, мой хвастунишка. Ты разговариваешь с Мэг, ведьмой с холма. Я могу тебе помочь, если захочу. А я, наверное, захочу, потому что ты симпатяга и сердце у тебя доброе. Я чувую, что тебе нужно помочь, и надеюсь, что ты не такой уж гордец и в случае чего попросишь о помощи. Хотя молодежь всегда страдает гордыней. Может, мои способности и невелики, а порой я даже сомневаюсь, что я – ведьма. Но слыть ведьмой почти так же славно, как и быть ею на самом деле. А поскольку меня считают ведьмой, я заламываю хорошую цену за свои услуги. Ибо, если попросить мало, все будут думать, что я – плохая ведьма. Но с тебя, мальчик, я ничего не возьму, потому что ты беднее церковной мыши и тебе все равно платить нечем.

– Это очень любезно с вашей стороны, – сказал Кашинг. – Особенно если учесть, что я не просил вас о помощи.

– Вы только послушайте! Сколько в нем гордыни и надменности! – воскликнула Мэг. – Он не знает, чем ему может помочь такой старый мешок с костями. Но я не старый мешок, парень, а только пожилой. Не то что раньше, конечно, но еще и не совсем дряхлый. А молодым всегда есть чему поучиться у старших и опытных. Но тебе, я чувствую, мое искусство ни к чему.

– Вообще-то...

– Ну ладно. Чайник вскипел, и ты окажешь Мэг любезность, если присядешь к ее столу. Коли тебе надо идти, так лучше уж с полным желудком. Я чувствую в тебе какое-то величие. Мне бы хотелось побольше узнать о нем.

– Нет во мне никакого величия, – возразил Том. – Я просто лесной бродяга.

– И все же я чувствую величие, – сказала Мэг. – Или стремление к величию. Я это всегда распознаю. Утром сразу почувствовала. Что-то такое у тебя в черепушке. Какое-то в тебе бурлит возбуждение.

– Послушай, – с отчаянием проговорил он, – я просто лесной бродяга. А теперь, если ты не против...

Она покрепче ухватила его за плечо:

– Теперь ты не можешь убежать. Как только я тебя почувствовала...

– Не понимаю, как ты могла меня почувствовать. Ты вынюхала меня или прочитала мои мысли? Люди не умеют читать мысли. Ан нет, стой, пожалуй, могут. Я видел какую-то книжку...

– Парнишка, да ты никак грамотный?

– Разумеется.

– Тогда ты, должно быть, из университета. Ведь за его пределами мало кто может разобрать хоть строчку. Что же случилось, бедняжка мой? Они тебя выкинули?

– Нет, – уже еле сдерживаясь, ответил он, – не выкинули.

– Тогда, сынок, дело куда интереснее, чем я думала. Хотя мне следовало бы знать. Ты так взволнован. Университетские не выбирают в мир по пустякам. Они сидят в укрытии и боятся собственной тени...

– Я был лесным бродягой, прежде чем пришел в университет, – сказал Кашинг. – Я провел в лесу пять лет, а теперь снова взялся за старое. Замучился картошку тятать.

– О, какая бравада! – воскликнула Мэг. – Он меняет тятку на лук и идет на запад, чтобы дать отпор наступающей орде. Или цель твоих поисков настолько важна, что тебе наплевать на набеги захватчиков?

– То, что я ищу, возможно, не более чем легенда, пустой шепот веков. Но ты говоришь, на нас наступает какая-то орда?

– Тебе-то, конечно, откуда знать? Забились там за свои стены и бормочете о прошлом, а что вокруг творится – знать не желаете.

– Там, в университете, мы слышали разговоры о захватчиках, которые, возможно, уже выступили в поход.

– И даже более того, – добавила Мэг. – Орда мчится сюда и растет на ходу. Их цель – этот город. Иначе с чего там вчера ночью били в барабаны?

– Я тоже думал об этом, – сказал Кашинг. – Но разумеется, ничего не знал точно.

– А я их караулила, – сообщила Мэг. – Чтобы отправиться в путь при первом признаке их приближения. Потому что если они поймают старую Мэг, то повесят ее. Или сожгут. Или подвергнут это хрупкое тело другим пыткам и издевательствам. Они не любят ведьм, а мое имя им известно, хоть у меня и скромные способности.

– Но есть же городские жители, – сказал Кашинг. – Они пользовались твоей помощью. Сколько лет ты верой и правдой им служила. Тебе надо просто пойти к ним. Они защитят тебя.

Мэг сплюнула.

– Твое простодушие приводит меня в ужас, – сказала она. – Они сунут мне нож под ребра. Они меня не любят. Они меня ненавидят. Когда их охватывает слишком сильный страх, или жадность, или еще какое-нибудь чувство, непосильное для них, они приходят ко мне, умоляя о помощи. Но приходят лишь тогда, когда им больше некуда податься, поскольку считают, что могут замараться, имея дело с ведьмой. Они боятся меня, а потому ненавидят. Ненавидят, даже принимая мою помощь.

– Тогда тебе уже давно следовало убраться отсюда.

– Что-то меня не отпускало, – ответила она. – Несмотря на то что я знала: надо уходить. Даже понимая, что делаю глупость, я все равно осталась. Словно в ожидании чего-то. Я все размышляла, а теперь поняла. Возможно, мои способности больше, чем мне казалось. Я ждала, когда появится защитник, – и вот он появился.

– Да уж, черт возьми.

Она вздернула подбородок:

– Я пойду с тобой. Можешь говорить что угодно, но я иду с тобой.

– Я отправляюсь на запад, – сказал Кашинг. – И ты со мной не пойдешь.

– Сначала мы двинемся на юг, – невозмутимо ответила Мэг. – Я знаю дорогу. Я покажу тебе, куда идти. На юг до реки, а потом – вверх по течению. Так мы будем в безопасности. Орда станет держаться холмов, потому что по речной долине идти трудно.

– Я пойду очень быстро, – предупредил Кашинг. – И ночью.

– У Мэг есть чары, – сказала она, – и способности, которые можно пустить в дело. Она умеет чувствовать чужие мысли.

Том покачал головой.

– У меня есть лошадь, – заявила она. – Не благородных кровей, конечно, но умная и добрая. Она может везти все наши пожитки.

– Я ношу свои пожитки за спиной.

– Я возьму в дорогу ветчину, шмат сала, муку, соль, одеяла и подзорную трубу.

– Что значит «подзорная труба»?

– Зрительная труба с двумя окулярами.

– Ты имеешь в виду бинокль?

– Он очень старый. Один человек пришел ко мне за помощью и расплатился этим биноклем.

– Бинокль бы пригодился, – признался Кашинг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.